

Франсуа Брюн

**БОГ
И САТАНА**

борьба продолжается

Перевод с французского
Александр Шурбелёв

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2020

НЕЗАВИСИМЫЙ
АЛЪЯНС

УДК 27-31

ББК 86.37

Б 898

Брюн Ф.

Б 898 Бог и сатана. Борьба продолжается / Ф. Брюн; пер. с фр. А. Шурбелева – СПб.: Алетейя, 2020. – 318 с.: ил.

ISBN 978-5-00165-019-5

Автор этой книги, современный французский богослов, священник Франсуа Брюн, не боится ставить самые острые вопросы, непосредственно касающиеся каждого из нас: В чем смысл страдания? Что нам делать перед лицом собственного страдания и страдания близких? Как соотносить неизбежность страданий в этом мире и страдания Самого Бога, Страсти Христовы, с мыслью о том, что Бог есть Любовь?

Почему в центре христианской картины мира, в которой Бог есть Любовь, стоит Крест и Страсти Христовы? Как одно совместимо с другим? Что такое спасение? Почему оно связано со Страстями? В чем наша роль в таком спасении и в той борьбе добра со злом, что совершается в мире? Над всеми этими вопросами мы можем начать размышлять, открыв эту книгу.

В последние месяцы жизни о. Франсуа осуществил свою давнее желание перейти в православие. Он был рукоположен в 2018 году по благословию Владыки Нестора, епископа Корсунского, на Пасху в православном приходе парижского пригорода Ванв. Похоронен на приходском кладбище Ванва, завещав оставить на своей могиле надпись:

«Отец Франсуа, православный священник.

„Я – не здесь“».

УДК 27-31

ББК 86.37

ISBN 978-5-00165-019-5

9

7 8 5 0 0 1 6 5 0 1 9 5

© Умка-Press, 2019

© А. Шурбелев, перевод на русск. яз., 2019

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2019

Протоиерей Владимир Василик

БОРЬБА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Книга Ф. Брюна «Бог и сатана. Борьба продолжается» представляет собой необычное явление. Прежде всего потому, что ее написал католический священник, который на смертном одре принял Православие. К этому непростому решению о. Ф. Брюн шел всю свою жизнь. В своих книгах он резко выступал как против избыточного католического рационализма, так и против чрезмерностей католического мистицизма. В католической мистике о. Ф. Брюн справедливо видел проявления гордыни, слащавости и самопревозношения. В публикуемой ныне книге мы можем найти достаточное количество примеров таких изъянов.

Возьмем хотя бы случай с госпожой Женни Брюйер (1845–1909), которая возомнила, что Пресвятая Богородица будто бы возложила на нее некую особую миссию. Став монахиней, она заявила, что к ней явилась Святая Дева и в дальнейшем Женни услаждалась следующими видениями и переживаниями: «Сначала я пережила юность Девы, затем — целомудренный брак материнства. Самой сладостной порой моей чудесной жизни была беременность, начало которой восходит к таинственному и всепоглощающему величию испепеляющей и неодолимой любви: «Сила Вышнего осенит тебя!» (Лук. 1,27). Сокровенные милости Жениха, которые я знала прежде, были всего лишь бледной прелюдией... Я носила в себе сладостную ношу, я чувствовала, как она шевелится в своей добровольной темнице. Он жил своей матерью и супругой, но спешил покинуть мое чрево, чтобы спасти мир. И вот пришла ночь Рождества — какое сладостное чувство!... Но ребенок был и супругом. У него была сила и любовь, и своими ласками Супруг восторжествовал над моим целомудренным сопротивлением. Я вся млела от любви, когда его губы всю меня привлекли к себе и я почувствовала, что перехожу в моего возлюбленного! Это не образы и не видения: все было пережито по-настоящему в моем физическом и нравственном существе». Отметим также, что пред смертью Женни Брюйер... лично оформила все документы на собственную канонизацию.

В православном сознании подобный опыт именуется тяжкой прелестью, добавим мы, замешанной на сексуальности и не востребовавшем материнстве. Не случайно один наблюдатель, с трудом вырвавшийся из-под воздействия Женни Брюйер, справедливо замечает: «Наверное,

надо было сказать этой женщине: “Мадам, вы рождены для материнства, а не для безбрачия: все в вас кричит о том, что вы должны стать матерью, и эта потребность заставляет мечтать о том, что Вы не сделали...” »

По понятным причинам отец Франсуа Брюн не привлек к анализу опыта Женни Брюйер прелестные видения Терезы Авильской, которой являлся некто, подобный Ангелу и пронзал ей внутренности, в т. ч. соответствующие органы, в результате чего она остро чувствовала сладостную истому. Католическая Церковь уже признала Терезу Авильскую святой, попутно канонизировав и ее опыт.

Известная недоговоренность присутствует и в других сюжетах. Так, отец Ф. Брюн справедливо развенчивает т. н. явления Девы Марии в Межигорье (Хорватия, 30 июня 1981 г.) и показывает гнилые духовные плоды подобных прелестных видений: «Начнем с того, что на отца Йозо Зовко, францисканца, организующего эти явления, поступает столько жалоб от женщин самых разных стран, обвиняющих его в сексуальном домогательстве, что епископ наконец решил убрать его с этого места. Не отстает от него и отец Томислав Власич: за несколько лет до начала упомянутых «явлений» от него забеременела одна монахиня, но гораздо хуже в этой истории то, что отец отказался признать отцовство, и понадобилось решение светского суда об установлении отцовства».

О. Франсуа Брюн не посягает на основы, тем не менее, следует воздать должное духовному мужеству автора, который правдиво показывает тот карнавал, который творится вокруг двусмысленных и обманчивых видений и явлений. В случае Женни Брюйер под ее гипноз попадали даже такие интеллектуалы, как кардинал Жан Питра, известный патролог и канонист.

Картина становится еще более гротескной, если мы вспомним, что «Женни Брюйер каждый год на Рождество неким «мистическим» образом производила на свет Младенца-Иисуса — малыша, которого, конечно же, никто никогда не видел, но которого она нежно кормила грудью, а потом с бесконечными предосторожностями передавала какой-нибудь другой избранной монахине, чтобы и та, в свою очередь, дала ему грудь». Сцена, достойная Тиля Уленшпигеля с его «невидимой картиной» или Нового платья короля Ганса Христиана Андерсена!

Отец Франсуа Брюн правдиво освещает историю с коммерциализацией подобных явлений — как в Межигорье, так и в Сан Дамиано (Северная Италия), к которому подключилась швейцарская фирма, заработавшая на видениях Розы Кватрини изрядный куш. Как про-

нищательно замечает автор: в Сан Дамиано не только процветала своеобразная мания величия, но и крутились большие деньги. В общем перед нами своеобразная версия советского фильма «Праздник святого Йоргена».

В книге о.Ф.Брюна отчетливо ощущается тот духовный и интеллектуальный хаос, в котором пребывает католический мир. В этом плане интересна фигура Джорджо Бонджованни, ученика популярного у уфологов ясновидца Эудженио Сирагуза. Джорджо утверждал, что якобы ему явилась «Святая Дева», возвестившая ему об избрании для очень важной миссии, возложившая на него кровавые стигматы. Раны на руках Джорджо Бонджованни действительно обладают необычными свойствами, однако его опыт признать христианским просто невозможно, поскольку для него Христос вместе с Кришной и Буддой — это всего лишь «существа, сошедшие со звезд и пришедшие из более развитых миров, — существа, которых мы обожествили». Перед нами — богословие (или лучше сказать теософия) оккультного направления «Нового Века», которая, однако, находит благоприятный прием среди новых католических богословов.

Разумеется, это не единственное, чем интересна данная книга. В ней присутствует разбор целого ряда интереснейших явлений — одержимости и экзорцизма, сатанизма и его причин, попытки выявления подлинных чудес. Стоит порадоваться, что такая книга выходит в свет и пожелать читателю радости в общении с этим замечательным автором и его незаурядным трудом.

Доктор исторических наук,
профессор,
кандидат богословия
протоиерей Владимир Василик.

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

Эта работа содержит несколько глав, уже опубликованных в моей книге «Чудеса и другие необычные явления». Некоторые из них были значительно расширены, другие же совершенно новы, равно как вся подача материала в целом.

Как говорит апостол Иоанн, князь мира сего — Сатана. Между сынами света и сынами тьмы идет нескончаемая борьба, и положение усугубляется тем, что сыны тьмы могут облачаться в сынов света, и тот, кто якобы сражается во имя добра, на самом деле творит зло. Именно так и случилось с инквизиторами, за которых Церковь недавно просила прощения. Но история дает и другие примеры...

Мы видим лишь лицевую сторону того, что зовется миром, а прорисовка его узора в основном совершается с другой стороны — в мире невидимом. Мы не видим тех огромных сил, которые действуют, — не видим потому, что они действуют в нас самих.

Мы лишь можем — тут и там, мимолетно или отчетливо — улавливать их следствия: улавливать в некоторых «чудесах», в действиях самозванных мистиков, в ложных чудотворениях и явлениях, но также в истинной одержимости и самых настоящих сатанинских сектах.

Но кроме того мы видим и подлинные Божьи дела: видим необъяснимые исцеления, видим ту любовь, которая охватывает настоящих мистиков, избравших путь приобщения Христовым страстям, видим еще зримые следы этих страстей, и не только на Туринской плащанице, но и на многом другом, что до сей поры преисполнено Его страданием.

ВВЕДЕНИЕ

Мировая история — это не ведающая границ космическая борьба, непрестанно разворачивающаяся между Богом и Сатаной, причем не только в мире невидимом, но и в нашем зримом мире. И на карту здесь почти всегда поставлены мы сами. Если мы этого не поймем, мы не поймем и того, как устроена вселенная, и, оставаясь в полном неведении позволим, чтобы нами манипулировали. Ведь когда мировая история — это борьба сынов света с сынами тьмы, нередко случается так, что силы зла облачаются в ангелов света. Инквизиторы наверняка были искренне убеждены, что действуют во имя добра, и тем не менее Церковь недавно признала, что это было хуже ошибки, — это было преступлением. Сколько раз в мировой истории люди стремились осчастливить человечество, старались действовать во имя добра в своей борьбе со злом, а на самом деле лишь помогали злу распространяться по всей планете, и хуже всего то, нередко они делают это во имя Божье! Нам надо во что бы то ни стало научиться распознавать два огромных противоположных потока, чтобы вполне осознанно выбрать свое место и расстроить все коварные замыслы. Цель этой работы — показать, как неприятие чудесного, которое мало-помалу воцарилось в Церкви, как раз и является одной из этих коварных уловок и в сущности приводит к неприятию Бога, а значит — к торжеству зла, как бы его ни называли: Сатаной или Люцифером.

Однако в этой поступи нового века, когда человек, посетив Луну, вполне серьезно считает, что в скором времени он ступит и на Марс, в этом мире информатики и виртуальных образов, где кажется, будто техника господствует не только над материей, но и нашим духом и умами, мы тем не менее видим, как к нам возвращается чудесное — и возвращается в самых разных формах и зачастую наиболее лживо. Сегодня везде царствует великое смятение.

У всех государственных мужей — свои ясновидящие (прямо как в эпоху Ренессанса), всевозможные медиумы, возвещая о грядущих планетарных катастрофах, зарабатывают на этом целые состояния, видения «девы Марии» множатся почти так же, как появляются НЛО и совершаются похищения, якобы устраиваемые внеземными цивилизациями; статуи плачут или кровоточат, идолы рок-н-рола заключают договор с Сатаной; вести, исходящие от «Девы», «Христа» или прямо от «Бога-Отца» и зафиксированные с помощью «автоматического письма», буквально затопляют нас; в каждом большом городе

множатся бесчисленные секты, а так называемые «харизматические группы» — скажем об этом прямо — порой мало чем отличаются от сект; на молитвенных собраниях «чудесные» исцеления совершаются прямо сотнями; через наши электронные приборы мертвые доказывают нам, что они по-прежнему живы; организуются международные конгрессы, посвященные «святой Туринской плащанице», ее вынос собирает толпы народа, но ученые, вооружившись дипломами, утверждают, что речь идет о фальсификации; почти везде «Новый век» говорит о какой-то смутной духовности, стараясь убедить нас, что Бога искать не надо, потому что мы сами — уже Бог: ведь лучший способ покончить с ним — это его заменить.

Как не потеряться во всей этой сутолоке? Очень хочется просто отбросить все и сразу. Да, это самое простое решение, и большинство ученых и богословов так и поступают. Но эта позиция уязвима. Хотим мы того или не хотим, но сегодня «чудесное» просто заполняет нас. Уже в июле 1999 года «Фигаро» сообщила, что «по данным Национального синдиката издателей с 1988 по 1998 годы продажа литературы по эзотерике, оккультизму, спиритизму, астрологии, магии, теософии и алхимии... увеличилась более чем в два раза». Издатели считают, что речь идет о настоящем «поиске смысла» для тех, «кто не нашел ответа в интеллектуальных исследованиях или в традиционной религии» (1). И все говорит о том, что эта тенденция усиливается.

Спору нет, «чудесное» отвечает нашим очень глубоким потребностям, но верно и другое: существуют бесспорные явления, которые современная наука не может объяснить, и некоторые ученые начинают признавать их наличие. Кто-то видит в них «возвращение иррационального», но я считаю, что здесь просто-напросто возвращается здравый смысл, который сначала признает те или иные факты, а затем пытается их понять. Но это, конечно, не значит, что надо признавать только то, что мы можем понять.

Итак, я считаю, что, умея читать эти знаки, мы увидим, что чаще всего они свидетельствуют об огромной подземной борьбе добра со злом, борьбе сынов света с сынами тьмы, в которую — хотим мы этого или не хотим — все мы вовлечены.

ВИДЫ ЧУДЕСНЫХ ЯВЛЕНИЙ

Сначала надо признать, что эти знаки действительно существуют, а для этого Церкви и науке надо несколько расширить свой взгляд на

мир. Мир не сводится к тому, что на сегодняшний день могут уловить наши чувства и орудия познания.

1) Чудесные явления могут свидетельствовать о вмешательстве тех естественных законов, которые обычно подавляются другими законами, но высвобождаются в определенных обстоятельствах, когда исчезает мешавшее им препятствие. Если кто-нибудь без парашюта падает с большой высоты, он, конечно, разобьется. Это следствие закона тяготения и хрупкости нашего организма. Но если у того же человека имеется парашют, он тоже падает довольно быстро, однако не разбивается. Здесь нет никакого чуда, никаких нарушений законов природы: просто давление воздуха, усиленное куполом парашюта, противодействует силе тяжести. Наверняка существует много явлений, которые полностью согласуются с законами природы, начинающими действовать только при исключительных обстоятельствах. Наверное, со временем это поможет понять природу особенно удивительных исцелений.

Например, мы имеем дело с неоперабельным раком, но вот хирурги проводят лапаротомию, т. е. сечение стенок брюшной полости, и опухоль сама собой полностью исчезает. Несмотря на всю сенсационность такого исцеления, хирурги, имевшие дело с этим случаем, все-таки считают, что речь скорее всего идет о совершенно естественном процессе исцеления: просто он еще плохо изучен, поскольку такие случаи встречаются крайне редко (2).

Кроме случаев сенсационного выздоровления в повседневной жизни встречается и определенная синхронность, которая тоже содержит в себе элемент чудесного (положительного или отрицательного), причем даже тогда, когда все известные законы природы функционируют нормально. При этом на уровне видимого мира нельзя выявить никакой чуждой ему силы, и только наш разум не может отделаться от удивления.

Есть много удивительных явлений, как будто неестественных и совершенно «необъяснимых», которые вполне можно объяснить именно так. Если какое-нибудь явление встречается крайне редко, то из этого еще не следует, что перед нами непременно чудо. В таком случае именно обстоятельства, наделяющие эти явления религиозной значимостью, могут дать им такое имя.

2) Чудесные явления могут соответствовать законам природы, которые нам еще неизвестны. Пока наша наука исследовала далеко не все области материального мира, и если эти законы нам еще не известны, то чаще всего причина в том, что пока мы редко с ними сталкиваемся. Но, может, и наши орудия познания еще не позволяют

достичь определенного уровня реальности нашего материального мира. Сегодня мы начинаем понимать, что пространство и время не таковы, какими мы их считали, но еще не можем как следует это осознать. Что касается причины и следствия, то и в них остается много удивительного. Некоторые ученые, причем далеко не второстепенные, начинают говорить о так называемой ретрокаузальности, т. е. о такой причинности, когда следствие во времени предшествует самой причине.

Точно так же сегодня начинают говорить о возможном взаимодействии духа и материи. В случае с паранормальным исцелением Моники Кудерк (3) довольно трудно выяснить, какой была его основная причина. У Моники обнаружили рак шейки матки, и когда все онкологи пришли к выводу, что надо как можно скорее ее удалить, Моника отказалась от операции, решив, что сама будет искать путь к избавлению от недуга. Им оказался пост, улучшенное питание, а также воля, неколебимая вера и, наконец, молитва — ее и ее друзей. Перед нами, наверное, некое чудесное явление, совершенно сбивающее с толку наш здравый смысл, но тем не менее это не «чудо» в религиозном смысле слова. Скажем еще раз: только контекст, в котором эти явления возникают, может в том или ином случае наделить их таким качеством.

Два первых примера (редко встречающееся взаимодействие естественных законов и вмешательство тех законов природы, которые нам еще не известны) соответствуют тому, что можно было бы назвать «паранормальными» явлениями, но то, что сегодня кажется паранормальным, завтрашней науке вполне может показаться нормальным.

3) Наконец, чудесные явления могут производиться законами, которые обычно принадлежат иному уровню реальности, другому измерению, в котором, например, живут наши умершие. Поскольку вся совокупность творения образует истинное единство (даже если мы видим совсем малую его часть), вполне естественно, что в некоторых случаях законы этого другого измерения взаимодействуют с законами нашего материального мира.

Такие случаи можно назвать «сверхнормальными».

Наверное, именно так и было, когда Христос, умерев и воскреснув, явился апостолам во всей физической конкретике и даже предложил Фоме вложить перст в рану на своем боку. Но признать это значит выйти за пределы рационализма. Я знаю одного из моих дорогих братьев, человека неглупого, известного экзегета, критически настроенного по отношению к молодому поколению «изыскателей»,

который, однако, комментируя это евангельское свидетельство, заметил, что в тексте речь не идет о том, будто Фома на самом деле вложил свой палец в рану Христа. Для него явление Христа не совершилось конкретно в нашем материальном мире. Этот старый священник, профессор экзегетики и наверняка человек верующий, не мог допустить взаимодействия двух упомянутых уровней реальности, т. е. мира, предшествующего смерти, и мира после нее. Для него два мира существовали раздельно: мир материальный, который исследуют ученые, и мир потусторонний — совершенно недоступный и невообразимый, существующий как возможный предмет веры, но только при том условии, что он никогда не взаимодействует с миром, который изучает наука. Чтобы не было конфликта с утвердившимся знанием, необходимо, чтобы предмет нашей веры не имел никаких признаков существования, никаких материальных знаков. Налицо глубокая дихотомия между двумя мирами, но кроме того — на более глубоком уровне — между двумя образами мысли. Эту драму пережили многие ученые прошлого века, если они оставались верующими. С одной стороны — человек веры, который ходит в церковь, а с другой — человек из лаборатории, верящий только в то, что можно увидеть и к чему можно прикоснуться. В такой личности существовали два никак не сообщавшихся мира, и эти ученые были обречены на то, чтобы жить в некоей невыносимой шизофрении.

РАЗЛИЧНЫЕ ИСТОЧНИКИ ЧУДЕСНЫХ ЯВЛЕНИЙ

Итак, мы видели, что каждый паранормальный феномен, любое необыкновенное явление — не обязательно чудо. В зависимости от обстоятельств такое явление вполне может не иметь никакого религиозного значения, отрицательного или положительного, и тогда мы просто говорим о чем-то «мирском». Но в то же время какое-нибудь необыкновенное явление может быть делом духовно негативных, «дьявольских» сил. Наконец, его могут произвести и силы позитивные, «божественные», и тогда мы говорим о «чуде». Таким образом, характер необыкновенного явления в немалой степени зависит от трех различных причин, которые и определяют всю его значимость. Я уже закончил первую редакцию этой книги (для первого ее издания), когда вдруг понял, что всего лишь воспроизвожу наставления, которые кардинал Ламбертини, позднее ставший папой Бенедиктом XIV, дает в своем знаменитом трактате о канонизации святых

(4). В этом труде он обстоятельно рассматривает все случаи, которые только могут представиться. Полностью их перечислить невозможно, поскольку это плод довольно долгого опыта. В 1701 году папа Бенедикт XIII назначил его «адвокатом дьявола». Во время канонизации он должен был отыскивать все имеющиеся документы или доводы, способные показать, что кандидат на святость не достоин считаться святым. Он выполнял эту обязанность более двадцати лет, причем не просто как эрудит, заваленный книгами в своем кабинете: он проводил расследование на месте, собирая факты и внимательно опрашивая свидетелей. И сегодня во время процессов канонизации по-прежнему ссылаются на этот трактат, даже если впоследствии и появились некоторые изменения в самой процедуре, сделанные в 1983 году папой Иоанном-Павлом II (5).

Итак, в первой части мы рассмотрим несколько совершенно необычных случаев: это природные, но необыкновенные явления, абсолютно необъяснимые современной наукой, хотя со временем мы, наверное, сможем понять их лучше.

Во второй части мы опишем некоторые проявления зла — от самых скрытых, до самых вопиющих: всех их можно назвать злыми «чудесами».

Наконец, мы увидим, как Бог и силы любви сражаются с силами зла, причем иногда тоже с помощью необычных явлений, глубинный смысл которых мы, однако, постараемся понять, заглянув по ту сторону их чисто внешней необычайности. Таковы чудеса Божьи.

I.

ЕСТЕСТВЕННЫЕ «ЧУДЕСА»

«ДОМ С ЛИЦАМИ»

В БЕЛЬМЕСЕ

То, о чем мы поговорим в этой небольшой главе, не имеет отношения к вере — ни к вере в Бога, ни к вере в некую пагубную силу. Таким образом, духовное значение этих фактов не велико, и тем не менее они по-настоящему интересны, потому что сама их необычность, совершенно необъяснимая с научной точки зрения, заставляет нас признать ограниченность наших знаний. Это первое прикосновение к тайне, первая встреча с тем измерением нашей вселенной, которое обычно совершенно ускользает от нас и о существовании которого мы даже не подозреваем. Благодаря своему простому наличию эти факты заставляют нас усомниться в обоснованности чисто материалистического и лженаучного взгляда на мир, каковой чаще всего мы и имеем. Это самый первый шаг — еще довольно робкий — к гораздо более важным открытиям. В своем рассказе я прежде всего основываюсь на уже распроданной книге Хосе Мартинеса Ромеро (6), а также использую краткое исследование Лоренцо Фернандеса Буэно (6), но особенно для меня важны личные встречи с моим другом Соль Бланко Солер из группы «НЕРТА», изучающей паранормальные явления под руководством отца-иезуита Хосе-Мария Пилона, который первым много лет назад рассказал мне об этих таинственных событиях.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОН СОБЫТИЙ

Этому явлению уже немало лет: все началось 23 августа 1971 года, но продолжается по сей день, и потому у нас есть возможность достаточно хорошо проследить его развитие. Немецкий ученый Ганс Бендер, крупный специалист в области паранормальных явлений, руководитель Исследовательского института при Фрейбургском университете, считает, что мы имеем дело с самым необычным событием столетия.

Бельмес де ла Мораледа — небольшая деревня в провинции Хаэн, что на юге Испании, а точнее в Андалузии, затерявшаяся на высоте под названием Сьерра-Махина, которую нередко — и, как говорят, не без оснований — называют Sierra Magica, т. е. «Магический кряж». Здесь живут земледельцы и скотоводы. Когда-то давно в трех километрах от Бельмеса находился небольшой римский форт, потом — арабская крепость, от которой сегодня остались одни развалины. Еще в 1448 году эти места были отвоеваны у мавров, а сегодня здесь проживает около трех тысяч человек.

В деревне есть приходская церковь, освященная во имя Пресвятой Девы Марии Мира (Notre-Dame de la Paix). Она была построена в 1966 году — приблизительно там, где стояла старая церковь, воздвигнутая в 1554 году. Тем не менее местоположение старой церкви не совпадало с новой: она была построена на другом участке, где, как говорят, находился римский храм, а потом мечеть. Вокруг церкви раскинулось кладбище, которое, согласно архивам местной коммуны, использовалось до 1830 года. Когда его закрыли, Хуан Санчес и Мария-Антония Мартинес приобрели часть участка, на котором построили дом. Именно это нас и интересует. Дом фактически был построен на кладбище: во время земляных работ, а также после оседания почвы, вызванного дождями (обычное дело в этом регионе), в его подвале, а также в подвалах соседних домов появлялись человеческие кости.

В настоящее время это дом под номером 5 на улице Родригеса Акосты. Он занимает приблизительно семьдесят квадратных метров и частично находится на месте старой церкви и ее кладбища. Фасад выходит на небольшую площадь. С улицыходишь прямо на кухню,

в глубине которой — камин и плита, где и происходили необычные явления.

В ту пору дом № 5 был соединен с нынешним домом № 7. Все началось с того, что Рамону, дочь первых владельцев дома, а также самих Хуана и Марию Мартинес в некоторых комнатах стала охватывать непонятная тревога, но этим дело не кончилось. Казалось, что по крыше кто-то ходит, слышался стук и прерывистое дыхание. Говорили, что в соседнем доме, который стоял особняком, слышался какой-то странный шум и появлялись призраки. Вдобавок ходили слухи, что двести лет назад там зарезали двоих человек. Что касается нашего дома с его странными «лицами», то в ту пору в нем, напротив, ничего необычного еще не видели.

Хозяином дома был Хуан Перейра Санчес, пастух и земледелец семидесяти шести лет. После смерти первой жены он женился во второй раз на Марии Гомес Камара. У них родилось трое детей. Один из них, Мигель, жил вместе с ними. Когда начались странные события, ему было двадцать восемь лет, а его матери Марии Гомес пятьдесят восемь.

НАЧАЛО

23 августа 1971 года на сером цементном полу кухни, неподалеку от плиты, появляется странное пятно, которое постепенно меняется, становясь более темным. Мария увидела его, когда в очередной раз ставила кастрюлю на плиту. На ее глазах медленно вырисовывается страшное «лицо», которое смотрит прямо на нее. Она пытается стереть его, но ничего не получается. Зовет соседей, чтобы убедиться, что ей не причудилось. Новость сразу же облетает не только деревню, но всю Испанию и даже другие страны. Многочисленные газеты и журналы отводят для нее первые полосы. Сразу же появляются бесчисленные объяснения, порой совершенно фантастические. Кто-то, например, видит в нем святой лик Спасителя из кафедрального собора города Хаэн. Всю неделю появившийся образ медленно меняется. Его глаза открыты и очень выразительны. Они нагоняют страх на всю семью, и, в конце концов, Мигель разбивает его мотыгой, а потом заделывает дыру в цементе. Все как будто стало прежнему.

Но в начале сентября появляется новое «лицо» — еще более четкое. На этот раз поспешила вмешаться встревоженная мэрия. Было решено вырезать и убрать то место, где оно появилось. Оправившись от первого страха, Мария Гомес заделала дыру, которая была заставлена стеклом. Вырезанный фрагмент цемента составлял шестьдесят сантиметров в высоту и сорок в ширину. «Лицо», появившееся на нем, останется самым большим из всех тех, которые появятся потом. Те, кто видел первое «лицо», утверждают, что черты второго более грубые, плотные, глубокие. Кроме того, на этот раз «лицо» появлялось постепенно: сначала глаза, потом нос, углы губ и рот, окаймленный двумя глубокими складками, похожими на усы и придающими ему драматическое выражение, и, наконец, короткая борода и овальный контур всего «лица». Черные брови, ясные глаза, зрачки — все было очень четким, и возникало впечатление какой-то насыщенной жизни. Когда появившееся изображение поскоблили, не обнаружили ничего, кроме цемента, песка и глины. С годами «лицо» менялось, и сегодня это просто какое-то безобразное и страшное пятно.

В том месте, где появилось изображение, проделали дыру около полутора метров в диаметре и глубиной около трех метров: в дыре обнаружили два булыжника и две дюжины костей, в том числе и останки подростка. Кроме того, из дыры извлекли несколько образцов подвальной почвы, которую собрали в шесть небольших мешков. Кости отправили в университеты Гранады и Мадрида, где определили время их появления — около ста шестидесяти лет тому назад. Дыру в цементном полу сразу же заделали.

Но через четыре дня, 10 сентября 1971 года на том же месте начинает появляться новое «лицо», правда, не такое четкое. Напуганный этими «лицами», появляющимися столь таинственно и беспричинно, Мигель вырезал новое изображение и бросил в угол у плиты, где оно расколосось на куски. Пол снова замуровали.

Потому появляется новое изображение: молодая, очень красивая и, по всей видимости, счастливая женщина с распущенными волосами, словно их разметал ветер. Позднее мало-помалу вокруг нее появляются еще восемь «лиц». На этот раз вся семья решает не вмешиваться в происходящее, но теперь беспокойство проявляет духовная власть.

Слухи о странном явлении распространились очень быстро, и в первое полугодие каждый день в этот дом приходило до трех тысяч человек! Видя такой ажиотаж, теперь уже забеспокоились светские власти: чем накормить такую толпу? Надо было любой ценой показать, что все это — лишь чья-то неуместная и глупая шутка. Целых семь месяцев в здании, что напротив, днем и ночью дежурят жандармы, надеясь поймать того, кто помогает этому семейству ломать комедию.

Через четыре года, 1 ноября 1975 года на небольшой кухне этого дома появляется дон Герман де Аргумоса и Вальдес, которого пригласил губернатор Хаэна. Светские и духовные власти просто в бешенстве. Дон Герман — один из первых в Испании, кто начал исследовать паранормальные явления. Я несколько раз встречал его в Мадриде в связи с другими необычными явлениями, о которых мы еще поговорим. В тот день он появился не один: его сопровождала целая дюжина других исследователей, решивших как следует изучить пол в этой кухне и разгадать тайну необычного явления. Решено было вырезать ту часть пола, где появилось изображение «лица», которое прозвали «постриженным», и в тот же день Мигель снова заделал дыру. Потом выяснится, что все вырезанные фрагменты состоят из обычных компонентов, характерных для цементного пола (правда, надо было учитывать и различные добавления, необходимые для того, чтобы поддерживать пол в чистоте).

18 ноября 1975 года на том же месте начинают появляться новых «лица», а через два дня было решено сделать их фотографические снимки.

В середине апреля 1976 года эти изображения начинают исчезать, но на их месте появляются новые — различной формы и довольно смутных очертаний. Наверное, по этой причине власти Бельмеса решили, что тревожиться не надо. Целых четырнадцать лет в деревне как будто царил покой, но начиная с июля 1990 года «лицами» заинтересовалось новое поколение исследователей. Появились новые изображения: целые тела, причем обнаженные, и снова «лица», довольно четко очерченные. Разглядывая их, посетители каждый раз находили сходство с известными персонажами.

ФОРМИРОВАНИЕ «ЛИЦ»

Исследования показали, что в данном случае нельзя говорить о живописи: во всех изображениях не было никаких искусственных химических добавлений. Все попытки стереть их с помощью каких-либо моющих средств оказались безрезультатными: они на один или два миллиметра пропитывали облицовку пола, сделанную для того, чтобы пол был гладким. Казалось, что плита была эпицентром формирования этих изображений, и наиболее прочными были те, которые были к ней ближе всего.

Благодаря фотографированию можно было довольно точно проследить процесс формирования изображений. Стремясь исключить возможность обмана, профессор Ганс Бендер (Фрейбургский университет в Брейсгау) вместе с уже упоминавшимся Германом де Аргумоса опечатали дверь на кухню, а также окна и камин. Кроме того в течение нескольких недель пол был покрыт опечатанным пластиком. В этот же день Мигель Родригес Монтавес сделал более тридцати трех фотоснимков, не считая тех, которые сделал нотариус, контролировавший чистоту эксперимента. Все происходящее было показано по немецкому телевидению. Когда настало время снять печати, в присутствии того же нотариуса были сделаны другие фотографии, показавшие, что изображения формировались самостоятельно, без всякого плутовского вмешательства. За это время успели сформироваться новые «лица». Чтобы не нарушать привычную жизнь семьи, на время всего эксперимента на кухне оборудовали другую комнату. В течение трех месяцев (пока указанные места были опечатаны) новые «лица» проступали на полу этой новой комнаты и, наконец, даже у входа в дом. Когда Марии предложили на какое-то время переселиться в другое жилище (чтобы убедиться, что появление изображений не связано с ее присутствием), она, слегка рассердившись, ответила, что лучше бы эти «лица» убралась из дома.

В последующие годы их число росло, и порой в одно и то же время можно было насчитать от пятнадцати до двадцати «лиц». Мигель Монтавес сделал более трехсот негативов этих изображений. Именно спонтанное их формирование и доказывало, что о мошенничестве не

могло быть и речи, и как раз здесь все попытки скептиков выявить обман потерпели неудачу. Они тоже рисовали на цементе что-то похожее на «лица», но их образы оставались неподвижными: время шло, а они никак не менялись, чтобы уступить место другим «лицам».

В первом же случае все было по-другому: «лица» постепенно исчезали, но лишь для того, чтобы появились другие, в которых использовались некоторые прежние черты. Поэтому нередко можно было наблюдать определенное «скольжение» образов: новые лишь отчасти покрывали прежние. Так, например, из «лица» молодой красивой женщины сформировались изображения, которые теперь называют «монахом» и «монахиней». Поневолле начинаешь думать о какой-то разумной силе, которая вот так экономит свою энергию. Тем не менее главные образы никогда не замещались другими, хотя с годами менялись. Второе «лицо», которое теперь запечатано в стене кухни, менялось в течение пяти лет, и сегодня оно стало больше.

Впрочем, порой встречаются не только «лица», но и целые «тела»: например, лысый старик с большой бородой и скрещенными руками. У него твердо сжатый рот, а в маленьких глазах застыл грустный, даже горестный вопрос. Черты «лица» несимметричны. Специалисты по акупунктуре, прибывшие из Валенсии, с удивлением обнаружили, что все его энергетические точки совпадают с точками живого человека. 1 ноября 1975 года часть цемента, на котором появился этот силуэт, была вырезана и поставлена рядом со стеной. Появилось другое «лицо», не слишком выразительное, но довольно четкое, причем полуоткрытый рот позволял увидеть несколько зубов. Вокруг него очень быстро появились несколько «персонажей», прежде всего старики и дети: все они полны жизни и очень выразительны.

Хосе Мартинес Ромеро, на которого мы опираемся, когда речь заходит о фактах, определенным образом классифицировал эти «лица». Он проводит следующие различия: основные образы, неподвижные образы, наполовину подвижные и мимолетные. Некоторые из них кажутся неподвижными, но на фотографиях можно увидеть почти незаметные изменения. Некоторые «лица» просуществовали всего один или два дня: их появление можно было наблюдать воочию, что исключает всякий обман. Какое-нибудь «лицо» может проступить за две минуты или за полчаса. 16 февраля 1975 года более восьми человек наблюдали появление очередного изображения в глубине очага. Оно появилось за две минуты. Решив вмешаться в происходящее, Хосе Ромеро накрыл изображение рукой, а потом мокрой тряпкой, но никак не смог помешать его возникновению или исказить его. В тот же день Рафаэль Гарсия Бланко пытается силой мысли изменить

другое «лицо», уже сформировавшееся. Оно действительно меняется: его выражение становится более мягким. Изменение, достигнутое таким образом, продержалось два или три дня, а потом «лицо» приняло свой прежний горестный вид. Ни разу несколько «лиц» не появлялись в одно и то же время, но когда Рафаэль Бланко силою мысли изменял это грустное «лицо», начал появляться другой, мимолетный образ.

Художник Хосе де Хорна Лопес сравнил появляющиеся персонажи с примитивной готикой: «Это похоже на византийский или романо-византийский стиль; все очень сильно напоминает каталонскую и романо-испанскую живопись, но есть и отличие... Если бы это была живопись, то можно было бы говорить о чем-то совершенно новом. Но это не живопись. Это не произведение искусства, созданное руками человека — в этом я уверен, совершенно уверен; к тому же оно не было задумано человеком». Эти «лица», — продолжает художник, — созданы так просто, настолько просто и в то же время так прихотливо, что я не думаю, будто кто-нибудь может создать нечто подобное» (8).

«АППОРТ»

15 декабря 1973 года, в половине первого, когда «дом с лицами» был пуст, Хосе Энрике Гереро де Гиндос устанавливал на кухне магнитофон. Было решено проверить весьма необычное предположение: поскольку появление «лиц» совершенно сбивало с толку, некоторые исследователи решили что, быть может, это жертвы какой-то резни хотят привлечь к себе внимание и рассказать об обстоятельствах своей смерти. Если им удалось изобразить на полу собственные лица (и сделать это без помощи красок), то, может быть, они каким-нибудь образом запишут свои голоса на магнитофонную ленту? В эксперименте принимал участие другой исследователь — Мигель Родригес Монтавес.

Сначала Хосе Гереро осматривает место, фотографирует камин и закрывает небольшое окно с видом на улицу и дома. Три магнитофона готовы к работе: первый установлен рядом с «лицом», которое вставлено в стену и закрыто стеклом; второй (на катушках) расположен в центре комнаты, третий — направо на небольшом столе в углу кухни. Все три аппарата расположены по диагонали, но на некотором удалении от камина. Включив магнитофоны, Хосе Гереро выходит из кухни, закрывает двери, отделяющие ее от небольшой прихожей, и располагается в новой кухне, откуда можно наблюдать за дверью, не давая никому войти.

Поначалу ничего не происходит, но, войдя около трех часов утра в старую кухню, Хосе Энрике Гереро видит, что на магнитофоне, который находится в центре комнаты, лежит какая-то губчатая масса, похожая на сухую серую грязь с розоватым оттенком, лежит солома и поверх всего — речной камень, а точнее нечто вроде круглого и гладкого булыжника. Дверь и окно плотно закрыты. Никакой грозы не было. Даже если эта странная смесь свалилась через дымоход, то как она могла оказаться как раз на магнитофоне, да еще посередине комнаты? Откуда взялся этот камень с грязью и соломой в придачу? Какая сила их принесла? В парапсихологии такое явление называется «аппортом». Заметим, что если камень падал, то он не разбил коробку магнитофона. Может быть, в этом была какая-то весть?

ПАРАНОРМАЛЬНЫЕ ФОТОГРАФИИ

19 января 1975 года Хосе Энрике Гереро делает несколько цветных фотографий появившихся «лиц», и одновременно Хосе Мартинес Ромеро и его группа фотографирует «лица» для своих собственных исследований.

При печатании фотографий обнаруживается нечто интересное: на одной из них при фотовспышке свет отражается на поверхности цемента, но при этом обнаруживаются элементы его разложения. Ничего такого не было замечено при самом фотографировании. Внимательнее рассмотрели негатив этой фотографии, в углу обнаружили какую-то смутную фигуру, которая (когда негатив увеличили) напомнила священника с митрой на голове. Как она возникла? Если бы какой-то изъян был в самом фотоаппарате, тогда то же самое появилось бы при проявлении других фотографий. Этот феномен так и не удалось объяснить. Одна из этих фотографий, примечательная с эстетической точки зрения, завоевала приз на конкурсе, который состоялся 22 мая 1976 года.

МАГНИТОФОННЫЕ ЗАПИСИ

Кроме того, исследователи столкнулись с феноменом эхо, который довольно сильно их заинтересовал. 16 февраля 1975 года Хосе Антонио Гарсия Перес с несколькими другими исследователями решил включить магнитофон в кухне с «лицами». Настроенный несколько скептически и ничего не говоря своим товарищам, он включает магнитофон и несколько раз отрывисто постукивает шариковой ручкой: для того, чтобы знать наверняка (если вдруг его товарищи начнут утверждать, что они услышали что-то загадочное), что они дали ему ту самую пленку.

Чтобы повысить качество прослушивания, было решено устранить глубинные шумы. Ничего сверхъестественного на пленке не было, но, убирая эти шумы, расслышали те самые постукивания, которые сделал Хосе Антонио. Сам он вышел на улицу поговорить с товарищами.

В это время другие исследователи делают свою запись и с удивлением обнаруживают, что почти неслышные постукивания, которые раньше сделал Хосе Антонио, появляются и на их пленке, но теперь они гораздо слышнее. Что же произошло?

Другие записи оказались еще интереснее — и не только повторением озадачивающего акустического феномена, о котором я только что сказал, но и самим содержанием полученных сообщений. К исследованию магнитофонных записей приступили профессор Герман де Аргумоса, видный специалист в области паранормальных явлений, специально приглашенный в Бельмес, а также Хосе Солас, руководитель отдела гуманитарно-социальных наук Мадридского университета, приехавший вместе с целой дюжиной своих студентов. В газетах появились заголовки о том, что «лица заговорили». И действительно на магнитофонной ленте можно было расслышать слова: несколько несвязные, но тем не менее вполне соответствовавшие выражению некоторых «лиц». «Пьяный! Я не принимаю здесь пьяных!». И затем пугающее хныканье умирающего ребенка. Или еще: «Бедный Кико...» — и горькие рыдания. Также слышны пронзительные и нескончаемые крики, перемежающиеся рыданием, — крики человека, охваченного страхом: целый час раздаются восклицания и слышат-

ся шумы, производимые окружающей обстановкой. «Иди вместе со всеми!». «Входи, женщина, входи». Секс, насилие, вино, разговоры, которые ведут в борделе, выстрелы — и поверх всего этого страшные стоны детей. Наверное, какая-то резня? Некоторые фразы кажутся более связными: «Герман, долби пол, поднимай цемент». «Здесь начинается ад». Записи велись несколько недель. Был собран богатый материал, и все записанное — слова и различные шумы — наводили на мысль о чем-то драматическом и страшном (9).

АГРЕССИЯ НЕЗРИМОГО

А теперь вкратце расскажем об одной семейной паре, которая, посетив «дом с лицами» ради того же простого любопытства, уже на следующую ночь пережила нечто весьма интересное. Она еще не спала, а муж уже заснул. Вдруг, продолжая спать, он начал наносить ей сильные удары кулаком, она с трудом дотянулась до выключателя и включила свет. Когда муж, наконец, проснулся, он сказал, что ему приснился кошмар: кто-то черный пытался его задушить. Его нос был в крови, но на руках (так же, как и на руках жены) не было никаких следов крови. Они вместе помолились, а потом он закурил сигарету. Жена склонила голову на его плечо и скоро заснула. Но теперь она во сне почувствовала, что ее душат чьи-то руки. Вскрикнув, она проснулась и быстро села на кровати. Интересно, что на этот раз все случилось при зажженном свете и муж, который не спал, не увидел вокруг ничего необычного, когда жене почудилось, что чьи-то руки легли ей на горло.

Целую неделю на носу мужа оставался шрам, и у обоих сохранилось довольно тягостное воспоминание о том, как они стали жертвами агрессии, причиненной кем-то незримым.

ПЕРВЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ

Когда изъятые образцы «лиц» были подвергнуты спектрографическому анализу и сопоставлены с другими фрагментами цементного пола, где не замечалось ничего необычного, стало ясно, что ничего странного и необычного нет и в том составе цемента, где появлялись «лица». В 1991 году образцы отправили в Институт стекла и керамики, а затем в 1994, 1996 и 1998 годах их обследовали X-лучами, не обнаружив никакой подделки. Не было обнаружено никаких следов серебра, цинка, свинца или хрома. Не обнаружили и никакого пигмента. Одним словом, о живописи говорить было нельзя. Вдобавок, как считает художник Хосе де Хорна Лопес, внимательно исследовавший «лица», они словно слегка проступают сквозь верхний слой глазури, а по мнению авторитетного инженера-строителя, которого попросили высказаться по поводу этого явления, исследуемый цемент почти исключает возможность какого бы то ни было обмана: он продолжает затвердевать, а значит, никакие химические модификации просто невозможны.

Хуан Перейра заметил, что бывают дни, когда эти изображения видны лучше, а Хосе Ромеро, решив, что они как-то связаны с уровнем влажности в атмосфере, провел эксперимент с одним из фрагментов, который ему передала госпожа Перейра. 11 сентября 1974 года, готовясь сфотографировать изображение, он увлажнил его поверхность. «Лицо» сразу же стало четче. Прием известный: например, перед показом древней мозаики ее часто слегка смачивают водой. По характеру своего возникновения эти «лица» как будто напоминали фресковую живопись: фрагмент, который исследовал Хосе Ромеро, был словно покрыт сетью тонких жил. Довольно слабое подспорье какому-нибудь научному объяснению!

Некоторые исследователи, помня о том, что в подвале дома были найдены кости, попытались связать их наличие с образами, проступившими на цементном полу. Однако внимательное исследование этих изображений (особенно скоротечных) показало, что их возникновение никак не связано с подвалом: они появлялись именно на поверхности, причем на всей. Что касается долговременных

изображений, то они словно использовали прожилки, имеющиеся на цементе, и хотя формировались медленнее, но зато получались более четкими.

По-видимому, «лица», вырезанные из цементного пола, потом не претерпевали никаких изменений. Это касается не только фрагмента, исследованного Хосе Ромеро, но и еще одного появившегося «лица», которое Мигель тотчас же вырезал из цемента и бросил в угол, не дав ему окончательно сформироваться. Отсюда можно сделать вывод, что «лица» перестают формироваться, как только их вырезают из цементного пола. Кроме того, необходимо, наверное, чтобы вырезанный фрагмент был удален от того места, где изображение начинало складываться: когда извлеченный из цемента образ вставляли в стену на кухне, он годами продолжал изменяться. Кроме того, необходимо отметить еще одну деталь, на которую обратили внимание несколько очевидцев: взгляд изменял свое направление (а также казалось, что вся голова поворачивается на 180°). Но еще невероятнее было следующее: изображение, вставленное в стену и закрытое стеклом, медленно передвигалось к плите, где оно впервые появилось. Одним словом, все происходило так, как будто в этом месте (и только в нем) действовали какие-то неведомые силы.

Хосе Ромеро полагает, что в общих чертах эти силы похожи на те, которые производят эктоплазму. Он сам видел, как во время возникновения «лиц» сначала на полу появлялось нечто вроде сероватого облака, которое постепенно как будто уплотнялось. Другие это тоже замечали, но даже если предположить, что эта гипотеза в какой-то мере верна, все равно очевидно, что оба явления сильно отличаются друг от друга. Эктоплазма появляется только в присутствии медиума, выходит прямо из его тела (носа, ушей или солнечного сплетения), похожа на беловатый пар, который постепенно густеет и становится плотным. Затем эта странная беловатая масса может принять вид умершего человека, с которым медиум устанавливает связь, и перемещаться по комнате. Ее можно фотографировать, а порой она даже говорит. Нередко ее просят окунуть руку в глицерин, чтобы получить с нее слепок (в Парижском международном метафизическом институте хранится много таких муляжей). «Лица», о которых мы говорим, не имеют ко всему этому никакого отношения. Если предположить, что их возникновение как-то связано с присутствовавшим в доме медиумом, то сразу надо отметить, что если он и был, то не всегда находился на кухне (и, следовательно, некоторые «лица» возникали без его присутствия), а сероватое облако, находившееся там, где они формировались, не выходило из его тела.

Эти изображения не формируются в результате трансформации химических элементов на уровне атомов. Если бы это было так, тогда можно было бы наблюдать радиоактивное излучение, чего как раз и не было замечено. Наверное, здесь мы имеем дело с перемещением элементов, образующих цемент, т. е. с движением на молекулярном уровне. Все сказанное позволяет провести аналогию с материализацией и дематериализацией, телекинезом и другими явлениями из области парапсихологии. К тому же можно вспомнить и об инверсии причинно-следственной связи и о новой концепции времени и пространства. Хосе Мария Пилон лично провел радиэстезиологический анализ пола на кухне, чтобы исключить какие-либо особые обстоятельства, которые могли бы способствовать формированию этого феномена (например, возмущение электромагнитного поля, течение воды и т. д.). Дело в том, что уже в X веке начались разговоры о каком-то теллурическом течении, которое будто бы пересекало весь регион Бельмеса: ему даже дали название — «облачная дорога». Если земельные участки находились на этой «дороге», их цена росла, потому что земля на них считалась более плодородной. Однако Пилон не нашел здесь ничего необычного (кроме того, что маятник начинал качаться в месте захоронения человеческих останков).

Однако каким бы интересным все это ни было, мы все-таки ничего не можем сказать о том процессе, который предшествовал появлению «лиц» на кухонном полу этого бедного дома в Бельмесе.

Правда, одна особенность придает исследованиям Хосе Ромеро более четкое направление: есть основания полагать, что на появление «лиц» влияла смена времен года, и, по его словам, это объясняется изменениями в метаболизме возможного медиума. Известно, что они более чувствительны к обстоятельствам, которые сказываются на их способностях (усталость, болезнь, холод, жара и т. д.).

В ПОИСКАХ РАЗГАДКИ

Хосе Ромеро выдвинул строго научную гипотезу. Основываясь на многочисленных соображениях о природе энергии, которая исходит от уже мертвого тела, принимая во внимание фотографический эффект Кирлиана, когда на фотографии виден энергетический образ уже исчезнувших частей древесного листа или ампутированной части тела, он пришел к выводу, что какие-то давние события оставили свой отпечаток, который существует (и порой веками) в виде неких признаков, ставших заложниками того места, где разыгралась драма. Наверное, какой-то медиум бессознательно уловил этот отпечаток и помимо своей воли спроецировал его. Во всем этом не было никакого потустороннего вмешательства уже умерших людей: все происходило лишь в нашем привычном материальном мире. Но о каких событиях здесь можно говорить? Трудно предположить что-либо конкретное, если к тому же учесть, что эти «лица» (как считают все, кто их видел) не принадлежат к какой-то одной расе. Так, например, «лицо» которое прозвали «монахом» (быть может, несколько поспешно), имеет явно семитские черты, и его, наверное, лучше было бы назвать «раввином». Персонаж, которого зовут «постриженный», представляет собой вполне восточный тип. По всей вероятности, нельзя говорить о том, что все изображения соответствуют людям, жившим в одно и то же время. Одни больше похожи на людей средневековья, другие напоминают лица с офортов Гойи, третьи просто спокойно улыбаются. Но есть и такие, которые выражают удивление, боль и страх. Рассказывают, что во время наполеоновского нашествия жители этих мест убили одного французского офицера, а его тело бросили в хлебопекарную печь. Когда французские войска вернулись, население подвергли репрессиям, но мужчины ушли в горы, чтобы продолжать партизанскую войну. Остались только женщины, дети и старики. Вот почему, наверное, почти все появившиеся изображения принадлежат к этим трем категориям.

Постичь тайну пытались по-разному. Некоторые исследователи обращались к медиумам, но результаты разочаровывали. Так поступил профессор Гарсия Карбалло, работавший с медиумом по имени

Саломе. Вывод был однозначным — сплошная ложь! Дон Герман де Аргумоса обратился к другому медиуму — Ане Этшеник. Она сказала, что «лица» готовы заговорить, но им это не удастся. Они якобы кружат по жилищу.

16 февраля 1975 года Хосе Мартинес Ромеро присутствовал на другом эксперименте: на этот раз с участием медиума Рафаэля Гарсия Бланко. Когда его наполовину погрузили в гипнотическое состояние, гипнотизер одну руку положил на «лицо», а другой взял руку медиума. Тот упал со стула и ударился об пол правым виском. Он не вставал и как будто находился в эпилептоидном состоянии. Наконец, что-то резко почувствовав, он пришел в сознание и рассказал о том, что видел. По его словам он находился в «каком-то плохо освещенном подвальном жилище. Посредине, на длинном, неотесанном столе лежала рука, похожая на руку трупа, и нож, а точнее — длинный кинжал с черной рукояткой. Он также видел свечу в черном подсвечнике, какой-то черный силуэт, голые ноги, длинное одеяние из очень грубой ткани». Кроме того, ему показалось, что что-то неистово било его. «Какие-то лица... кровь» (10).

Позднее другой гипнотизер пытался ввести его в транс, чтобы узнать подробности, но безуспешно. Окончательно придя в себя, медиум сказал, что, лежа на полу, он наблюдал эту сцену с полным равнодушием, как во сне, и даже не почувствовал боли, когда его голова ударилась о пол. Боль он ощутил только тогда, когда пришел в себя.

Однако, мне кажется, что Хосе Мартинес Ромеро был прав, когда сказал, что участники этого эксперимента заранее знали о том, что происходит в Бельмесе, и потому каждый из них, что-то выдумал относительно всего происходившего. Кроме того, вполне возможно, что участники эксперимента телепатически влияли на подсознание медиума. Стало быть, этот метод так и не разгадал тайну «лиц»!

Хосе Мартинес Ромеро считает, что всему причиной была сама хозяйка дома, Мария Гомес, хотя она и не подозревала об этом, и надо сказать, что есть обстоятельства, которые как будто подтверждают эту версию. Когда, например, она заболела, «лица» тускнели, и нам прямо говорили, что о состоянии ее здоровья можно догадаться, посмотрев на пол в кухне! Она сама без обиняков говорила, что лучше бы все это прекратилось: ведь эти странные изображения стали частью ее жизни — особенно после смерти мужа в 1986 году. Она охотно рассказывала о «лицах», которые появляются на полу кухни. Они словно стали ее товарищами и скрашивали одиночество. Ее старые школьные друзья рассказывали, что медиумом она была с детства.

Они, например, не любили сидеть в классе рядом с нею: она ощущала резкие толчки и слышала странные голоса.

Итак, с точки зрения Хосе Мартинеса Ромеро всему причиной являлась сама Мария Гомес, но она была лишь посредником той воли и сил, которые теперь находятся в потустороннем мире. Есть мнение, что она могла быть знакома с человеком, который при жизни любил живопись и рисунок. Кроме того, когда изучили семейную фотографию, находившуюся в доме сестры Марии Гомес, с удивлением обнаружили, что некоторые лица на ней сильно схожи с «лицами» на кухне. Тогда изучением семейных фотографий занялись более основательно и выявили явное сходство пяти или шести лиц с изображениями, появлявшимися на кухне у Марии. Это навело на мысль, что «лица» на кухне связаны с последней гражданской войной в Испании, но другие исследователи заявили, что такое предположение слишком ненадежно. Такими сравнениями легко манипулировать, и, кроме того, почти все появившиеся «лица» никак не связаны с семьей Марии. В начале февраля 2004 года Мария Гомес ушла в тот мир, откуда, наверное, и появлялись эти «лица». Посмотрим, скажется ли ее смерть на этом странном феномене. Если появление «лиц» было связано с ее присутствием, тогда со временем они должны поблекнуть.

Пока мы, наверное, можем согласиться с мнением профессора Ганса Бендера, который на конференции в Мадриде заявил, что «причиной событий в Бельмесе, наверное, стали какие-то страждущие души». Так считают многие. Дом в Бельмесе — это дверь в потустороннее, и появление «лиц» — это крик о помощи: крик тех умерших, кто не нашел покоя.

Подводя итог, можно сказать, что в любом случае речь идет о действительно необычном явлении или скорее о совокупности необычных явлений, причиной которых не было однократное «точечное» вмешательство сверхъестественной силы (как это обычно бывает, когда совершается подлинное чудо): эти явления разворачиваются во времени и тянутся много лет. Если не принимать во внимание странной агрессии, которой подверглась упомянутая нами семейная пара (и связь которой с «лицами» остается достаточно смутной), нет никакого основания усматривать во всем этом проявление божественной или дьявольской силы. Ясно, что причины этого необычного явления трагичны (и мы это видели), но само появление «лиц» не вызвано добрым или злым намерением. Смысл всему происходящему даем именно мы, видя в произошедшем доказательство того, что тайна окружающего нас мира — даже в самом материальном своем аспекте — гораздо глубже, чем то, что говорит нам наука. А это уже немало!

«ОБЛЕГЧЕННАЯ КОММУНИКАЦИЯ» И «ПСИХОФАНИЯ»

В последние годы мы стали свидетелями формирования совершенно революционных методов общения с аутистами, с людьми с синдромом Дауна, да и вообще со всеми теми, для кого характерны двигательные или психические расстройства, — одним словом, со множеством больных, для которых обычная разговорная речь не совсем доступна. Поэтому очень часто они замкнуты в своем мире и не имеют возможности рассказать о том, что с ними происходит, а «нормальные» люди даже не подозревают, что они живут самой настоящей жизнью — жизнью ума, чувства и духа. Результаты этой методики столь удивительны и непостижимы (особенно если учесть нынешний уровень наших знаний), что их вполне можно считать «чуждыми» почти в буквальном смысле слова.

«ОБЛЕГЧЕННАЯ КОММУНИКАЦИЯ»

Вероятно, все началось в 1987 году в Австралии — благодаря работе Розмари Кроссли. Сначала речь шла о том, чтобы облегчить общение с различными больными, причем в совершенно простом, материальном смысле — просто сделать их жизнь комфортнее. Принцип «облегченной коммуникации прост, — говорит Анна-Маргарита Вексье. — Держа за руку больного, который не может говорить, ассистент помогает ему определиться с выбором. Он предлагает ему изображения или написанные слова, на которые тот указывает пальцем» (12). Таким образом, складывается целая игра: на небольших картонных листах изображены рисунки, подписанные (или не подписанные — в зависимости от варианта игры) соответствующими словами. Указывая с помощью ассистента на тот или иной рисунок, больной дает понять, что ему холодно или жарко, что он голоден, хочет пить, устал и т. д.

Однако довольно скоро пошли еще дальше. Больному давали клавиатуру, на которой он набирал слова и фразы на более или менее правильном, в какой-то мере понятном языке. Ясно, что такой подход годился лишь для больных, которые могли читать. Считалось, что так можно облегчить движение, ставшее трудным в силу болезни. Поддержка сводилась лишь к тому, чтобы облегчить это движение, т. е. поддержать запястье или локоть.

«ПСИХОФАНИЯ»

Однако, вернувшись во Францию, Анна-Маргарита скоро заметила, что все те, кто обычно не может читать (например, младенцы, глухие, слепые от рождения, парализованные), с ее помощью так же хорошо и быстро набивают текст, как те, кто читать умеет. Тогда стало ясно, что процесс коммуникации гораздо сложнее и таит такие возможности, о которых поначалу и не подозревали. Становилось все очевиднее, что речь идет о коммуникации, идущей прямо из области бессознательно-го: налицо некое глубинное проявление души, которое и дало название всей совокупности таких явлений — «психофания».

Исследования продолжались, и все лучше осознавалась вся важность этого открытия, которое, по-видимому, потрясает все представления о работе мозга, имевшиеся до сих пор. Психиатры, нейрофизиологи, терапевты разных направлений — все бросились изучать это явление, все больше понимая его скрытые возможности. Психоаналитик Дидье Дюма, ученик Франсуазы Дольто, прямо заявил: «В работах французской школы облегченной коммуникации, в самой психофании надо приветствовать открытие, которое в познании человеческого духа по своей важности не уступает другому, сделанному в прошлом веке, а именно психоанализу». Вслед за ним Жан-Мишель Оливеро, профессор психофизиологии в Университете Париж Декарт (Париж V) считает, что «наверное, этот новый подход является самым важным открытием о самом себе, которое человечество сделало в конце XX века». Реми Шовен, другой профессор психофизиологии, в личном письме на имя Анны-Маргариты не скрывает своего энтузиазма: «У Вашей школы будут сторонники. От всего сердца поздравляю Вас. Не каждый день видишь, как открываются золотые врата науки» (13). Все эти открытия делались постепенно, и сейчас мы посмотрим, что же мы имеем на сегодняшний день, но реальной хронологии придерживаться не будем.

Прежде чем углубиться в тему, уточним, как именно протекают сессии «облегченной коммуникации» или «психофании». Самое главное в том (и этот момент сразу вызывает большое сомнение), что больной обычно даже не смотрит на клавиатуру. Случается, что в силу своего недуга он находится в самой невероятной ситуации. Еще чаще бывает так,

что он смотрит или перелистывает какой-нибудь альбом с картинками. Но если и ассистент не смотрит на клавиатуру (например, закрывает глаза), то и пациент сразу же теряет возможность печатать. Напрашивается мысль, что на самом деле слова выбирает ассистент, даже если он не склонен к обману и искренне верит, что выступает посредником. Это как будто подтверждается и тем, о чем рассказывает Анна-Маргарита. Если, показывая пациенту изображение какого-нибудь предмета, ассистент смотрит на него вместе с ним, тогда пациент без труда набирает на клавиатуре имя этого предмета. Но если ассистент не смотрит на изображение, тогда пациент не может напечатать нужное слово и приходит в растерянность: «Большая пустота», «слово не приходит», «я вижу целый гараж слов в моей голове и не могу вывести их из нее» или даже: «Я хотел бы поменяться с тобой памятью» (14).

Но очень часто напечатанный текст сообщает нечто такое, чего ассистент не может понять. Речь может идти об очень простых, но тем не менее правдивых историях. Так, например, один аутист однажды напечатал: «Я хочу сказать маме, что я храню очень красивого кота». И действительно, за два дня до этого его мать нашла в саду кота, но Анна-Маргарита не могла об этом знать. Девочка набирает на клавиатуре: «Ссадина на ноге». Анна-Маргарита снимает с нее обувь и носок и действительно обнаруживает на ноге небольшую ссадину. Порой встречаются неожиданные ответы. «Что для тебя самое красивое?» Ответ гласит: «Самое красивое — Лионский вокзал, потому что я могу поехать на море». И таких маленьких примеров бесчисленное множество (15).

Но есть и много других, куда более важных открытий. Мальчик пяти с половиной лет, очень заторможенный, не идущий на контакт и повторяющий только последний слог задаваемого вопроса, так выражает свою тревогу: «Вам надо плавать в животе моей мамы, чтобы увидеть, нет ли там еще чего-то живого». Услышав такое, мать признается, что до рождения этого ребенка она сделала один аборт. Мальчик настаивает: «Я присоединюсь к трупцу, килограммы смерти вместе с мертвой жизнью. Поместите меня к сыновьям жизни, а не смерти». В течение следующих сеансов он часто будет настаивать на том (причем на своем странном языке, очень характерном для такого общения), будто его мать не поняла, что этот отвергнутый ребенок был поистине живым существом: «Я описал его как живого. Мама думает, что он мертв. Я нашел решение: вы должны прикрепить его ко мне». Наконец, однажды во время вечерней молитвы, когда мать попросила у него прощения, он обрадовался: «Защита приходит от малыша мертвого брата... Страница болезни перевернута... Обеспеченный живым братом, я убегаю от беды. Басня окончена» (16).

ЧТО ПРОИСХОДИТ НА САМОМ ДЕЛЕ?

Кажется, инвалиды сами прекрасно поняли механизм такого общения. Вот, например, что печатает подросток, общающийся с Анной-Маргаритой или своей матерью: «Догадайся о том, что я скрываю от мамы: я съедаю ее слова в ее голове, чтобы вытащить из ее головы свое слово... Чтобы думать, надо выставить свой ум против легкого ума тех, кто не аутист». Другие дети выражают ту же мысль — вот краткие примеры: «Я расхищаю твою память», «я беру добычу слов в твоей голове», «сбалансируй мне слова, чтобы я мог говорить», «чтобы читать слова, я ищу фразы в твоей голове, как можно лучше краду слова и делаю фразы», «я тащу слова из твоей головы и выстраиваю их в своей», «я играю с твоей памятью, чтобы хорошо говорить; я беру слова, чтобы как можно лучше вырезать слова в моей памяти» (17).

По-видимому, эта гипотеза подтверждается любопытным экспериментом, который 18 июня 2000 года осуществил профессор Гюнтер Хаффельдер, директор Штутгартского института коммуникации и исследований головного мозга. Он прикрепил электроды к вискам Анны-Маргариты (которая была ассистентом) и добровольцу, который выступал в роли ассистируемого. Этот прием позволяет наблюдать за деятельностью лимбической системы, ответственной за эмоции. Сеанс психофании был снят на видео, и к своему большому удивлению профессор убедился, что — как рассказывает сама Анна-Маргарита — «подсознательное, проснувшееся в правом полушарии ассистируемого, стало посылать мне свои эмоции. Сильная турбулентность, появившаяся на хроноспектрограмме, показала, что я восприняла их, совсем того не осознавая, в то время как спектрограмма ассистируемого оставалась совершенно спокойной. Точнее говоря, активность его правого полушария была более значительной, чем левого, которое оставалось более или менее спокойным. Зато активность моего левого полушария усилилась, и, наверное, его деятельность на когнитивном уровне как-то компенсировала те лакуны, которые имелись у аутиста. Не успела я сказать и полслова, как профессор Хаффельдер заявил, что мозг пациента

как будто “подключился” к мозгу ассистента. На эту мысль аутисты навели меня уже давно».

Эту весьма своеобразную особенность подтверждает и следующее удивительное наблюдение: речь идет о постепенном формировании словарного запаса — общего для различных пациентов, с которыми работает один и тот же ассистент. Сразу хочется сказать, что на самом деле все исходит от самого ассистента, но, посмотрев, как формируется и развивается этот кладезь слов, мы, наверное, тотчас отбросим такую мысль. На самом деле каждый раз речь идет о словах, употребление которых немного странно, но тем не менее возможно, если, конечно, смысл не утрачивается, но сохраняется на каком-то пределе и нередко в несколько параллельном измерении. Например, ребенок, который с каждым днем все быстрее набирает текст на клавиатуре, однажды пишет: «Я могу миллиметрировать себя, я хочу говорить как можно быстрее». Анна-Маргарита говорит ему, что в данном случае лучше подходит слово «хронометрировать». Но через несколько дней одна маленькая девочка снова использует глагол «миллиметрировать» вместо более уместного «отмеривать». Потом еще одна пишет: «Мама миллиметрирует дни, она больна» (ясно, что в нормальной речи здесь надо было бы сказать, что «мама считает дни»). Анна-Маргарита приводит другие случаи употребления глагола «миллиметрировать», а также упоминает о многих других, несколько неправильных и неуклюжих словах. Понятно, что их выбор (в какой-то мере ограниченный) не может определяться ассистентом. По-видимому, когда такое слово появляется в его памяти, оно там становится как бы «на виду», и поэтому другие пациенты с готовностью останавливаются на нем свой выбор. У этих слов разная судьба: одни на какое-то время ставшие «модными», вскоре забываются, а другие существуют относительно долго (19).

УДАЛЕННАЯ «ПСИХОФАНИЯ»

Когда Анна-Мargarита поняла, что она сама может печатать на клавиатуре все то, что выходит из подсознания ее пациентов, в «психофании» наметился новый этап развития. Уловив момент, когда его сын Жереми с увлечением смотрел по телевизору футбольный матч, она подошла к нему со своим компьютером и взяла за руку. «Он не обращал внимание на то, что печатал», — рассказывала она позднее. Чтобы не мешать ему, она убрала звуковой сигнал, которым сопровождается нажатие клавиш. Когда ему надоело двигать рукой, чтобы нажимать клавиши, «я, как говорится, пустила клавиатуру в плавь, подставляя ту или иную клавишу под его неподвижный палец. И тут я подумала: “Откуда я знаю, на какую букву он хочет нажать?”. Усмехнувшись, он заявил, что ему надоело давить на клавиши и что лучше мне делать это совсем одной. Тогда я отпустила его руку и отошла в сторону, не переставая собственным пальцем набивать на клавиатуру то, что он думал».

«Ну, уж это слишком!» — наверняка подумает читатель. Ведь это уже телепатия. Я тоже так считаю, да и сама Анна-Мargarита не стала бы этого отрицать. Но все дело в том, что это телепатическое общение совершается не на уровне сознания: оно как бы водит по клавиатуре пальцем ассистента, который не знает заранее, на какую клавишу нажмет. Вот почему и здесь появляется тот же странный язык, с которым мы столкнулись при обычной «облегченной коммуникации», и сейчас вы в этом убедитесь.

Спустя какое-то время к Анне-Мargarите привели (а точнее говоря принесли) малыша, которому было всего семнадцать месяцев. Ребенок страдал генетическим заболеванием, которое почти не поддавалось лечению. Все тело было покрыто зловонными кровавыми пузырями. Руки и ноги перебинтованы. Он даже не мог коснуться ногами пола — было очень больно. Видя все происходящее, Анна-Мargarита объяснила родителям, что именно она собирается делать, и они, доведенные до полного отчаяния, согласились на все. Она начинает странный разговор с ребенком: говорит ему вполне нормально, а он отвечает телепатически — через клавиатуру, которой даже не касается. Вот этот диалог:

«Я мечтаю быть свободными пальцами, слезы вызванные... меня оборудовали перчатками. Никто не знает, храбрили отец и мать пузырем [слово «пузырь» употребил другой ребенок: так он назвал живот беременной женщины. Отсюда — его второе употребление согласно психологическому механизму «дежа вю»]. Мы кроль неудавшейся жизни [здесь — опять согласно упомянутому психологическому механизму — «кролем» здесь обозначается плавание в амниотической жидкости].

— Кого ты подразумеваешь под словом “мы”?

— Веревка жизни [имеется в виду пуповина] заставляет течь слезы, потому что брат жизни уничтожен волей умереть.

— У тебя был брат-близнец?».

Мать подтвердила, что, вероятно, был мертвый близнец. Кроме того, она сказала, что во время беременности у нее были серьезные проблемы с мужем, и как-то в минуту гнева она прокричала, что желает болезни своему ребенку. Потом у нее было тяжелое чувство вины, а что касается отца, то у того тоже выявились вполне определенные депрессивные тенденции» (20).

Все это, наверное, позволяет лучше понять, каким образом стал возможным следующий эксперимент: однажды опытных ассистентов (их было около двадцати) попросили прочитать мысли одного из них, и хотя все набранные ими тексты отличались друг от друга в словах, многое тем не менее совпадало (21). По-видимому, все протекало согласно принятой гипотезе: эмоции, исходящие от пациента, на невербальном уровне улавливаются ассистентами и потом выражаются в тех словах, которые свойственны тому или иному ассистенту.

А потом случилось еще одно необычное событие. Когда аутист Пьер познакомился с Анной-Маргаритой, ему было уже тридцать пять лет. Он любил присутствовать на некоторых сеансах «облегченной коммуникации»: брал руки молодых пациентов и внимательно их рассматривал, словно приглашая (так он сам говорил) к телепатическому диалогу. Постепенно привыкнув к этому, Маргарита сразу обратила внимание на то, что он их успокаивает. Он очень хотел помочь своим братьям-аутистам в тех испытаниях, с которыми они сталкивались. Постепенно у них сложилась удивительная телепатическая взаимосвязь, а потом — когда он жил в Британии — он даже позвонил Маргарите, чтобы сказать, что чувствует присутствие того или другого аутиста прямо у нее в кабинете, в Сюрене, — как раз в тот момент, когда она занимается с ними. Он стал на расстоянии принимать участие в этом процессе, и (в соответствии с тем психологическим механизмом, который срабатывал, когда у всех аутистов, об-

щавшихся с ассистентом в одно и то же время, формировался общий словарный запас) постепенно все маленькие пациенты, с которыми занималась Маргарита, стали знать его имя и говорить ему о помощи, которую от него получают (причем даже те, которым она никогда о нем не говорила). Один из них напечатал: «Превращая смерть аутиста в жизнь, он формирует жизнь». Или еще: «У него спасательный жилет»; «договорись с ним, чтобы помочь мне расти»; «дорога очень красива, если я живу с ним». Он писал им письма, и дети отвечали ему через Анну-Маргариту. Когда в 1997 году Пьер погиб под колесами какого-то лихача, Маргарита не сообщила об этом своим маленьким аутистам, но они несколько месяцев говорили только о нем (22). «Кажется, что на каком-то уровне, — приходит к выводу Анна-Маргарита, — все мы “проросли” друг в друга» (23).

ПСИХОФАНИЯ НЕ ЗНАЕТ ЯЗЫКОВОГО БАРЬЕРА

Из сказанного видно, что психофания не знает языкового барьера. Я понимаю: ко всему, о чем я собираюсь рассказать, читатель отнесется с некоторым недоверием, и тем не менее начнем. Когда Анна-Маргарита узнала, что в Израиле благодаря определенным методикам слепые умеют печатать на клавиатуре, а однажды пациент даже напечатал текст на языке своего ассистента, а именно на венгерском, которого он совершенно не знал, она стала паковать чемоданы, готовясь к отъезду в эту страну.

В первый же день, оказавшись в школе для аутистов, она обратила внимание на «подростка, который, врываясь на кухню, жадно проглатывал целую кучу приготовленных для него бутербродов. Расправившись с ними, он начинал искать чужие сумки, стремясь съесть буквально все, что было в пределах досягаемости». Расспросив о нем, Анна-Маргарита узнала, что зовут его Нати, что он уже привык к сеансам «облегченной коммуникации», но французского языка не знает. Подойдя к нему со своим ноутбуком, она ласково взяла его за руку. Он не противился и напечатал на клавиатуре: «Мама позади болезней и кутежей». Трудно предположить, что он мог печатать на французском языке, которого не знал, но нельзя допустить и того, что Анна-Маргарита сама почему-то решила употребить это несколько устаревшее и слишком литературное слово — «кутежи». Дальше следовало: «Мама не пьет ни черного кофе, ни кофе с молоком... Нати ничего не ест дома... Я хотел бы остаться с мамой, чтобы убаюкать ее в моем сердце».

«У тебя есть брат?» — спрашивает ассистент на французском языке.

«Нет».

«Сколько у тебя сестер?»

«Две».

Ответы легко даются на французском, и дает их только Нати. Если предположить, что на самом деле их телепатическим образом принимает сама Анна-Маргарита, то тогда надо признать, что она воспринимает только смысл ответа, но не его словесное выражение на иврите, которого не знает. Кроме того, приведенные фразы показывают, что

вряд ли Маргарита использовала бы некоторые их слова и строила их именно так, как они построены.

Но это не всё. Нати, со своей стороны, понимал смысл вопросов, которые ему задавал ассистент, но ведь французского языка он не знал. Учтем и то, что ответ здесь дается бессознательно, и потому можно предположить, что именно его подсознание, а не он, воспринимает вопросы — независимо от того, на каком языке они сформулированы.

По-видимому, все сказанное вполне подтверждается другим экспериментом, который Анна-Маргарита провела с молодыми здоровыми израильтянами, не знающими французского языка. Дадим ей слово:

«Все они печатали совершенно бессознательно и были очень удивлены, когда им перевели, что же они написали. Несколько раз в ходе диалога они отмечали не иврите, что не понимают того, что я им говорю и тем не менее они отвечали на мои вопросы. Было интересно смотреть, как оживленно они переговаривались с соседями, пока рука что-то бессознательно печатала на французском в связи с пережитыми событиями» (25).

Получается, что смысл задаваемых вопросов молодые израильтяне воспринимали непосредственно на подсознательном уровне и на том языке, который их сознанию был неведом, а потом так же бессознательно набирали на клавиатуре ответы, переводимые на тот язык, которого они не знали. Если верить всему, что рассказывает Анна-Маргарита, тогда придется поставить под вопрос привычное представление о нашем ментальном мире. Я живо помню свою встречу с этим первопроходцем психофании. В апреле 2001 года я сам присутствовал на сеансе удаленной коммуникации между Маргаритой и человеком, которого я хорошо знал и которому в ту пору выпали ужасные испытания. Он говорил по-французски, но находился за несколько километров от кабинета Маргариты и не мог знать, что кто-то еще пытается проникнуть в его подсознание. Тем не менее все, что я узнал, на мой взгляд, нисколько не противоречило тому, что я уже знал об этом человеке.

Таким образом, в нас есть нечто такое (бессознательное, подсознание, дух и т. д.), что выходит за пределы нашего тела и может появляться где угодно, прием даже без нашего ведома. Мне это напоминает об одном эксперименте Роберта Монро, не раз отправлявшегося за пределы собственного тела. Эти явления еще мало изучены наукой, но у нас есть много свидетелей, которые вполне заслуживают доверия. Я знаю, что сторонники «облегченной коммуникации» и психофании не любят, когда их работу и результаты сравнивают с паранормальными явлениями: они боятся, что это подорвет уважение к тому, чего они достигли. Однако я считаю, что нередко именно сопоставление тех

явлений, которые на первый взгляд никак не связаны между собой, позволяет их взаимно обосновать и выработать гипотезы, которые их объясняют. Итак, надо признать, что есть люди, которые могут покидать свое физическое тело, мгновенно оказываясь там, где им хочется, и не важно, как называется то, что из этого тела исходит: «двойник», «дух» или «сознание». Это отчасти напоминает знаменитые «эксперименты на пороге смерти» — с той разницей, что в первом случае все заканчивается пребыванием в нашем мире, т. е. дело не доходит до появления «туннеля» и перехода в другое измерение.

Я подробно говорил об этом в другой своей работе (26), и потому сейчас коснусь только того, что нам интересно в данном случае. Итак, Роберт Монро договорился с одной своей знакомой о том, что, когда она будет проводить отпуск на берегу моря, он, выйдя за пределы своего тела, постарается войти с ней в контакт. Когда он действительно покинул тело, ему было достаточно просто подумать о ней, и он тут же очутился в каком-то помещении, которое напоминало кухню. Он увидел, что она разговаривала с двумя девочками. «Все трое о чем-то спорили, но я не слышал их разговора», — отмечает Монро. Он попытался как-нибудь привлечь их внимание, но все было напрасно: казалось, что никто никак не реагировал на его присутствие. Тогда, обратившись к своей знакомой, он спросил ее, сознает ли она, что в данный момент он находится рядом. «„Да, я знаю, что ты здесь“, — ответила она (ответила на ментальном уровне или сверхсознательно, не переставая говорить с девочками). Я спросил, вспомнит ли она о том, что я был у нее. “Ну, конечно же”, — ответила она». Но чтобы она действительно запомнила, он сказал, что собирается ущипнуть ее. «Ой, не надо этого делать, я и так запомню», — ответила она. Из дальнейшего рассказа становится ясно, что в своем сознании она не запомнила его визита, но когда он спросил, не почувствовала ли она, что кто-то ее щиплет, она изумленно воскликнула: «Так это был ты!» и показала «коричневые и синие следы на коже», свидетельствующие о том, что эксперимент удался (27).

Итак, перед нами еще один случай параллельного существования двух видов коммуникации: на уровне обычного сознания и на другом уровне, совершенно не зависящем от сознания. Пусть здесь ситуация несколько иная, но если смотреть на все произошедшее лишь глазами его знакомой, то, наверное, вполне можно сказать, что здесь мы имеем дело с тем же самым психологическим механизмом. Вероятно, в нас есть нечто такое, что, не переставая быть нами самими, обладает определенной автономией, и, признав это, мы с большей готовностью примем результаты других, еще более удивительных экспериментов.

СОЗНАНИЕ С ПЕРВЫХ МИНУТ ЖИЗНИ

А теперь поговорим о новых коммуникативных возможностях, которые открываются благодаря участию посредника. Один психотерапевт направил к Анне-Маргарите Вексье женщину, которая никак не могла освободиться от драматических переживаний, связанных с матерью. На первом сеансе она подробно рассказала о своих страданиях, а потом пришла еще раз — уже через семь месяцев, когда была беременной и ждала девочку. Это заставило ее вспомнить о той тревоге, которую она чувствовала еще до своего рождения, находясь в животе матери. Она не хотела, чтобы то же самое повторилось с ее малюткой, и теперь, не задумываясь, набрала на клавиатуре (причем все тем же странным языком, столь характерным для такой коммуникации) следующую невероятную просьбу: «Я даю ее вам, чтобы вы позвонили ей и передали дымок любви с женщиной жизни».

«У меня уже имелся опыт облегченной коммуникации с младенцами, которым было лишь несколько недель, — рассказывает Анна-Маргарита, — но я не очень понимала, как держать руку ребенка, который находится в матке! В это время я начала изучать возможность удаленного набора на клавиатуре. Могла ли я подумать, что зародыш способен отправить ментальное сообщение с помощью своей матери? Мать не меньше меня была удивлена таким предположением, но идея связаться с малюткой была такой соблазнительной, что мы решили попробовать.

«Что ты мне скажешь, малышка?».

«Гримируйся, мама, в жизнь жизни».

«Это действительно ты говоришь?»

«Да, считая, что я, быстро я играю с ласками жизни. Убедись, рифмует ли мама дар жизнь со смертью или жизнью. Вы направляете выбор в сторону жизни. Я дымок любви для мамы. Ведите маму к уверенности быть женщиной жизни. Я вулканизирую [усиливаю] любовь мать жизни...».

В результате такой коммуникации мать почувствовала необычайное облегчение. «Я была просто изумлена всем, что только что произошло, — признается Анна-Маргарита. — Как я смогла попеременно

подключиться к ребенку и его матери? Всего-то и надо было, чтобы я направила свой ум к тому, с кем хотела вступить в контакт, — одним словом, чтобы я просто обратилась к нему» (28).

Но бывает и так, что на клавиатуре появляется сообщение, которое не имеет прямого отношения к пациенту, ассистенту или еще кому-нибудь, кто в данный момент находится рядом. Так, например, во время общения с опытными ассистентами Анна-Мargarита увидела, что она мало-помалу набирает такой волнующий текст:

«Умереть разве это прошло? Тяжело приступать к проблеме желать смерти. Я хочу убежать от смерти, и ты помогаешь мне жить. Единый со случаем созреть жизнью, я борюсь со смертью.

— Но кто ты, — спросила я внутри самой себя.

— Я маленький шалун [зародыш] смерти. Прикажи матери бежать от смерти. Папа назначает мешок жизни [матку] для смерти. Моя мать теряет своего ребенка. Я остаюсь присоединенным к смерти, если отец убивает меня. Согласие между мной и семьей — возможно ли?». Потом стало ясно, что речь, наверное, идет о зародыше, которому всего два-три дня (29).

Сразу же оговоримся, что мы не хотим никого винить, но нельзя и молчать о том, что такая коммуникация с эмбрионами действительно существует. Это заставляет вспомнить об очевидном факте, который порой намеренно игнорируют: аборт не имеет ничего общего с контрацепцией, и, отождествляя их, мы совершаем большую ошибку. Вот что говорит об этом Анна-Мargarита: «Все разговоры моих пациентов всегда о жизни и смерти. Они убедили меня в том, что уже самые первые клетки эмбриона наделены сознанием. Это кардинально меняет все наши представления о беременности» (30). Я не считаю нужным чрезмерно заострять внимание на всем том, что скрывается за такой коммуникацией (будь то общение на расстоянии, на языке, который неизвестен пациенту, или коммуникация с эмбрионом), но можно сказать, что, когда жизнь только зарождается, мы уже имеем дело с духом или сознанием, которое заявляет о себе еще до всякого усвоения языка — не важно какого! Понятно, что такое открытие встретит самое яростное сопротивление, но нельзя отвергать реальность только потому, что она нас озадачивает.

Надо признать, что мы имеем дело с явлениями, которые сразу же кажутся невероятными, да, признаться, я и сам отнесся бы к ним довольно сдержанно, если бы не видел многих людей (гораздо более сведущих, чем я), которые, потратив немало времени на изучение и практическую проверку этого метода, признали его вполне обоснованным и законным. К 2003 году в распоряжении

Анны-Мargarиты уже находилось более тысячи ассистентов и среди них более двухсот профессиональных терапевтов (31). Однако эти открытия не получили того резонанса, которого заслуживали. «Я общалась с дюжиной неврологов, — пишет в этой связи Анна-Мargarита — и каждый раз было одно и то же: они присутствуют на сеансе, говорят, что очень удивлены... а потом исчезают... Я больше не хочу тратить столько сил: ведь после многочасовых объяснений, после рассмотрения обильного доказательного материала дело кончается отказом. Я нужна своим пациентам, а в остальном — как получится» (32). Тем не менее общение с неврологами могло бы дать интересные результаты, если бы протекало в доверительной обстановке. Теперь, по крайней мере, мы знаем, что у взрослого аутиста участки головного мозга, отвечающие за узнавание (например, по голосу или выражению лица), не задействованы. Но надо идти дальше и постараться узнать, не связана ли эта дисфункция (по крайней мере, в некоторых случаях) с той реакцией защиты, которая возникает у ребенка (причем возникает очень рано, быть может, даже во время беременности матери — в результате тех восприятий, которые кажутся ему агрессивными).

В этой связи можно сказать, что в контексте всех наших знаний о том, что мы собой представляем, здесь, конечно же, речь идет о чем-то удивительном, в котором, однако, нет ничего демонического и особенно чудесного (если, конечно, не иметь в виду, что вся наша жизнь, все существование есть нечто чудесное).

И все-таки есть одно чудо — чудо неустанной и бескорыстной любви, всегда утешающей всех страждущих телом и душой. И тут маленькие израильтяне правы: «Я хочу жить в жизни твоего Бога любви», — печатают они на клавиатуре Анны-Мargarиты (33).

ОБЩЕНИЕ С УМЕРШИМИ

Аутисты, с которыми работала Маргарита Вексье, часто говорили о присутствии мертвых в их жизни и прежде всего о маленьких братьях и сестрах, умерших в результате выкидыша или аборта: они говорили, что те присматривают за ними и помогают им. Сейчас мы увидим, что общение с нашими умершими осуществляется и с помощью других средств, причем для этого вовсе не обязательно быть аутистом. Сразу уточню, что в отличие от многих собратьев-священников я совсем не считаю, что связь между нашим миром и миром «мертвецов», которую я так долго изучал (34), непременно свидетельствует или о необычном вмешательстве Бога (т. е. о той неслыханной привилегии, которая даруется некоторым святым), или о вмешательстве сатаны, который тем самым стремится еще сильнее сбить с толку бедных людей, каковыми мы являемся. Речь не идет непременно или о чуде, или о демоническом вторжении. В этой связи точка зрения Габриэле Аморта (экзорциста из Римского диоцеза) мне кажется слишком однозначной. Отец Эрнетти, весьма уважаемый ученый и экзорцист, которого я хорошо знал, не разделял ее. Ему были знакомы все опасности спиритизма, и он смело о них говорил (36), но в то же время учил проводить необходимые различия в данном вопросе. Он был очень рад, что мои книги на эту тему были переведены на итальянский язык, и просил прислать ему несколько экземпляров, чтобы некоторые собратья в Риме тоже могли их прочитать.

ЕСТЕСТВЕННОЕ ЯВЛЕНИЕ

Общение с умершими (осуществляемое как традиционным способом, т. е. через медиума, так и с помощью электронной аппаратуры) говорит нам о тех законах, которые еще мало изучены, но действуют в двух или нескольких измерениях. Между этими измерениями существует определенное взаимодействие, благодаря которому и возникает коммуникация, но не будем думать, что речь идет о совершенно чуждых друг другу мирах, даже если это взаимодействие встречается не часто. Эти измерения находятся внутри все того же сотворенного мира: они принадлежат к одному и тому же творению, и поэтому мы имеем дело с совершенно естественными законами, которые совершенно естественно входят в единый Божий замысел.

Однако ясно, что содержание такой коммуникации зависит от духовного уровня тех, кто в нее вступает, хотя, впрочем, это верно и для общения между живыми на земле. Сам смысл сказанного нами — вот что наделяет высокой духовностью или темным демонизмом все слова, которые мы пишем или произносим. Хотя скажем прямо: во многих случаях наши речи совершенно нейтральны и ничего не говорят ни о Боге, ни о сатане. Чудесны или демоничны не сами язык и письмо, а то, что мы из них делаем, и здесь порой (но не всегда) сказывается божественное или демоническое влияние на наш дух. Это похоже на телевидение: само по себе оно совершенно нейтрально — все зависит от того, что мы сами из него делаем.

Так же дело обстоит и со всяким общением, касающимся потустороннего мира. На Земле живут не одни только святые, да и многие умершие, оказавшись в загробном мире, еще не окончили своего очищения. Этим и объясняется тот факт, что в некоторых случаях (но только в некоторых) такая коммуникация становится опасной, а порой и явно демонической. Но часто в ней нет никакого риска, и родственники умершего получают большое утешение, хотя здесь и нельзя говорить о настоящем чуде. Жития

святых говорят нам о том, что почти все они постоянно общались с другими святыми, жившими на Земле до них и теперь живущими в ином измерении. Такую многозначность мы видим почти во всех явлениях. Почти все они могут быть религиозно нейтральными (или, как еще говорят, «мирскими»), демоническими или же «чудесными» (как Божьи дела).

МЕДИУМИЗМ

Мы знаем, что издавна во всех культурах с помощью медиумов происходило общение с мертвыми. В соответствии с культурной традицией той или иной страны медиумов называли по-разному: шаманы, колдуны, тибетские провидцы, «связные» в Америке, «сенситивы» в Италии и т. д., хотя сами наименования не так уж важны. На этом общем фоне мы имеем дело с бесчисленными вариантами, обусловленными не только народом и страной, но и более или менее развитыми способностями, присущими конкретному медиуму. Одни больше воспринимают на слух, у других, напротив, перед внутренним взором быстро пролетают какие-то видения: порой лишь символические образы, требующие истолкования, а иногда — вполне реалистические картины прошлого или будущего. Одни говорят, что видят лишь то, что «проводник» показывает им в потустороннем мире, другие раскрываются умершим до такой степени, что иногда начинают говорить их голосами и даже порой обретают их черты. Некоторые могут по желанию оставлять свое тело и видеть далекие события. Порой они даже материализуются, т. е. позволяют видеть себя воочию (как это делали христианские святые во время биллокации). Есть и такие, которые, уходя в другие измерения, на какое-то время присоединяются к умершим в их собственном царстве. Наш привычный разум слишком далек от всего этого, но этнологи и некоторые миссионеры знают об этом гораздо лучше нас, потому что долгое время живут среди представителей тех культур, в которых (в отличие от Запада) такая практика не преследовалась.

«АВТОМАТИЧЕСКОЕ» ИЛИ «БОГОДУХНОВЕННОЕ» ПИСЬМО

С появлением письменности развились новые способы общения с умершими. Я почти не представляю, каким образом возможно автоматическое письмо посредством иероглифов, высеченных на камне, или клинописи на сырых кирпичках, но с появлением нашей письменности, т. е. письма чернилами на пергаменте, а потом на бумаге, появилась новая возможность общения с нашими почившими. Наверное, это складывалось постепенно и продолжается по сей день, часто без нашего ведома: обычно мы называем это «богодухновенностью» или «инспирацией». Известно, что Платон, этот неутомимый искатель, несколько лет провел под сенью египетских пирамид, и, вероятно, сам в какой-то мере практиковал выход из тела, а может быть, слышал об этом от тех, кто на какой-то миг покидал свое земное тело и уходил в иные измерения. Я готов признать, что именно это кратковременное посещение низших сфер царства мертвых и лежит в основе его теории «идей». Не забудем, что в древнегреческом языке само слово «идея» — однокоренное словам «смотреть», «видеть». «Идеи» Платона — это не понятия, а образы. Согласно его теории у каждого предмета, находящегося в нашем мире, есть его прообраз, гораздо более красивый, но находящийся в другом измерении, которое называется «миром идей».

Другие философы тоже признавали этот запредельный мир. Декарт, весьма далекий от того «картезианства», о котором нам прожужжали уши, говорил, что никогда бы не ступил на философское поприще, если бы не увидел необычный свет, призвавший его к нему и обещавший поддержку. Что касается поэтов, то они еще больше, чем философы, говорили о том, как на них влияет их «муза», а порой даже утверждали, что та или иная поэма вообще принадлежит не им и что они просто записали слова, звучавшие в голове.

Все люди художественного склада имеют подлинное родство с медиумами. Так, например, в 1871 году в разгар франко-прусской войны Камиль Сен-Санс, служивший в национальной гвардии, внезапно

прямо в пылу битвы, разыгравшейся под Парижем, услышал музыку, которую тотчас записал и позднее использовал для своего реквиема.

Но и не будучи гениями, многие люди по всему миру практикуют так называемое «автоматическое письмо», которое нередко перерастает в «инспирацию». При «автоматическом письме» карандаш надо держать лишь слегка, причем иногда в левой руке, если вы обычно пользуетесь правой. Он как-то приходит в движение, и сначала появляются какие-то каракули, которые постепенно становятся посланием. Часто все происходит очень быстро, и почерк не похож на почерк человека, кто в данный момент пишет (а точнее говоря, просто записывает), а также на почерк умершего. Но бывает и так, что сразу узнаешь почерк покойного и его манеру писать. В тот момент, когда послание появляется, записывающий не может его разгадать: все становится возможным только потом. Нередко при такой коммуникации нужные слова появляются в уме записывающего, и тогда он начинает писать своим собственным почерком, но понимает лишь некоторые группы слов, будучи не в силах уловить их связь. Это называется «инспирацией».

Проблема в том, что все записанное по своему достоинству очень неоднозначно. Часто мы имеем дело с простыми сообщениями личного характера (например, стремление успокоить семью): они не вызывают широкого интереса, но очень ценны для родственников. Множество сообщений притязают на философскую значимость, но на самом деле оказываются совершенно расхожими. И, наконец, есть подлинно чудесные (37).

«ИНСТРУМЕНТАЛЬНАЯ ТРАНСКОММУНИКАЦИЯ»

Но признать подлинность знаков, которые наши почившие передают нам столь различными способами, прежде всего помогут исследования, проведенные с помощью электронной аппаратуры. В разных странах на разных языках на эту тему постоянно пишут статьи в журналах, появляются книги, проводятся конгрессы, на которых исследователи получают возможность сравнить друг с другом свои методы и полученные результаты. Пока не ясно, каким образом можно общаться с теми, кого мы считаем умершими, но с каждым днем становится все труднее не признавать этой возможности и давать какое-то другое объяснение всему происходящему. Я считаю, что в свете проведенных научных исследований сомнений больше быть не может.

Известно, что голос каждого человека абсолютно уникален: например, для полиции идентификация по голосу даже более надежна, чем отпечатки пальцев. В автомобильной промышленности эту особенность начинают использовать для того, чтобы застраховаться от угона: дверца автомобиля открывается только на голос владельца машины. Правда, есть одна техническая проблема: она должна открыться даже в том случае, если владелец говорит простуженным голосом. Что касается нашей проблемы, то здесь проводился анализ тембра голоса живого человека и голоса, который был записан на магнитофон после его смерти. В некоторых случаях совпадение доходило до 95-98 %. Дальше всего в этих исследованиях пошли итальянские ученые, особенно группа под руководством Даниэля Гулла. Отметим, что когда голос начинал звучать, рядом с записывающей аппаратурой наблюдалось возмущение гравитационных волн. Такие сравнение (т. е. голоса человека до его смерти с голосом после кончины) проводились в разных странах (например, в Германии, Бразилии и самой Франции).

Анализ голоса, проведенный в различных акустических лабораториях, показал, что в некоторых слогах (а порой и целых словах)

отсутствуют «фундаментальные» частоты, которые производятся только голосовыми связками, и потому на магнитофонной ленте записываются лишь волны, называемые «формантами», которые образуются во рту вне голосовых связок. Практически это доказывает, что речь идет о голосах, которые не издаются живыми людьми, имеющими гортань (38).

Другие исследования еще более впечатляющи. В итальянском городке Гроссето исследователь Марчелло Баччи осуществляет такую коммуникацию через репродуктор на радиостанции. Я знаком с этим уже много лет и сам разговаривал с кем-то, кого не знал, но кто, на мой взгляд, был хорошо осведомлен о моей деятельности — и как богослова, и как исследователя паранормальных явлений. 13 апреля 2002 года профессор Сальваторе Феста провел у Марчелло Баччи очень показательный эксперимент. Убедившись, что радиостанция работает нормально, Марчелло Баччи установил контакт с таинственным существом из потустороннего мира, и с этого момента Сальваторе Феста постоянно переходил от одного передатчика к другому, но везде принимался только этот голос. Разговор продолжался только с этой таинственной сущностью, а в это время Сальваторе Феста отключал одну за другой лампы приемника, что, однако, никак не влияло на качество приема. Наконец, связь закончилась, лампы были вкручены на место и приемник снова заработал. Вывод гласил: даже если чисто внешне все выглядело как обычный прием электромагнитных волн, на самом деле имело место нечто совершенно иное, совершенно неведомое (39).

Надо сказать, что такой эксперимент проводился ранее, и стало ясно, что голоса, записанные на магнитофонную ленту, не соответствовали электромагнитным волнам, потому что они так же хорошо записывались и тогда, когда магнитофон находился в так называемой клетке Фарадея. В Мадриде я лично видел один их таких ящиков, в который помещался магнитофон. Он работал на батарейках, и потому клетка Фарадея была полностью закрыта: никакой шнур не связывал магнитофон с внешним миром.

ПОЗИЦИЯ ЦЕРКВИ

Когда речь заходит об оценке этого феномена, не мешает вспомнить об одном важном событии, которое, правда, во Франции осталось незамеченным. 28 ноября 1996 года почти все итальянские газеты (“Il Messaggero”, “La Repubblica”, “La Stampa”) опубликовали заявление отца Джино Кончетти (сотрудника “Osservatore Romano” в области культуры), которое он сделал агентству ANSA (нечто вроде нашего агентства France Presse). На него тотчас откликнулся журнал “Vita e Mistero”, а 26 декабря 1996 года периодическое издание “Gente” в свою очередь опубликовало важные отрывки этого интервью. В нем в частности говорилось: «Согласно современному катехизису Бог позволяет нашим дорогим почившим, которых живут в загробном мире, посылать нам вести, дабы направлять нас в определенные моменты нашей жизни. В свете новых открытий в области паранормальных явлений Церковь решила не запрещать опыты общения с почившими при условии, что они проводятся с научными и религиозными целями.

Дело в том, что Церковь — это уникальный организм, глава которого — Иисус Христос. Этот организм состоит из живых, т. е. тех верных, которые еще живут на Земле, из уже почивших, т. е. святых, которые пребывают в раю, и тех душ, которым предстоит искупить свои грехи в чистилище. Эти три измерения не только едины в Иисусе, но и, согласно идее общения святых, связаны между собой, а это означает, что они могут общаться».

Далее отец Джино говорит о различных способах, которыми усопшие обычно общаются с нами: это сны (иногда вещие), внутренние импульсы, видения, внутренняя речь). Он даже считает, что в некоторых случаях можно обратиться к медиуму или к какой-либо «современной технике». Последний термин не совсем ясен, но, как мне кажется, в данном случае речь идет о сообщениях, получаемых через различную электронную аппаратуру, магнитофоны, громкоговорители, телефоны, телевизоры и компьютеры, т. е. через все то, что называется общим именем «инструментальной транскомуникации». Когда католическая газета “Avvenire” обратилась с этим же вопросом

к американскому священнику и богослову Джону Ричарду Ньюхаузу, он тоже сказал, что для общения с потусторонним миром допустимы все средства: «Нельзя сказать, что контакты с исчезнувшими людьми невозможны... Важно с самого начала не отрицать такие явления, но и не спекулировать на них мошенническим образом».

Понятно, что определенная часть духовенства по-своему отреагировала на такие заявления, но отец Джино Кончетти, подчеркивая, что его слова, обращенные к читателям, «были истолкованы неверно», тем не менее не утверждал, что его «мысль была полностью искажена» (как некоторые хотели уверить). В личном письме, копию которого мне любезно предоставили, он даже говорит: «Богословский принцип гласит: там, где есть общение, есть и сообщение». И далее: «Но общение не протекает однообразно и одинаково: напротив, оно соотнобразуется с теми условиями, в которых находится человек».

Но как же медленно идет дело! Еще есть те, кто продолжает сопротивляться, хотя этот феномен набирает силу почти по всему миру, число священников, которые его поддерживают, постоянно растет, и, наверное, придет пора, когда наши богословы станут уверять нас, что сами они всегда в это верили. Впрочем, уже сейчас чувствуется, как католическая Церковь понемногу меняет свое отношение к общению с мертвыми. Я сам принимал участие более чем в двадцати пяти конгрессах, которые проходили в Италии и были посвящены проблеме жизни после смерти. Каждый раз вполне естественно вставал вопрос об этом необычайном открытии. Кто-то рассказывал, как общение с дорогими для них умершими людьми (причем почти всегда речь шла о детях) дает им силу жить и надежду на примирение с Богом, но каждый раз говорилось и об имевшихся эксцессах, искажениях и просто возможных опасностях. Во время этих конгрессов только один или два раза из священников присутствовал лишь я один: обычно нас было как минимум трое, а иногда и четверо. Почти всегда конгрессы заканчивались совершением мессы, которая проходила или прямо в конференц-зале, или в ближайшей церкви (по решению местного епископа). Надо, однако, отметить, что в буклетах, анонсирующих проведение конгрессов, всякий раз кроме условий участия и проживания в забронированном отеле приводятся два списка — список участников и список десятка «медиумов», готовых в вашем присутствии наладить прямой контакт с вашими усопшими. Конгрессы проводятся много лет во многих городах Италии, и Ватикан, который очень хорошо об этом знает, еще ни разу никого не осудил.

Помню, как во время одной телепередачи, в которой я принимал участие, священник, присланный из Ватикана, дважды настойчиво

требовал от меня обязательно подчеркивать, что, изучая эти явления, публикуя полученные результаты и высказывая свои соображения на эту тему, я не имею на это никаких полномочий от Церкви. В то же время он признавал, что как частное лицо (пусть даже в сане священника) я вполне имею право интересоваться этим феноменом и писать и говорить о результатах своих исследований.

Впрочем, даже во Франции монсеньор Жан Вернет, уполномоченный французским епископатом следить за различными паранормальными явлениями (а также за сектами и различными направлениями, например, за «Новым веком»), в конце концов, занял вполне открытую позицию по этому вопросу, постоянно говоря о том, что в таких делах нужна осторожность (40).

Итак, перед нами необъяснимые факты, которые кажутся поистине «чудесными», однако ничто не позволяет автоматически рассматривать их как божественные или сатанинские действия. Опасность почти всегда подстерегает там, где, принимая такие сообщения, человек начинает думать, что он избран для какой-то необычайной миссии: например, ему надо распространить их по всей Земле, перевести на все языки и т. д. Это верно и для всякой другой «миссии», льстящей самолюбию и ведущей к различным манипуляциям, которые, в свою очередь, могут привести к безумию и одержимости. К сожалению, у нас будет повод поговорить об этом.

II.

«ЧУДЕСА» ДЬЯВОЛА

СИЛЫ ЗЛА

Прежде всего надо немного уточнить, что мы понимаем под «дьяволом», «сатаной», «силами зла» и т. д. Сразу оговоримся, что здесь надо различать два уровня. Мы можем констатировать (и порой даже с научной точностью) наличие озадачивающих явлений, которые современная наука не может объяснить (так было в уже рассмотренных нами случаях), но при этом есть и такие явления (и в этом их принципиальная особенность), которые имеют четко выраженный религиозный характер, но вместо того, чтобы вести к Богу, по-видимому, уводят от него.

За следствиями, которые мы наблюдаем, приходится угадывать причину, но ее нельзя уловить напрямую, а значит, нельзя получить строго научного знания о ней, даже если иногда она мимолетно дает о себе знать в какой-либо конкретной форме. Тем не менее на основании полученных результатов можно предполагать, что речь идет о тех силах, которые могут вмешиваться в наш материальный мир, порой даже противореча известным естественным законам. Мы также знаем, что эти силы разумны, что у них есть определенная цель, заключающаяся в том, чтобы увести нас от Бога и ближнего, а потому их можно назвать «дьявольскими». Но каковы они? Здесь у нас только один путь: обратиться к тем, кто встретился с ними и пострадал от них или же сумел их одолеть.

Кажется, здесь мы имеем дело с чем-то таким, что никогда не имело плоти и в христианской традиции называется «ангелами». Кроме того, сюда, наверное, можно добавить тех умерших, которые во время своей земной жизни служили сатане и делали это сознательно (заключив с ним самый настоящий договор, порой даже подписывавшийся собственной кровью (41)) или неосознанно, т. е. просто всю жизнь оставались рабами собственного удовольствия и своих самых низменных инстинктов. И, наконец, сами наши мысли (как хорошие, так и плохие), концентрируясь, становятся самой настоящей силой, стремящейся материализоваться в соответствии с их природой (42). «Сатана», «Люцифер» — все это может быть лишь общим обозначением того простого факта, что эти силы не бессознательны, но,

напротив, задействованы каким-то разумом или волей. Они, наверное, соответствуют тому, что мы называем «ангелами зла» (по крайней мере, в западной традиции). Некоторые из этих таинственных существ носят настоящие имена, отражающие их природу. Обычно они стараются до самого последнего момента не раскрывать их, потому что знание их имени дает власть над ними.

Все это вполне соответствует свидетельству Писания, но, по-видимому, современной Церкви это свидетельство совершенно неизвестно. «Я не припомню ни одной мессы или проповеди о сатане, — говорит отец Жорж Моран, — и мои долгие богословские исследования никак не восполняют этого “пробела”. Для меня, как, конечно же, и для большинства моих учителей, все это какой-то предрассудок, который надо отнести к пережиткам средневекового менталитета. К счастью, гуманитарные науки оставили это в прошлом!» (43). Уточним, что отец Моран изучал теологию в Парижском католическом институте и был рукоположен в сан священника в 1959 году.

А теперь поговорим о тех «силах», которые действуют среди нас.

ЛОЖНЫЕ СТИГМАТЫ

Нечто совершенно необычное представляют собой стигматы одного странного человека, который не известен во Франции, но уже обрел немалую известность во всем мире: я имею в виду Джорджо Бонджованни. Этот молодой человек родился 5 сентября 1963 года на Сицилии, а именно во Флоридии. В тринадцать лет он познакомился с неким Эудженио Сирагуза, которого хорошо знают уфологи, считающие его ясновидцем. 5 апреля 1989 года у Джорджо было видение: ему якобы явилась «Святая Дева», сказавшая, что он избран для очень важной миссии. Она назначила ему свидание в Фатиме, где 2 сентября того же года даровала ему стигматы на обе руки и велела открыть миру третью тайну Фатимы. Потом у него было много других видений «Иисуса» и «Святой Девы», а вскоре он «обрел» стигматы на ногах и боку и даже большой кровоточащий крест на лбу. Лучшие специалисты из разных стран много раз исследовали эти раны и всегда приходили к одному и тому же выводу: их нельзя залечить никаким медицинским средством, они не вызывают никакой инфекции, хотя Джорджо не прибегает к каким-либо особым мерам предосторожности. Раны очень впечатляют и болезненно кровоточат, по меньшей мере один раз в день. Кровь брали на анализ: выяснилось, что она очень быстро свертывается (приблизительно за тридцать секунд). Брали кровь и прямо из вены: оказалось, это та же самая кровь, хотя по совершенно непонятным причинам она сворачивается нормально, т. е. от пяти до семи минут. Не раз проводились психологические исследования, показавшие, что Джорджо вполне уравновешен, мягок, скромен и открыт. Именно такое впечатление он и произвел на меня, когда я два раза встречался с ним во время моего участия в итальянских конгрессах.

В чем же тогда причина моего сдержанного отношения к нему?

В том, какую весть он распространяет по всему миру и как эта весть со временем меняется. Сначала вспомним о том, что в этой вести меня совсем не смутило. Святая Дева якобы поручила ему открыть всему миру знаменитую третью тайны Фатимы, которая должна была открыться в 1960 году и которую папы до сих пор не открыли. На са-

мом деле кое-что косвенным образом известно уже давно (по крайней мере с 1963 года) — благодаря несдержанности немецкой газеты «Новая Европа» (“Neues Europa”). Речь якобы идет о предостережении всему человечеству с призывом изменить свою жизнь: прекратить бесконечные войны и не губить природу, как это мы делаем сейчас. Все это меня не смутило.

Джорджо возвещает, что кризис, начавшийся в Церкви, будет только усугубляться. Кардиналы и епископы восстанут друг на друга. Грядут большие перемены. Это меня тоже не шокирует: не надо быть пророком, чтобы понять, что Католическая Церковь (в той форме, в какой она сейчас существует) по сути дела идет в тупик. Необходимо радикальное и мучительное обновление. Самая яростная критика, которую Джорджо Бонджованни обрушивает на Католическую Церковь, меня тоже не смущает (44): почти всегда эта критика, к сожалению, полностью оправдана, хотя иногда он немного упрощает ситуацию. То хорошее, что есть в Церкви и что сам он вынужден признать, не всегда совершается вопреки церковной иерархии или вне нее. На самом деле ситуация гораздо сложнее.

Кроме того, Джорджо якобы должен открыть нам какую-то часть той тайны, которую мы не знаем и о которой даже не подозреваем (о ней не говорилось и в упомянутой немецкой газете). Речь идет о начале прямых контактов с внеземными цивилизациями. Может быть, здесь я удивлю своих читателей, но и это еще не заставляет меня усомниться в мистическом и христианском происхождении его стигматов. Лично я верю в реальность этих цивилизаций и считаю, что уже несколько лет их вмешательство в нашу жизнь только усиливается.

Но я перестаю с ним соглашаться, когда он начинает говорить о «новом богословии». Когда я его впервые встретил, он говорил, что Дева советовала ему не доверяться целиком и полностью ни одной из существующих христианских Церквей. Но он же вполне ясно говорил, что для него Христос действительно Сын Божий и сам Бог (как это утверждают все символы веры, единые для всех христиан) (45). Однако постепенно он заговорил о другом, и теперь Христос вместе с Кришной и Буддой — это всего лишь «существа, сошедшие со звезд и пришедшие из более развитых миров, — существа, которых мы обожествили» (46). Его речи, все еще возвышенные, никак не отличаются от воззрений «Нового века»: те же упрощения и те же притязания спасти весь мир. Если раньше он говорил мягко и сдержанно, даже скромно, то теперь в его словах слышится явное возмущение. Я согласился бы и с этим, если бы чувствовал, что он горит любовью к Богу

как подлинны мистики, как падре Пио и Натуцца Эволо, о которой мы еще поговорим. Но увы! Теперь я слышу только разговоры о внеземных миссионерах: отныне именно они — наши истинные учителя, образец для подражания, а Джорджо — их пророк. Они наделены всяческими дарованиями, они — наши спасители. Упоминая некоторые случаи похищения людей (47), Бонджованни заявляет, что все они тем не менее относятся к нам вполне благосклонно.

Итак, паранормальные явления налицо: их отрицать нельзя. Стигматы существуют, и каждый может в этом убедиться. Пока их природу нельзя объяснить «научно»: можно только сказать, что они, по-видимому, появляются во время видений. Но мне кажется, что причиной стигматов и всего того, о чем возвещает Джорджо Бонджованни, являются эти таинственные существа, весьма нас озадачивающие, а порой просто тревожащие. Весть, исходящая из его уст, кажется мне очень подозрительной: он много говорит, но в его словах нет любви, а если посмотреть, в каком странном гипнотическом состоянии находятся «похищенные», то придется признать, что в наших «космических братьях» есть нечто страшное. Я все больше убеждаюсь, что они манипулируют им, чтобы добиться своих целей.

Но чего они хотят? Завладеть нашей планетой и постепенно покорить нас? Мы стоим перед ужасными вопросами, в которые я здесь не могу углубляться: ведь имеющаяся информация слишком отрывочна и часто ненадежна. Ясно одно: мы имеем дело с чем-то необычным, но мне кажется, что в основе этого необычного — не Бог. Научный прогресс не имеет ничего общего с духовной эволюцией, и наши «космические братья», как их называют некоторые, в научном отношении вполне могут опережать нас на много лет вперед, но это совсем не значит, что (как считает Джорджо Бонджованни) они более развиты в духовном смысле. Современный человек с его космическими ракетами и Интернетом наверняка восхитил бы египтян, греков и римлян, но он не способен любить лучше, чем они.

Не вдаваясь в подробности, добавим, что и в прошлом были известны стигматы, засвидетельствованные медициной, но, по всей вероятности, не исходившие от Бога. Мы знаем, например, что их имела Мари-Жюли Жаанни, умершая в 1941 году. Собственно религиозная значимость ее стигматов была и остается весьма сомнительной (48). Кроме того, мы знаем, что их имела Пальма Мария Матарелли, но папа Пий IX считал, что они явно дьявольского происхождения (49).

ЛОЖНАЯ МИСТИКА

12 октября 1845 года в Париже родилась госпожа Брюйер. Она родилась в Париже, но ее семья очень часто проживала в поместье неподалеку от знаменитого бенедиктинского Солемского аббатства. В 1833 году Пьер Геранже вновь основал там монашескую общину: он мечтал восстановить в этих краях аббатство с тем же самым уставом. Именно он и подготовил маленькую Женни Брюйер к первому причастию и очень рано воспитал в ней тягу к монашеской жизни. Но, вероятно, его святые слова упали на неблагоприятную почву. Девушка очень скоро решила, что сам Христос возложил на нее некую исключительную миссию, уже засвидетельствованную ее особыми и таинственными дарами. Правда, однажды в письме к подруге она призналась: «Бывает я чувствую бесконечную усталость от того, что выдаю себя за человека, которым не являюсь» (50).

17 августа 1868 года мечта Пьера Геранже сбылась: семь молодых женщин приняли монашеские обеты. Женни, самую молодую из них, подруги избрали настоятельницей: она взяла имя Цецилии, а монастырь в то же время стал считать своей покровительницей святую Цецилию.

Живя в гармонии со своей общиной, Пьер Геранже придерживался таких мыслей, которые сразу должны были бы вызвать мою симпатию. Он боролся с рационализмом, который начинал проникать в Церковь. Он очень интересовался мистиками и теми необычными физическими явлениями, о которых рассказывалось в их житиях. Его, наверное, даже больше интересовал не столько сам мистический опыт как таковой, сколько впечатляющие события из жизни мистиков. В любом случае именно этим оборачивалась его увлеченность мистическими видениями. К сожалению, эта область слишком деликатна, и к тому же силы зла никогда не преминут посеять здесь семена смуты, умножая ложные чудеса, видения, да и самих лжемистиков: ведь ложь — лучшее средство дискредитировать истину. Вот тут, как мне кажется, Пьер Геранже не слишком умел отличать одно от другого.

Этот недостаток усугублялся глубокой уверенностью в том, что Бог призвал солемскую общину сыграть главную роль в обновлении

французской, да и вообще всемирной Церкви. Чтобы лучше осуществить эту миссию, солемский игумен вскоре добился того, что Рим пожаловал Женни Брюйер сан аббатисы. После этого стали множиться «мистические явления»: например, одна из монахинь увидела, что на головах аббата и аббатисы горит по яркой звезде.

Начались необычные видения, и скоро госпожа Брюйер возомнила себя второй «Девой Марией». «Обняв меня как свою сестру, Богоматьерь показала мне (в моем полном отождествлении с нею, когда я испытала все то, что испытала она восемнадцать веков назад) двойное предназначение невесты и матери Бога и Церкви. Сначала я пережила юность Девы, затем — целомудренный брак материнства. Самой сладостной порой моей чудесной жизни была беременность, начало которой восходит к таинственному и всепоглощающему величию испепеляющей и неодолимой любви *Virtus Altissimi obumbrabit tibi* (51). Сокровенные милости Жениха, которые я знала прежде, были всего лишь бледной прелюдией. Какое сильное истечение материнской любви, какое сладостное любовное изнурение, когда чувствуешь себя во власти желанного залога! Я носила в себе сладостную ношу, я чувствовала, как она шевелится в своей добровольной темнице. Он жил своей матерью и супругой, но спешил покинуть мое чрево, чтобы спасти мир. И вот пришла ночь Рождества — какое сладостное чувство! Преисполнившись смирения, я, дева-мать, не дерзала дать божественному малютке то, что обычно ребенок требует у своей матери. Но ребенок был и супругом. У него была сила и любовь, и своими ласками Супруг восторжествовал над моим целомудренным сопротивлением. Я вся млела от любви, когда его губы всю меня привлекли к себе и я почувствовала, что перехожу в моего возлюбленного! Это не образы и не видения: все было пережито по-настоящему в моем физическом и нравственном существе» (52).

И вот так каждый год на Рождество она неким «мистическим» образом производила на свет Младенца-Иисуса — малыша, которого, конечно же, никто никогда не видел, но которого она нежно кормила грудью, а потом с бесконечными предосторожностями передавала какой-нибудь другой избранной монахине, чтобы и та, в свою очередь, дала ему грудь. Очаровательная картина! Монахи же довольствовались тем, что убаюкивали незримого Богомладенца. Странно думать, что почтенные монахи, нередко большие интеллектуалы, принимали участие в этом маскараде! (53). При всем том мать-аббатиса была очень умной и прекрасно знала самые лучшие духовные произведения. Она написала трактат под названием «О молитве согласно Святому Писанию и монашеской традиции», и весьма уважаемые

богословы того времени восхищались этим собранием (среди них епископ Майенский и кардинал Мэннинг).

Итак, с тех пор госпожа Брюйер становится «Матерью Церкви» — совсем как Святая Дева! Она живет в окружении ангелов, ей особо покровительствует святой архангел Михаил, она ведет ужасные сражения с дьяволом. Увы, но все это напоминает секту «Мандаром из Каstellана» и ее основателя Жильбера Бурдена, который, сражаясь с сотнями тысяч демонов, видел, как они, сраженные молнией, подобно звездам низвергаются с небес. Но ведь ему тоже удалось покорить некоторых интеллектуалов. Поистине загадочно сердце человеческое!

Нет нужды без конца перечитывать подлинных мистиков, чтобы понять, что стремление обрести какие-то видения и особые милости как раз противоречит тому, что надо искать людям, желающим истинно служить Богу. Увы, тот, кто хвалится такими «привилегиями», лишь неопровержимо доказывает, что на самом деле им играет дьявол!

Стремление отождествить себя с самым святым, что только есть в Церкви, не ограничилось Богоматерью. Госпожа Брюйер заявила, что не выйдет за пределы того, что она сама назвала «полнотой Христовой возраста» (по ее понятиям это было около сорока лет). Следовательно, ей предстояло умереть приблизительно 12 октября 1885 года. В положенное время смерть не явилась, но тут весьма кстати умерла одна из монахинь, а она сама сказала, что уже покидала землю, но Христос, явившись ей, просил ее вернуться, чтобы завершить возложенную на нее миссию, а вместо нее он решил взять на небеса ту самую монахиню. Но это еще не все: ее тело все-таки успело побыть в загробном мире, и теперь ему неведомы немощи мира земного, потому что отныне оно обладает свойствами «прославления».

После смерти Пьера Геранже аббатом был избран Кутюрье. Это был смиренный человек, следовавший наставлениям своего предшественника. Кардинал Жан-Батист Питра, в свое время тоже бывший монахом в Солеме, прибыл из Рима на похороны Пьера Геранже и тотчас подпал под влияние госпожи Брюйер. Как после этого не доверять монахине, духовные советы которой столь явно были оценены всеми?

В Церкви существует не только истинное «духовное отцовство», т. е. духовное наставничество, осуществляемое монахами-мужчинами, но и «духовное материнство»: в этом случае наставничество осуществляется святыми женщинами. Госпожа Брюйер не замедлила стать духовной матерью всех новых монахов, приходивших в Солема.

Так, например, ее наставничеству был вверен Сотон. Этот монах хотя и недавно появился в монастыре, но не был молоденьким новичком: ему было уже около тридцати, в прошлом он был доктором медицинских наук и считался превосходным практиком. Его несколько удивило, когда однажды он узнал о новом рождении Богомладенца. Сам Сотон стал для госпожи Брюйер «маленьким Тибурцием» (так звали родственника святой Цецилии, которая, как мы уже говорили, считалась покровительницей самой аббатисы). Далее мы приводим слова Сотона, в которых он просто не может скрыть своей неловкости: «Мой нежный маленький Тибурций, не бойтесь: я — ваша мать Цецилия. Эта жизнь, для которой я вас родила, гораздо ценнее той, которую вы получили от вашей естественной матери. Вы — для меня, вы плод совершенно девственного материнства, божественная щедрость которого даровала мне эту привилегию. Придите же на мои колени, усните на моих руках: отныне вам больше никто не нужен, в моей груди вы почерпнете меня самое. Что может быть целомудреннее этого ребенка, который играет на груди своей матери?» (55). И далее: «Я благословляю Бога, который сделал меня вашей матерью. Будьте же младенцем в пеленках, птичкой, выходящей из яйца; укройте под моим крылом».

«Когда она предложила мне стать ребенком, покоящимся на ее руках, я понял, что здесь что-то нездоровое. “Какая слащавость, какое ребячество”, — думалось мне» (56). Позднее, когда ему, наконец, удалось выйти из этой неприятной ситуации, он заговорил как врач: «Наверное, надо было сказать этой женщине: “Мадам, вы рождены для материнства, а не для безбрачия: все в вас кричит о том, что вы должны стать матерью, и эта потребность заставляет мечтать о том, чего вы не сделали» (57).

«Через полученное ею откровение она знала, что является одним из четырех столпов, на которые в ту пору покоилась Церковь. Тремя первыми были Пьер Геранже, папа Пий IX и кардинал Пий» (58). Но Пьер Геранже умер, а здоровье Пия IX пошатнулось. «Ах, — сказала она однажды, — я так молилась за него. Дьявол гнался за ним, но я не сдавалась. Это было трудно: я очень страдала целых восемь дней, но наконец-то все в порядке — сегодня я выиграла и мне лучше» (59). Таким образом, она дала понять, что сыграла главную роль в освящении души папы Пия и его подготовке к смерти. Здесь мы как будто имеем дело с явлением осмотического воздействия одной души на другую: я вполне его признаю, и к тому же в житиях святых есть много свидетельств на этот счет. Но тут все иначе! Обычно о таком явлении узнавали только после смерти святого или святой — узнавали

через его духовника или редкое доверенное лицо, а также из замечток, сделанных по повелению духовного отца. Но при жизни никто из окружения даже не подозревал об этой тайне, хотя постоянно общался с таким монахом или монахиней. Мистика госпожи Брюйер — это самая настоящая карикатура на подлинную мистику: она в точности воспроизводит ее по форме, но всегда искаженно.

Когда, наконец, три упомянутые «столпа» рухнули, раздался стон: «Бог не может все возложить на одну меня!».

В 1890 году умер Кутюрье, и госпожа Брюйер пустилась в интриги, стремясь, чтобы новым аббатом стал Делатт. Но в обоих монастырях, мужском и женском, вспыхнули внутренние распри. Слухи о странных взаимоотношениях между монахами и монахинями достигли Рима, и там не на шутку обеспокоились. Делатту велели прибыть в Рим, где он предстал перед Святой Инквизицией. Всякие отношения между двумя монастырями были запрещены, но при этом всячески постарались, чтобы ничто не просочилось в печать. Не теряя времени аббатиса, воспользовавшись исключительными связями некоторых своих монахинь (у одной были знакомства при австрийском дворе, другая лично знала королеву Испании), добилась того, что Лев XIII снял опалу с Делатта. В последний раз ей удалось навязать свою волю: 18 марта 1909 года, самым тщательным образом подготовив документы для своей возможной канонизации, она умерла.

Надо признать, что в жизни настоящих и всеми признанных святых бывали видения и беседы, в которых сказывалась очевидная для нас сексуальность, но нередко мы оказываемся плохими судьями, потому что здесь само чувственное начало со временем сильно меняется. Поэтому прежде чем возмущаться и судить сразу обо всем, надо как следует разобраться. Что касается госпожи Брюйер, то она жила не слишком давно, и в отрывках, которые я вам привел, все-таки нельзя не заметить чего-то весьма странного и нездорового. Она была женщиной умной и образованной и сама должна была это понимать, но гордость, которая нередко является самым тонким орудием сатаны, просто ослепила ее. Ложная святость компрометирует истинную. Спору нет, борьба против узкого рационализма, которую хотели вести солемские братья, — дело достойное, и сегодня ее надо вести как никогда. Но, ввергая всех, кто готов бороться, в пучину сомнительных озарений и видений, мы как нельзя лучше расчищаем дорогу для того же самого рационализма.

ЛОЖНЫЕ ЯВЛЕНИЯ

Как известно, в сказках злой волшебник рисует красивые замки и идиллические пейзажи, чтобы завлечь туда всех, кого хочет погубить, поставив себе на службу. Часто, когда очарование проходит, оказывается слишком поздно. Кажется, что в мире, который пока что является нашим реальным миром, дела обстоят точно так же. Истинным чудесам силы зла противопоставляют чудеса ложные, подлинным мистикам — самозванцев, настоящим видениям — ложные картины и образы.

МЕДЖУГОРЬЕ

Грустная история «видений» Меджугорья на долгое время останется ярким примером действия темных сил. Я знаю, что, увидев эти строки, многие читатели разочаруются и не станут читать дальше, но мне кажется, что после строгого и тщательного исследования, которое провел Иоахим Буфле (60), никаких сомнений не остается. Речь не идет об авторе, которого можно заподозрить в систематическом противлении всему сверхъестественному: нет, мы обязаны ему многочисленными исследованиями тех физических явлений, которые часто наблюдаются в жизни мистиков (особенно в том, что касается стигматов), и к тому же он работает в тесном сотрудничестве с Ватиканом, когда дело идет о беатификации или канонизации.

Вкратце напомню, о чем идет речь. 30 июня 1981 года в Югославии, в деревне Меджугорье (сегодня это Босния и Герцеговина) несколькими подросткам «явилась» Дева Мария. Шли годы, подростки выросли, но Дева так и «являлась» им — поодиночке или всем вместе.

Местные епископ, архиепископ Загреба, а также боснийские епископы призвали проявить сдержанность и не торопиться с выводами, но все было напрасно. Отовсюду стали стекаться толпы паломников, формировались группы священников, организовывались благотворительные фонды, — одним словом, как сказал отец Лорентин,

несколько лет следивший за всем происходящим, в настоящее время во всем мире нет другого места, где происходило бы столько обращений, исповеданий и причастий. Цифры, которые он приводит, просто головокружительны (61).

Но, как подчеркивает тот же отец Лорентин, дерево можно и нужно судить по его плодам, и здесь я не могу с ним не согласиться, да и Иоахим Буфле тоже. Я не сомневаюсь, что все случившиеся там обращения, всякое возвращение к вере и Церкви было делом Святого Духа — ведь Бог действует в сердце каждого человека, и если люди приходят туда с искренним желанием его отыскать, то я не вижу причины, по которой он не мог бы с любовью ответить им на их стремление. Это все — плоды Святого Духа.

Но в Меджугорье находятся не одни лишь паломники: там собираются (причем, в первую очередь) разные ясновидцы и священники, которые, крутясь вокруг них, вместе с ними намеренно раздувают все происходящее. Если бы эти явления были подлинными, тогда их результаты были бы более достойными. Речь, конечно же, не идет о том, чтобы все, кому было явление, непременно становились монахами и отправлялись в монастырь, как это сделала святая Бернадетта или сестра Люсия, узревшая Богородицу в Фатиме. Я вполне допускаю, что в данном случае Божий замысел может быть прямо противоположным: быть может, Бог хочет показать святость хорошо прожитого христианского брака. Но меня смущает тот факт, что в Меджугорье ты совсем не ощущаешь такой святости.

Начнем с того, что на отца Йозо Зовко, францисканца, организующего эти явления, поступает столько жалоб от женщин самых разных стран, обвиняющих его в сексуальном домогательстве, что епископ решил, наконец, убрать его с этого места. Не отстают от него и отец Томислав Власич: за несколько лет до начала упомянутых «явлений» от него забеременела одна монахиня, но гораздо хуже в этой истории то, что отец отказался признать отцовство. Стремясь хоть как-то сохранить честь отца, монахиня согласилась эмигрировать в Германию. Это не помешало тому, что этот же «отец» (на сей раз уже после «видений», а именно в 1988 году) по настоятельному совету «Святой Девы» вступил в «мистический» брак с другой монахиней. Здесь сомнение вызывает если не нравственность священника, то, по крайней мере, его психическая уравновешенность.

Меня не возмущает, что «узревшие Деву» путешествуют по всему миру, возвещая о том, что она якобы им сказала: ведь это могли делать и Бернадетта Лурдская или сестра Люсия. Дело в другом: они через это обогащаются, строят гостиницы, в которых сами принимают

паломников, ведут роскошную жизнь, что, на мой взгляд, не должны делать люди, приблизившиеся к Богу.

Меня не шокирует, что они по-прежнему верят в подлинность воспринятой ими вести (если они действительно в это верят): мне не нравится, что они продолжают ее распространять, вдохновляя францисканцев сопротивляться епископу — именем самой Святой Девы. Ни один подлинно духовный человек так не поступает, и здесь достаточно вспомнить о падре Пио (62).

Никто не упрекнет их в том, что, исполнившись небесной любви, они не забывают о своей земной родине, но их слова о том, что Богородица призывает воевать против сербов и мусульман совершенно недопустимы.

Обратимся к Иоахиму Буфле, который, подводя итог такой деятельности, спрашивает: «Как могут эти ясновидцы — францисканцы и их сторонники — приносить столь гнилой плод, а именно лож, доведенную до сладострастия и прелюбодеяния?» (63). Да, это тоже «плоды» их «видений», но, конечно же, это плоды с того дерева, которое не было посажено Богом.

Но, быть может, было все-таки что-то истинное во всех этих видениях и вестях? Может, дети и подростки действительно видели что-то такое, что появлялось перед ними регулярно? Тогда, наверное, надо сравнить эти «сверхъестественные» явления со множеством вестей, которые сейчас поступают на разных языках со всего мира — через автоматическое письмо, а также магнитофонные и компьютерные записи. Ведь считается, что они тоже поступают от Святой Девы, Христа, Святого духа и даже от Бога-Отца! Мне, например, приходят на ум сообщения, принятые Вассулой Райден, да и многие другие — ведь сегодня мы просто переполнены ими. Их принимают повсюду, и, общаясь с теми, кто их получает, я вижу, что эти люди вполне искренни, но, вникая в содержание этих «посланий», я не думаю, что их авторами являются Божья Матерь или какое-нибудь Лицо Святой Троицы.

Но кто же тогда? Иногда, наверное, это какой-нибудь простой смертный — добрый человек, который уже завершил земную жизнь и перешел в загробный мир. Иногда, наверное, другие существа, не столь добрые (как те, например, которые являлись Джорджо Бонджованни).

Бог может обратить зло в добро — это не раз случалось в истории человечества и касалось даже ложных чудес. «Нередко бывало так, — отмечает Иоахим Буфле, — что ложные видения и чудеса становились причиной обращения людей, стремящихся к вере. Известно, что в 1953 году кровоточащая статуя святой Анны, находившаяся

в Антрево, вернула некоторых людей к вере, объединила распадавшиеся семьи и даже стала причиной необычных исцелений. Однако в 1959 году Жан Сальвад признался, что он намеренно организовал весь этот обман. Точно так же явления, которые имели место в 1944 году в Италии (Гьяйе ди Бонате) стали причиной различных благотворных событий, хотя местный епископ, признавая их реальность, отрицал их сверхъестественное происхождение... То же самое можно сказать и о Меджугорье. Все хорошее совершается там как бы параллельно самим “явлениям” без жесткой причинно-следственной связи» (64).

Таким образом, Меджугорье, — это, наверное, арена бесконечной борьбы: силы зла стремятся дискредитировать все сверхъестественное, тогда как Божьи силы стремятся использовать во благо даже дьявольские козни. Такая мысль может показаться немного пафосной и схематичной, но вспомним: сколько раз Бог использовал наши собственные ошибки, чтобы сделать нас духовно глубже? То же самое происходит с целыми народами, и некоторые вести, приходящие из потустороннего мира, говорят о том, что бесконечная борьба между добром и злом разворачивается не только на Земле, но и в широком духовном измерении.

Однако несмотря ни на что глубокое чувство тревоги не покидает нас. Сколько опытных богословов, весьма сведущих в мистике, сколько епископов и кардиналов столько лет позволяли себя обманывать — и это несмотря на многочисленные предостережения местного епископа! Какой хороший реванш для всех сил зла и какой «чудесный» способ на долгое время дискредитировать все на самом деле чудесное!

САН ДАМИАНО

Есть еще одно «чудесное» место, о котором уже давно пишут газеты. Целые поезда (причем специально выделенные для этой цели), а также многочисленные автомобильные экскурсии по самым разным расценкам со всех стран и городов устремляются к маленькой деревушке Сан Дамиано на севере Италии: она находится примерно в двадцати километрах к югу от Плезанса. Там проживает Роза Кватрини по прозвищу «мама Роза». В 1972 году она овдовела, но у нее два женатых сына, замужняя дочь и множество внуков. Кроме того, у нее есть две сестры-монахини, причем обе — миссионерки: одна

в Бразилии, другая в Индии. Третья сестра, монахиня-кармелитка, умерла в 1967 году. Мама Роза не имеет почти никакого образования, но «у нее искренняя душа малого ребенка и невинное сердце, которое, правда, умеет шутить» (65).

Все началось 29 сентября 1961 года во время праздника архангела Михаила. Мама Роза тяжело болела, лежала в кровати, а ее муж отправился за каштанами. За ней присматривала только ее тетка Адель. Неожиданно в дом вошла молодая женщина, которая попросила подать ей милостыню на покупку трех свечей. Тетя Адель сказала, что они бедны, да к тому же у них на руках больная. Тогда женщина подошла ближе, взяла Розу за руки, заставила ее встать и сказала, что ей предстоит сделать. «Ты должна пойти к отцу Пио», — сказала она (речь идет о падре Пио, которого недавно канонизировали). Вскоре кто-то доставил деньги и одежду. Мама Роза отправляется к падре Пио, который просит ее посвятить свою жизнь уходу за больными. Через два с половиной года падре Пио просит ее оставаться у себя дома и ждать большого события. 16 октября 1964 года во время чтения молитвы мама Роза слышит чей-то голос, который зовет ее выйти на улицу. «Я вышла и увидела на небе большое белое облако, усеянное множеством золотых и серебряных звезд и розами всех цветов. Из облака вышел шар — красный шар, который опустился на грушевое дерево. Из шара вышла Небесная Матерь, окруженная великим светом. На ней был большой покров и звездный венец, а над головой сиял великий свет. “Моя маленькая девочка, — сказала она мне, — Я пришла издалека. Возвести миру о том, что все должны молиться, ибо Иисус больше не может нести свой крест. Я хочу, чтобы все были спасены, добрые и злые, ибо я — Мать любви”... Затем Святая Дева исчезла, но в тот же день грушевое дерево, полное плодов, внезапно в изобилии покрылось цветами, да так и оставалось в течение трех недель, несмотря на проливные осенние дожди» (66).

В дальнейшем видения повторяются довольно регулярно, и паломники уже знают, что Дева появляется на грушевом дереве по пятницам около двенадцати сорока пяти, а также по праздничным дням, особенно в ее собственные праздники. Часто они собираются накануне и усиленно молятся до поздней ночи, а иногда и всю ночь напролет, что видно по их усталым лицам. Другие прибывают утром. Они собираются в ограде, которой обнесена груша, и стоят перед второй решеткой. Часто они приносят с собой четки, какие-то изображения или статуэтки для благословения. Они развешивают их на ветвях груши, а многие заботливо устанавливают магнитофоны, которые, как они считают, позволят записать весть Девы

Марии, переданную через маму Розу. С одиннадцати часов в небольшом «райском саду» собирается целая толпа. Обычно кто-нибудь из присутствующих начинает громким голосом читать розарий. Кроме того, очень часто читают Символ веры, а также литании Деве Марии и святым.

В это время мама Роза принимает паломников в своей частной молельне: они приходят к ней за советом, ободрением и утешением. Ближе к полудню она тоже идет к груше и вместе с несколькими священниками проходит за вторую ограду. Там она становится на скамеечку для молитвы, уже приготовленную кем-то из присутствующих, и сразу начинает читать розарий. «И тогда — чаще всего во время третьей молитвы, когда предаешься раздумьям о достославных таинствах, мама Роза вдруг останавливается. Что значит этот миг для всех, кто его чувствует? Каждый знает, что Святая Дева уже появилась. Мама Роза смотрит вверх, но не в экстазе: ее глаза просто полны света, как глаза ребенка, устремленные на того, кто захватил его сердце».

Она начинает говорить о том, что видит: да, перед ее взором Святая Дева, но она не одна — рядом с нею целый сонм ангелов, архангелов, святых, апостолов и пап. Начинается весть, которую слышит только мама Роза, но она повторяет ее слово в слово: «Мои маленькие дети...». Собравшиеся нередко начинают просить о какой-нибудь милости для себя и всего мира, и Святая Дева отвечает на их просьбы. Наконец, «Мария» благословляет всех своих детей «во имя Отца и Сына и Святого Духа». На этом видение заканчивается. Мама Роза вновь начинает читать розарий, иногда добавляет молитву «Ангелус», а затем сразу начинается крестный ход. Обычно все это происходит в пятницу — привычный день для таких благочестивых молитв.

Как видите, программа весьма насыщенная, и как замечает один автор, к которому я и обратился, рассказывая обо всем этом, «порой просто падаешь в изнеможении»!

У событий, которые происходят в Сан Дамиано, есть еще одна сторона. «Как у всех пророков, — замечает все тот же автор, — у мамы Розы кроме внешней миссии, заключающейся в том, чтобы передавать слова, сказанные Богоматерью, есть и внутренняя: она лично участвует в Искуплении. Здесь мы находимся на пороге тайны, которую нам не надо разгадывать. Мы только догадываемся, что мама Роза несет крест — и несет его в покорности и любви. “Я готова понести страдания, которые тебе угодны”, — говорит она. В эти мгновенья тишины, столь впечатляющие и значимые, — какой незримый разговор совершается в эти мгновенья? Это тайна души. Только лицо мамы Розы внезапно

выдает тревогу страдания. Она тяжело вздыхает, и этот вздох говорит о всей тяжести ее испытания, она готова зарыдать, и подавленное рыдание говорит о том, что ее боль безмерна» (67).

Но, выполняя свою «внутреннюю миссию», она порой получает и некоторое утешение.

Однажды, когда она резала помидоры, чтобы приготовить салат, в ее дверь постучался священник лет тридцати. Он просто хотел помолиться вместе с нею перед статуей Святой Девы, которую мама Роза установила у себя дома перед небольшим алтарем. Они вместе начали читать розарий, а потом она осмелилась спросить его, откуда он пришел. «Я назарянин», — ответил он. Тут внимание мамы Розы на какой-то миг отвлекла ее кошка, а когда она снова повернулась к священнику, тот, оказывается, уже исчез!

Добавим сюда многочисленные фотографии, сделанные простыми паломниками: на них мы видим светящиеся кресты в небе, совершенно четкий силуэт Святой Девы и другие необычные явления. Некоторые из них были исследованы в лаборатории, но никакой фальсификации не обнаружили.

Тем не менее история мамы Розы, какой бы прекрасной она ни была, основана на лжи, хотя бы частичной. Она никогда не встречалась с падре Пио, а тот никогда не возлагал на нее никакой миссии и не говорил, что ей надо ждать какого-то важного события. Он сам сказал об этом Иоахиму Буфле. Когда же последний спросил его, что тот думает обо всем происходящем в Сан Дамиано, святой монах ответил: “Opera diabolica. Ci sono opere diaboliche”.

«Ну а как же мама Роза?», — спросил Иоахим.

“No nulla da fare con lei. Non l’ho mai vista. Pregha per lei” (68).

Итак, мама Роза лгала — и не раз. Она часто ссылалась на свой разговор с падре Пио, внушая, что не теряет с ним связи. На самом же деле однажды она целых три недели пробыла около его монастыря в надежде встретиться с ним, но, в конце концов, ее просто силой изгнали оттуда.

В Сан Дамиано не только процветала своеобразная мания величия, но и крутились большие деньги. Довольно быстро там сформировался комитет по распространению вестей, которые якобы передает Мадонна. В июне 1965 года она как будто бы повелела построить собор, который должен стать самым большим храмом в мире, в октябре 1966 года разговор пошел о закладке «райского сада» и рытье колодцев, которые Мария наполнит чудодейственными водами, и все это завершится, наконец, строительством «города роз», который однажды (как сказала та же «Мария») станет «больше Рима» (69).

После первого предостережения, которое 7 сентября 1965 года сделал местный епископ, упомянутый итальянский комитет распался, но тут же ему на смену пришла какая-то швейцарская ассоциация, которая вскоре получила эксклюзивные права на распространение «вестей Богоматери». Группа швейцарских финансистов купила дом, принадлежавший Розе Кватрини, выкупила участок вокруг дома и начала издавать два ежемесячных бюллетеня: “La Grande Luce” (на итальянском языке) и “Stella Maris” (на французском и немецком). Говорят, что Мадонна сама даровала исключительные права на распространение своих вестей бюллетеню “Stella Maris”.

Паломники с бидонами в руках выстраиваются в очередь, чтобы набрать воды из этих колодцев: иногда они приходят еще до рассвета, а расходятся с наступлением сумерек. Подсчитали, что порой люди набирают более пятидесяти тысяч этой «драгоценной» воды, которая, конечно же, «более чудодейственна, чем вода из Лурда».

Уже упоминавшийся нами Иоахим Буфле, как никто другой разбирающийся в таких вопросах, говорил о некоторых других «явлениях», которые сильно вдохновляли маму Розу и ее окружение.

В конце концов, Церковь два раза осудила эти «явления» (в феврале 1968 года и в ноябре 1970 года).

ПОДЛИННАЯ ОДЕРЖИМОСТЬ

Здесь мы не станем исследовать настоящую одержимость во всех ее аспектах: на эту тему написаны целые труды, и все равно вопрос не исчерпан до конца. В данном случае нас интересуют лишь наиболее впечатляющие случаи, которые выходят за рамки «обычных» физических законов и позволяют говорить о действии какой-то неведомой силы, скрывающейся за всем тем, что мы видим воочию. Иными словами, речь идет о тех случаях, которые похожи на чудеса, но причина которых — не Бог, а силы зла.

Я знаю, что на сегодняшний день эта тема очень плохо освещена не только наукой, но и прежде всего самим духовенством. Большинство экзорцистов больше не верят в это и отсылают к психиатрам всех, кто к ним обращается (70). Те же, кто считает, что в редких случаях подлинная одержимость все-таки встречается, не хотят об этом говорить или касаются этой темы только в дружеских беседах, избегая всего пугающего и впечатляющего. Тем не менее подлинная одержимость существует, и чем меньше священников в нее верят, тем больше ее становится. Дело доходит до того, что в некоторых странах рост числа сатанинских сект (с характерными для этого явления последствиями) заставляет говорить о возвращении подлинного экзорцизма.

Само собой разумеется, что серьезный экзорцист должен работать в сотрудничестве с психологом и психиатром, которые, кстати, часто первыми замечают, что некоторые случаи находятся не в их компетенции. Сошлюсь на работы итальянского профессора Симоне Морабито, крупного специалиста в этой области. В 1960 году в возрасте двадцати четырех лет Симоне Морабито с отличием закончил медицинский институт, где изучал общую медицину и хирургию. Специалист в области психиатрии, неврологии, психотерапии и педиатрии, занимающийся клиническими проблемами нервно-психических заболеваний, он кроме того является автором диагностических разработок в области общей медицины и хирургии, за которые Парижский научный институт выставил его кандидатуру на присуждение Нобелевской премии. Кратко расскажу о его первой встрече с подлинно одержимым человеком (71).

Однажды молодой человек (назовем его Фабио) обратился к Морабито за помощью. На встрече настояли его родители, по всей вероятности, люди зажиточные. Молодому человеку было девятнадцать лет, вел он себя прилично и даже непринужденно и просто казался нормальным, умным человеком. Он жаловался на депрессию и тревогу, которые не давали ему отдохнуть ночью. «В какой-то миг, — рассказывает профессор Морабито, — я увидел, как его глаза наполнились огнем и посмотрели на меня с такой ненавистью, что я испугался. Лицо исказилось и стало похоже на страшную маску, голова повернулась на шее в сторону родителей, которые сидели за ним, причем повернулась так, как будто какая-то внутренняя сила заставила ее это сделать. Совершая свои нелепые действия, Фабио буквально проскрежетал по слогам: «Я ненавижу своего отца и свою мать». Голос был низким, глухим, каким-то сдавленным, совершенно непохожим на тот, который я только что слышал. Сказав это, а точнее, не сказав, а как-то ужасно прошипев, он принял свой прежний вид и продолжил разговор как ни в чем не бывало». Этот перепад настроения длился всего несколько секунд.

Но вскоре все повторилось снова, потом еще раз, потом еще... Казалось, припадки учащаются. Профессор положил Фабио на диван и предложил расслабиться, но того вдруг начало тошнить — пришлось выпрямиться и сесть. Внезапно он встал, по-звериному завыл, бросился к стене и начал неистово биться о нее головой. «Как врач я понял, — продолжает Морабито, — что одного такого удара достаточно, чтобы получить очень серьезную внутримозговую гематому, но молодой человек продолжал биться головой все сильнее и сильнее. Я позвал на помощь отца, но тщетно. Тогда, поискав подкрепления, мы нашли троих мужчин. Вместе с нами они попытались справиться с молодым человеком, но даже пятером нам не удалось укротить эту самоубийственную ярость».

Тогда профессор Морабито решил использовать успокоительное, которое применяют при буйном помешательстве и обычно быстро добиваются успеха. Он выбрал самое мощное, способное усыпить быка, но на этот раз результата не было. Несмотря на усилия пятерых человек Фабио, воя, продолжал неистово биться головой о стену. Это длилось около часа, а потом молодой человек постепенно успокоился, но не заснул ни на минуту. Воспользовавшись этим, профессор осмотрел череп. Ничего! Ни одной шишки, ни синяка, даже ни одной царапины! Между тем Фабио как будто пришел в нормальное состояние. Он начал объясняться, и его реакция на некоторые вопросы профессора говорила о том, что он совершенно не помнил о произошедшем.

Потом Морабито постоянно менял успокоительные, но все они не давали результата. С точки зрения строгой физиологии он столкнул-

ся с совершенно необъяснимым явлением. Кроме того, никак нельзя было объяснить и полное отсутствие как внутренних мозговых повреждений, так и внешних повреждений черепа и волосяного покрова. Наконец, с психологической точки зрения озадачивал тот факт, что Фабио, по-видимому, не только «забыл», что с ним только что творилось, но совершенно ничего не заметил, потому что спокойно продолжил прерванный таким образом разговор.

Зато постепенно начал меняться сам профессор Морабито. Он стал понимать, что имеет дело с самой настоящей «одержимостью» и что бедного Фабио мучает кто-то другой, который в него вселился. С этого момента профессор ступил на новое и долгое поприще, богатое новыми и нередко весьма впечатляющими событиями.

Не всегда можно провести четкое различие между психическим заболеванием и одержимостью, но так же трудно основательно разобраться в действиях Бога и сатаны. Бог каждый день совершает что-то необычное, но что именно из всего им совершаемого можно назвать «чудом»? Точно так же, глядя на разгул эгоизма, гордыни и ненависти, которые поработили мир, непросто решить, имеем ли мы дело с подлинно «одержимым» человеком и как отличить его от всех нас, кто всегда в большей или меньшей степени в тот или иной момент почти бессознательно оказывается слугой зла.

«Чудеса» подлинной одержимости встречаются гораздо реже, чем настоящие чудеса, о которых силы зла предпочитают не помнить. Ведь каждый раз, когда эти дьявольские «чудеса» так ярко заявляют о себе, они косвенным образом свидетельствуют о том, что существуют и настоящие чудотворения. Врываясь из потустороннего мира в наш «нормальный» физический мир, дьявольские «чудеса» невольно заставляют думать о существовании Бога. Сатана предпочитает незаметно действовать в наших сердцах, и надо признать, что это ему неплохо удается! Посмотрев, в каком состоянии находится этот мир, без труда понимаешь, кто его князь.

Уже несколько лет Церковь понемногу исчезает из этого мира, и все происходит так, будто силы зла чувствуют, что место свободно, битва наполовину выиграна и сдерживаться больше не надо. Во всяком случае, вполне очевидно, что какими бы впечатляющими ни были их действия, Церковь почти не замечает их: ее представители готовы говорить о чем угодно и приводить самые причудливые объяснения происходящему, но только не видеть за ним сверхъестественных сил.

Чтобы не быть голословным, приведу несколько весьма впечатляющих случаев, которые, к счастью, встречаются крайне редко.

ГЕРМАНИЯ, СЕРЕДИНА XIX ВЕКА

Случай, о котором я расскажу в первую очередь, почти не известен во Франции. Может показаться, что за давностью лет он сомнителен, но сохранившиеся свидетельства всякие сомнения отменяют. Рассказу о нем мы обязаны самому экзорцисту — немецкому лютеранину Иоганну Кристофу Блюмхарду: пастор, проповедник, писатель и богослов, он, без сомнения, был одним из самых известных протестантов прошлого века. Мы знаем, что протестанты довольно сдержанно (даже больше, чем католики) относятся к рассказам о необычных явлениях, и потому свидетельство этого пастора весьма знаменательно (72).

Речь идет о самой настоящей битве с силами зла, которая длилась больше года: с апреля 1842 по 28 декабря 1843 года. Но на самом деле описываемая одержимость началась гораздо раньше первых сеансов экзорцизма. Единственным оружием этого пастора была вера, молитва и пост, и значит, это было сражение Божьей силы с силами зла. Давность этого случая не должна вызвать никаких сомнений: многие тогдашние врачи наблюдали такие странные явления — совершенно невероятные и тем не менее реально происходившие.

Одержимой была молодая женщина по имени Готтлибин Диттус. Она получила хорошее духовное воспитание, но ее двоюродная сестра несколько раз обещала научить ее колдовству, и кроме того в детстве, когда она болела различными болезнями, ее пытались спасти заговорами и другими суевериями. Она долго пыталась освободиться от своей одержимости, и стало ясно, что она была связана с силами тьмы — до такой степени, что была готова преследовать других людей. Но ее дух отказался от этой «миссии», что привело к безжалостной внутренней борьбе, в результате которой она окончательно подпала под магическую власть сатаны.

Духи, овладевшие ею, составили целый легион (как об этом и говорится в Евангелии): сначала их было три, семь, четырнадцать, потом сто семьдесят пять, четыреста двадцать пять! Проверить их поистине фантастическое количество было просто невозможно. Некоторые из них — прежде чем их изгоняла молитва — просили (опять же как в Евангелии), чтобы их оставили в покое. Все происходящее просто

потрясало. Одержимая вела себя так, как это обычно бывает во время изгнания бесов: корчилась в судорогах, наносила удары самой себе, говорила на других языках, а ее раздувшееся тело изрыгало целые ведра воды. Но дадим слово самому пастору:

«Я с ужасом понял: все, что до сих пор считалось смешными народными суевериями, как будто вышло из мира сказок, чтобы стать страшной реальностью... Сначала ее рвало песком и кусками стекла, но потом появилась сталь всевозможных сортов, а также перекрученные старые плотницкие гвозди. Однажды после долгого удушья она изрыгнула их целую дюжину прямо в таз, который держали у ее рта. Потом пошли самые разные обувные шнурки, иногда такие длинные, что было непонятно, как они могли выйти из гортани, а один раз появился такой большой кусок металла, что она просто задохнулась и несколько минут была как мертвая. Кроме того я видел огромное количество булавок, а также вязальных игл и их обломков, часто смешанных с бумагой и перьями. Порой казалось, что эти иглы пронзали ей голову — от уха до уха. Однажды из уха появились длинные куски какого-то пальца, а в другой раз, держа ее за голову, я услышал и почувствовал, как в ее голове эти иглы сгибаются, скручиваются и ломаются. Это были стальные иглы, которые мелкими кусками двигались по гортани и выходили через рот... Из носа я тоже вытащил много булавок: сначала они выходили поперек (я это чувствовал по кости носа), а потом повернулись острием вниз. Однажды их вышло сразу пятнадцать штук, причем с такой силой, что они вонзились в руку, которую госпожа Готлибин подставила. В другой раз она начала жаловаться на сильные головные боли. Я положил руку на ее голову и увидел блестящие белые точки: это была целая дюжина булавок, которые я вытащил одну за другой. Процедура была болезненной: бедняжка каждый раз слегка вздрагивала. Однажды я вытащил две булавки из глаза, а на другой день четыре. Они выходили под веками, но потом немного отклонились, что позволило мне извлечь их относительно безболезненно. Иглы я целыми кучами вытаскивал из верхней и нижней челюсти. Сначала у нее страшно заболели зубы, но ничего не было видно. Потом показались острия иголок, а потом и сами иглы. В какой-то момент я попытался за них ухватиться, но понадобилась много сил, чтобы вытащить их. Однажды даже в ее языке показались два старых куска совсем скрученной железной проволоки, и потребовалось много времени и труда, чтобы освободить ее от них. В другой раз у нее под кожей по всему телу обозначились две нити проволоки, скрученной и спутанной в нескольких местах. Мы с женой провозились целый час, чтобы полностью ее извлечь, причем

госпожа Готлибин несколько раз теряла сознание (что происходило с ней нередко). Кроме того, из всей верхней части тела выходили куски вязальных спиц или целые спицы, причем так часто, что, в конечном счете, их набралось, по меньшей мере, тридцать штук. Они располагались горизонтально или вертикально, причем в последнем случае нередко совсем близко от сердца. Когда они выходили наполовину, мне все равно требовалось около получаса, чтобы, прилагая все свои силы, полностью их извлечь.

Я, конечно же, не могу досадовать на то, что моим рассказам не поверят: ведь все сказанное просто невозможно вообразить. Тем не менее почти целый год я наблюдал за всем происходящим, причем не один, а вместе со многими другими свидетелями. Я очень старался не допустить сплетен и слухов, и потому могу рассказывать об этом событии совершенно спокойно. Я абсолютно уверен, что здесь не было и не могло быть никакого обмана. Каждый раз, когда я отправлялся к ней (независимо от того, звали меня или нет), всегда происходило что-то новое и через какой-то миг в какой-нибудь части ее тела давало знать о себе какое-нибудь колдовство. Боль, которую она терпела, всегда была ужасной, и почти каждый раз она теряла сознание. «Всё, я умираю, это моя смерть!», — обычно кричала она, но молитва брала свое. Когда она жаловалась на боль в какой-нибудь части тела, мне было достаточно положить туда руку — обычно на голову. У меня немалый духовный опыт, и каждый раз я убеждался в действенности краткой молитвы. Она сразу же чувствовала, что в ней что-то шевелится, стремясь выйти наружу. Самым тяжелым был момент, когда что-то медленно прорывало кожу, которая, кстати, никогда не кровоточила. Место прорыва не выглядело как обычная рана: надо было лишь быстро определить само место, и все происходило с помощью одной молитвы. Но если я не приходил, то случалось и так, что, сильно страдая, она ножом резала кожу. Такие раны почти никогда не исцелялись».

Кое-кто даже утверждал, что из ее рта выходили живые существа (кузнечики, летучие мыши, лягушки), но пастор Блюмхард признает, что сам он этого не видел. Тем не менее отмечу, что в телевизионной программе «Планета», показанной 19 апреля 2004 года и посвященной экзорцизму, Мишель Лярош (православный, принадлежащий Киевскому патриархату) утверждал, что лично видел одержимого, изрыгавшего небольших жаб и совсем маленьких червей.

Интересно отметить, что, как считает пастор Блюмхард, все, что исходило из тела госпожи Готлибин, прежде попадало туда под другим видом (часто во время приема пищи или посещавших ее виде-

ний). Чуть ниже мы коснемся этой связи между питанием и некоторыми видами колдовства.

Можно сомневаться в подлинности этого рассказа или считать, что в наше время такое уже невозможно. Ведь мы же не находимся в плену средневекового суеверия с его рассказами о феях, летучих мышках и лягушках. Это тогда верили в жаб, которых изрыгают старые колдуньи.

Но нечто похожее встречается и в наше время — в жизни святых, но только здесь иное содержание и смысл. Тем не менее мы, наверное, имеем дело с теми же физическими законами. Можно вспомнить о цветах, которых исходят из тела некоторых мистиков (особенно это касается тех, у кого есть стигматы). Иоахим Буфле приводит пример сицилианки Доменики Патанини. Вдова и мать семерых детей, она была «чудесно» исцелена от рака в 1960 году. Нам рассказывали, что, когда она входила в экстаз, ее слепые глаза искрились живым светом, а изо рта сыпались лепестки цветов — почти всегда красные.

«В 1970 году, когда мы были в Лурде, — рассказывает профессор Мариано Грассо, наблюдавший за ней, — она погрузилась в молитву и вошла в состояние, которое я назвал бы экстазом. И тогда из ее рта посыпались лепестки роз! Они были свежими, на ощупь бархатистыми, как будто их только что оборвали с цветка, и распространяли удивительно сильный запах» (73). У нас есть и другие свидетельства, говорящие о том, что с нею это происходило и позже. Здесь тоже надо уточнить, что речь не идет о какой-то коллективной галлюцинации: ведь лепестки можно было собрать и засушить.

Еще сильнее впечатляет то, что происходило с монахиней Ивонной-Эме. У нее не только изо рта, но и из сердца исходили целые розы. Приведем хотя бы одно свидетельство:

«Мать Ивонна-Эме лежит в кровати. Она как будто чем-то сдавлена. Сердце колотится... Красная гвоздика выходит из ее сердца. Кажется, я слышу, как хрустит ее тело... Что-то как будто рвется.. Потом, когда гвоздика выходит, рана на сердце закрывается без всякого шрама» (74).

А вот еще одно свидетельство: «Розы продолжали выходить из сердца Ивонны. Их уже пять. Последняя появилась в часовне, когда она стояла у подножья алтаря. Видя, как сильно она страдает, мадмуазель Дубле и я поддерживаем ее, а в это время роза уже поднимается в шее. Я с силой тащу ее и вижу, как болезненно выходит длинный стебель, покрытый шипами. (Это была последняя роза, которая принесла больше всего страданий. Прочие были без шипов)» (75).

В этой перспективе «чудеса», которые творит сатана, — это просто антиподы подлинным чудесам Божиим, безобразная карикатура на его силу. Но вернемся к одержимости.

ИТАЛИЯ НАЧАЛА XX ВЕКА

Об этом случае уже говорили во Франции (76), но полезно еще раз вкратце вспомнить о нем, ограничившись тем, что нас интересует, а интересует нас действие тех неведомых сил, намерение которых легко разгадать, поскольку речь идет о противостоянии подлинным чудесам (77). Подчеркну, что Коррадо Балдуччи, у которого я почерпнул нужные сведения, далеко не дилетант в данной области. Он изучал философию, теологию, церковное и гражданское право, а потом специализировался в психологии и парапсихологии. Поэтому я считаю, что достоверность приводимого рассказа вполне подкреплена его авторитетом.

Одержимость, о которой я хочу рассказать, длилась целых семь лет: с 1913 года, когда все началось, до 1920 года, который стал временем освобождения. Однажды майским вечером этого года в церкви Санта Мария ди Кампания, что в Плезансе, появилась женщина, хотевшая получить благословение у священника. Встретившись с ним, она начала рассказывать о причине своего прихода. «Она сказала, что в определенное время дня некая таинственная сила, превышающая ее собственные силы, овладевает ее телом и душой, и тогда она, хотя и с отвращением, начинает танцевать в ритме танго, причем целыми часами, пока, наконец, не падает в изнеможении. Чудесным голосом она поет романсы, арии из опер, которые никогда раньше не слышала, читает перед воображаемой толпой бесконечные доклады на иностранном языке, нараспев читает стихи, возвещающие о ее скорой смерти, а также кончине всех ее сестер, нередко разрывает зубами все, что только можно разорвать (и потому уже испортила все свое белье и почти все белье своего мужа), нагоняет страх на всех, кто с ней рядом, ползая и извиваясь, как змея, среди стульев. Она рычит, мяукает, воеет, все сильнее и сильнее, и порой ее дом, охваченный ужасом, напоминает дикий зверинец. Ей чудится что-то далекое и неведомое. Так, например, однажды вечером она — сначала с удивлением, а потом разрыдавшись — воскликнула: “О, какие цветы, какой свет! Что за люди на кладбище Карпането! А вот и гробовщик, который опускает их в яму! Бедная жена, такая красивая и молодая!”. И вот что самое

странное: в тот раз (как и в других подобных случаях) она говорила правду.

Она рассказывала, что иногда, напрыгавшись и налетавшись по стульям, столам и даже комнатам, она в изнеможении падает, и ее тело, распухшее и совершенно черное, остается таким целыми днями, вызывая жалость и отвращение у всех, кто видит ее такой. Она добавляла, что во время таких потрясений ее родители, жившие от нее довольно далеко, благодаря таинственным флюидам тоже чувствуют себя нехорошо.

“Отец мой, — сказала она напоследок, — моя жизнь стала настоящим адом, и хотя у меня двое детей, я все чаще думаю о смерти, которая позволит мне избавиться от всего этого, наконец-то освободит меня”».

Наверное, можно было бы сказать, что бедная женщина просто все выдумала, чтобы показаться интересной, но дальнейшие события не позволяют этого сделать. Об этой истории узнал отец Пьер Паоло Веронези, служивший священником в психиатрической больнице. У этого человека богатый опыт, он слышал и видел много разного. Сначала он подумал, что речь идет о явной истерии (к такому выводу приходили все врачи, консультировавшие эту бедную женщину). Время шло, и свидетелями некоторых эпизодов такого странного поведения стали многие люди. В 1953 году об этом сообщали в отдельных номерах газет, а затем в 1954 году все было собрано в одном томе (в ту пору еще были живы многие очевидцы). Вот один из таких эпизодов:

«Кто-то сказал мне, что на холмах Плезанса есть священник, известный своими благотворными благословениями. Мне очень хотелось, чтобы он благословит и меня, и однажды в воскресенье, после завтрака (дело было летом), я сказала, чтобы мне заложили коляску. Мэрия Сан Джорджо приготовила для меня коляску и лошадь. Очень довольная, я вместе с мужем и родителями отправилась в путь. Лошадь, хорошо выезженный рысак, бодро бежала вперед, но в какой-то момент я почувствовала себя плохо, и лошадь тут же остановилась. Ее хлестали почти до крови, однако бедное животное брыкалось, вставало на дыбы, вытягивало шею, но не двигалось с места. Тогда, словно вне себя, я быстро освободилась от державших меня родственников, выпрыгнула из коляски и, поднявшись над землей сантиметров на пятнадцать [обратим внимание на это слово: именно «поднявшись»] пересекла поле и пошла по холму в направлении церкви, к которой мы направлялись. В это время люди уже выходили из нее, получив благословение. Увидев, что я вот так, с растрепанными волосами и реющей по воздуху вуалью, воя и размахивая руками,

поднимаюсь к ним, все пришли в неопишемое волнение. Женщины кричали, собаки лаяли, перепуганные курицы через поле опроретью бежали к своим домам. Наконец, я очутилась на паперти. Все расступились, а я, не переставая парить, с наклоненной головой влетела в полуоткрытую дверь церкви и растянулась перед главным алтарем, на котором было выставлено изображение святого Экспедита. Вслед за толпой по мне подбежал священник и, посмотрев на все происходящее, благословил меня. Я очунулась и несколько дней чувствовала себя очень хорошо».

Этот полет весьма примечателен, и не только потому, что он сам по себе необычен, но и потому, что напоминает о Джузешпе из Копертино, который известен как «летающий святой» (78). О нем рассказывают, что он летал перед многочисленной толпой верующих или над нею и часто замирал в воздухе посреди цветов и зажженных свечей перед Святыми Дарами или изображением Девы Марии. Это происходило довольно часто, в течение многих лет и при многочисленных свидетелях, так что здесь нельзя говорить о какой-то коллективной галлюцинации. Ему даже случалось приземляться на дереве (если, конечно, можно так говорить), и тогда приходилось искать лестницу, чтобы помочь ему спуститься. Таким образом, здесь мы тоже имеем полную симметрию между Божьим чудом и его дьявольским подобием.

В своем примечательном исследовании, которое я уже несколько раз упоминал, Иоахим Бюфле рассказывает и о других случаях левитации, которые подробно описаны и засвидетельствованы, однако он (в соответствии с замыслом своего труда) ограничивается рассмотрением лишь сугубо религиозных и даже мистических примеров. Но, вероятно, такое же явление наблюдается (хотя и гораздо реже) вне религиозного контекста. Так, например, Вильям Крукс описывает левитацию Дэниела Дангласа Хьюма, а Мишель Эме сообщает о профессоре Стейнтоне Мозесе, преподавателе Лондонского университетского колледжа, жившем в конце XIX века. Говорят, что за его левитацией наблюдали ученые, причем делали это в условиях, «кажущихся безупречными» (79). Сразу отметим, что следует отличать простой отрыв от земли на несколько сантиметров и настоящий «полет». В первом, так сказать, «мирском» случае все ограничивается простым подъемом и покачиванием, во втором же (мистическом или демоническом) картина более впечатляющая. Тем не менее и здесь, вероятно, мы имеем дело с одним и тем же физическим процессом, пусть даже пока не известном науке, который к тому же протекает по-разному. Мишель Эме считает, что во время обычной, не рели-

гиозной левитации, которую осуществляет какой-нибудь медиум, он черпает необходимую энергию из окружающей среды (чем и объясняется весьма осязаемое похолодание в том месте, где левитация происходит), в то время как мистик во время своей левитации черпает энергию в необычном метаболизме, который нередко как раз у мистиков и наблюдается (в этом причина необычного, порой просто фантастического жара, который чувствуется в его окружении) (80). Скоро мы увидим, что феномен жара наблюдается почти во всех «чудесных» исцелениях.

Но вернемся к нашей одержимой итальянке. Мы видим, что в данном случае тоже было много свидетелей и просто об истерии здесь говорить нельзя. Дальнейшие события помогут лучше понять причину этого явления.

Первый сеанс экзорцизма состоялся 21 мая, последний — 23 июня. У священника было много времени, чтобы познакомиться с ее мужем, родственниками, соседями и т. д. У него возникла хорошая мысль: завести дневник и записывать все основные эпизоды. Кроме того, сеансы экзорцизма были публичными: они проходили в присутствии врача-психиатра и многочисленных свидетелей. Диалоги стенографировались, так что мы имеем вполне достоверное свидетельство.

Каждый раз эти сеансы выливались в долгую борьбу, которая порой длилась целыми часами и совершенно изматывала саму одержимую и священника. Может быть, читатель не знает, что во время изгнания бесов, сопровождающегося соответствующими молитвами, «нечистый дух», уже не имея возможности скрыться, вынужден отвечать на некоторые вопросы. Он не отвечает на что попало, но вынужден назвать свое имя (если его об этом спрашивают), объяснить, при каких обстоятельствах он вселился в одержимого, и рассказать, кто и когда заставит его выйти из своей жертвы.

В таких случаях «бес» голосом одержимого раскрывает, как он «вошел» в него через его увлечение магией.

«Когда ты вошел в это тело?»

Не в силах противостоять сильному молитвенному внушению и заставляя одержимую сильно вздрагивать (так что всем, кто ее контролировал, пришлось немало потрудиться, чтобы она лежала спокойно), «бес» ее голосом ответил: «В 1913 году, 23 апреля, в пять часов пополудни».

Темная история! Сама женщина рассказывала, что «бес» вошел в ее тело через одного колдуна, который дал ей стакан вина и кусок хлеба, смоченный несколькими каплями крови.

— Как это было? — спрашивает священник.

— Через хлеб, стакан белого вина и несколько слов».

Тому, кто никогда о таком не читал и не встречал очевидцев, подобные рассказы покажутся чистым безумием или смешным суеверием. Тем не менее «нечистый дух» в конце концов признался, что если через рвоту из этой женщины выйдет непереваренный ком пищи, он сам тотчас выйдет вместе с ним. На одиннадцатый сеанс бесоизгнания он даже уточнил, что это произойдет 23 июня в пять часов пополудни. Так и случилось. Вспомним, что и в случае с госпожой Готлибин пастор Блюмхард считал, что все предметы, исходившие из ее тела, поначалу попадали туда под иным, вероятно, вполне обычным видом во время принятия пищи.

ФРАНЦИЯ, XX ВЕК

А теперь обратимся к знаменитому случаю, где беса изгонял отец Матье, знаменитый экзорцист из Безансонского диоцеза. Он сам записал на аудиокассету эту невероятную историю, а потом текст был опубликован с сохранением разговорного стиля, характерного для аудиозаписи. Мы приводим отрывки, важные для нашей темы (81).

«Однажды у нас появился один человек вместе со своей женой.

— “Я болен уже пять лет. Я встречался со всеми врачами Орлеана и с некоторыми врачами Парижа. Меня осматривали хирурги. Мне сделали операцию на желчном пузыре, но ничего не помогло. Мне пытались помочь, но безрезультатно. Я ужасно страдаю...

— Какова причина вашего страдания?

— Все началось после исповеди — исповеди о моем обращении. Я внезапно заболел: у меня начались боли в животе. Врачи ничего не могут понять, они ничего не находят, абсолютно ничего. И все-таки я ужасно страдаю...”

Конечно, этот случай типичнее других, и здесь я не замедлил с диагнозом. Почему? Да просто потому, что он сам сказал мне о своем обращении. Я спросил, что он делал раньше.

“Я был промышленником, но должен сказать, что всю свою жизнь сильно практиковал магию — я просто погрузился в нее. С шести лет я не ходил в церковь. Я жил, совершая зло, стремился его совершать и хотел соединиться с сатаной, чтобы взять от жизни все. И меня услышали”.

Он практиковал то, что называют большой черной магией, когда человек вступает в прямую связь с бесами. Они отвечают каждому: достаточно об этом попросить...

Я не колебался ни секунды. В других случаях обычно чего-то ожидаешь, наводишь справки, хочешь добиться максимальной уверенности... Здесь же всего этого не требовалось, и я сразу приступил к экзорцизму — с пятницы до воскресенья вечером. Он был рядом со мной, а я читал молитвы, изгоняющие бесов. Конечно, надо было вкладывать все силы и душу...».

Здесь я вынужден сократить рассказ отца Матье: я воспроизведу несколько фраз, которые связывают одну отчитку с другой.

«Я спросил, что он чувствует. “Отец мой, — ответил он мне, — у меня какое-то новое ощущение: я чувствую огонь в животе. Боли, которые я терплю, уже не те, и я четко ощущаю присутствие огня” [...]. «Итак, что вы почувствовали? “Отец мой, это ад... у меня ад в животе”». Он различал боль в животе, огонь и, наконец, ад. Ощущение, которое он описал, было ужасно. Потом он пришел еще раз, и тогда случилось то, что я еще не мог оценить как следует: он заснул — заснул после десяти минут молитвы. Он словно заледенел, превратился в кусок стали и как будто впал в кому...

Во второй раз он тоже заснул, и тут пришли в действие физиологические функции его организма: он пускал слюну, плакал и т. д. (к большому удивлению жены).

По мере проведения новых отчиток картина постепенно прояснялась. Боли в животе утихли, но начались в спине. Шла подготовка к очередной отчитке, которую решили провести у монахов, используя для этого крест, принадлежавший святой Терезе де Лизье. Но предоставим слово самому отцу Матье:

«Итак, мы поместили этого человека в большом зале на первом этаже. В углу находился маленький алтарь с изображением Девы Марии. Сестры сели по бокам, и отчитка началась. Одна сестра держала крест у спины, напротив того места, на которое он жаловался. Через несколько минут, когда я собирался сделать первое крестное знамение, он вдруг завыл: “Нет, нет, только не это, только не это...” — и сразу потерял сознание. Вообще каждый раз, когда я приступал к отчитке, он впадал в кому...

Тут сестра говорит: “Отец мой, в спине что-то шевелится! ... Зайдя сзади, я продолжил чтение молитв, но когда хотел перекрестить больное место, он словно превратился в брусок железа, вытянувшись параллельно полу. Потом что-то буквально сорвало его с кушетки и бросило через стол, где были сестры, в сторону фисгармонии, стоявшей вдоль стены. В этом безумном полете он сбил двух сестер, жену и одну девушку, причем жена вывихнула запястье. Я был несколько удивлен и на какой-то миг даже испуган: он с такой силой ударился о фисгармонию, что наверняка должен был разбить голову! Подбежав к нему, я увидел, что череп абсолютно цел».

Затем отец Матье послал за помощью к местному священнику. Одержимого, все еще вытянувшегося, уложили на ковер. Теперь его держали пятеро.

«Я продолжил читать молитвы, но как только собрался сделать крестное знамение, он вырвался из их рук и, как шар, поднялся под потолок. Он висел в воздухе: голова у потолка, левая нога вытянута,

правая согнута — как будто он поднимался по лестнице. Но провисел он недолго: над ним на потолке была изображена Дева Мария, и тут же что-то отбросило его назад. Он пришел в себя и как мешок упал к ногам местного кюре, трепетавшего от страха, как лист».

Для следующей отчитки, которая состоялась прямо в монастырской часовне, отец Матье принял некоторые меры предосторожности. Он пригласил целую дюжину самых настоящих здоровяков и вдобавок связал одержимого двумя толстыми веревками. И что же?

«Они крепко держали его но, как и в прошлый раз, как только я перекрестил его, он вырвался из их рук. Веревки словно упали, и он поднялся в воздух. Они схватили его и крепко прижали к земле: не могу сказать, что они обошлись с ним грубо, но силы пришлось приложить немалые. “Пусть кто-нибудь сядет на него всей тяжестью, и продолжим”, — сказал я.

Через несколько минут собравшиеся начали кричать: “Он опять поднимается в воздух — вместе с теми шестью, которые его держат!”. Они не знали, что на полпути он остановится, и говорили: “Только бы он не поднялся под самый свод”.

Он остановился, а потом — разумеется, без всякой помощи — спустился вниз вместе с теми, кто его облепил. Их лица были мертвенно-бледными».

Но и на этот раз он еще не освободился от своей одержимости. Отец Матье возобновил отчитку, на которой присутствовал психиатр из Безансона, следивший за всем происходящим. Совершенно потрясенный, он признался: «Я никогда такого не видел!».

Я мог бы рассказать о многих других весьма впечатляющих случаях. Например, о женщине, которая при первой же отчитке «подпрыгнула, вскарабкалась по стене, пробежала по потолку вниз головой и спустилась по противоположной стене», причем «сделала это несколько раз, как муха». От всего этого голова идет кругом, и поневоле начинаешь думать, что священник немного преувеличивает, но вот, например, об отце Жезлане из Парижского диоцеза, который сам много лет практикует экзорцизм, не скажешь, что он слишком легковерен. Он признает, что из десяти тысяч случаев, с которыми ему довелось сталкиваться, только четыре или пять имели признаки настоящей одержимости (82). Но, к сожалению, сегодня их число, по-видимому, растет — по мере того, как уменьшается влияние Церкви. Отказываясь вести борьбу, для которой Бог и создал ее, Церковь предает тех, кто с доверием приходит к ней. В этой области, как и во многих других, она почти не исполняет миссию, возложенную на нее Богом.

СЛУГИ САТАНЫ

Но есть люди, которые хуже тех, кем сатана овладел, — это те, кто добровольно отдался ему сам. Они могли сделать это почти бессознательно: просто для них высшей ценностью в жизни стало то, что радует силы зла. Такие люди живут только для собственного наслаждения и для того, что позволяет его достичь, а это прежде всего деньги и власть. Таких в нашем обществе все больше и больше. Они знают друг друга, заключают между собой временные союзы, в которых каждый использует другого в своих целях, чтобы потом уничтожить. Они постепенно учреждают самые настоящие империи (финансовые или военные), которые со временем всегда превращаются в отвратительные полицейские репрессивные системы. Это есть во всех мировых диктатурах — как прошлых, так и настоящих.

Силы зла не трудно увидеть: достаточно вспомнить о масштабных боях второй мировой войны и концентрационных лагерях. Наверное, этих сил не так много в делах тех людей, которые издавна все это подготавливали, но кажется, что у истоков советских «чисток» и Гулага, китайской культурной революции и массовых депортаций в Камбодже, организованных Пол Потом, стоит Карл Маркс, вполне осознанно обратившийся к сатане.

КАРЛ МАРКС

Об этом, по крайней мере, начинаешь думать, изучая некоторые его тексты, написанные в юности, и эту же мысль вполне убедительно обосновывает пастор Ричард Вурмбранд (83). Этот период жизни Маркса недостаточно изучен, и все-таки он помогает лучше понять всю историю нашей планеты в последнем столетии.

Для начала важно вспомнить, что Карл Маркс был евреем, но, по крайней мере, в юности он же был христианином, убежденным протестантом и почти мистиком. Как еврея его недолюбливали христиане, как христианина его ненавидели почти все евреи.

В аттестате о среднем образовании, а точнее в разделе, касающемся религии, говорилось, что он имеет «ясную и хорошо обоснованную веру» и наделен «христианской нравственностью». Одна из самых ранних его работ имеет весьма характерное название: «Единение верующих со Христом». Там, например, есть такие слова: «Единение со Христом состоит в самом тесном и живом общении с ним, в том, что мы всегда имеем его перед глазами и в сердце своем и, проникнутые величайшей любовью к нему, обращаем в то же самое время сердце свое к нашим братья, которых он теснее связал с нами и за которых он также принес себя в жертву... Единение со Христом способно дать внутренний подъем, утешение в скорби, восприимчивое к человеческой любви, ко всему благородному и великому — не ради честолюбия и славы, но только ради Христа» (84). В другой работе («Размышление юноши о выборе профессии») он развивает те же самые, глубоко христианские идеи.

Но вскоре после окончания школы в его жизни произошло нечто, полностью ее изменившее. Он стал яростно выступать против религии. Он не был атеистом, как нередко считают: нет, он выступал именно против религии, а это совсем другое дело. Он не ставит под сомнение существование Бога — он ополчается против него. Это очень хорошо видно в целом ряде его стихотворений и даже в театральной пьесе, которая никогда не будет сыграна. Бунт «отчаявшегося», мятеж «менестреля» или «Оуланема» (почти полная анаграмма имени «Иммануил») — все это, конечно же, его собственная драма,

пережитая в юные годы, и только этим можно объяснить постоянное возвращение к одной и той же теме: «Я жажду отомстить Тому, кто правит свыше». Вот что он говорит в стихотворении «Молитва отчаявшегося»:

«Если некий бог, забывший жалость,
Угнетает так, что бед не снести,
От его миров мне не досталось
Ничего! Одно осталось — месть!».

Наверное, эти строки намекают на причину случившихся с ним глубоких перемен. Маркс считает, что сам Бог безжалостно «угнетает» его. Порой кажется, что другие его тексты намекают на самый настоящий договор, заключенный с сатаной. Наверное, за следующими строками из «Менестреля» опять скрывается сам Карл Маркс:

«В мозгу клубятся испаренья ада,
Они все гуще, но ведь так и надо,
Чтоб ум угас и сердце онемело,
И, вновь ожив, по-новому запело.
Взгляни на этот меч —
То князя тьмы
Ужасный дар».

Вскоре ненависть к Богу оборачивается ненавистью ко всему человечеству:

«С презрением швырну свою перчатку
В лицо надменному и злому миру,
И буду зреть, как рушится пигмей,
Себя считать дерзнувший великаном,
Но то крушенье не остудит жара:
Бродить я стану по руинам мира,
Как бог, свою победу одержавший,
И, силой дела наделяя слово,
Пойму, что я теперь Творцу стал равен».
То же самое читаем в «Оуланеме»:
«Все гибнет! Час прошел, недвижны Оры,
И падает пигмеево строенье!
Прижму я скоро вечность к сердцу крепко
И ей людское прокричу проклятье».
В конце драмы появляются программные строки:
«И мне влестись в то колесо огня

И в круге вечностей плясать от счастья?
Когда б всепоглощающую бездну
Вне их нашел — я бросился б в нее,
Мир сокрушая между ней и мной,
Он развалился б от моих проклятий,
Я обнял бы глухое бытие,
Оно в моих погребло бы объятых,
И погрузилось бы навек в ничто;
Исчезнуть и не быть — вот жизнь была бы!».

Еще яснее эта мысль выражена в балладе «Бледная девушка»:

«Утратила небо я,
Мою усладу;
Душа отдана моя
Не Господу — аду».

Его современники не заблуждались на его счет: они прекрасно понимали, что он совершенно равнодушен ко всякому освобождению человечества и его не интересует судьба трудящихся. Раньше всех, разумеется, это поняли его друзья: «Маркс наверняка изгонит Бога с его небес и затеет с ним судебную тяжбу. Он утверждает, что христианская религия — одна из самых безнравственных» (86). В своей работе под названием «Карл Маркс» марксист Франц Меринг отмечает, что отец Маркса «втайне страшился демона, жившего в его любимом сыне» (87).

Наверное, нельзя говорить, что потом Маркс вступил в организованную сатанинскую секту, но в одном из своих писем к нему жена называет его «первосвященником и архиереем душ» и вспоминает о последнем «пастырском письме», которое написано в весьма религиозном духе и в котором богом Маркса (в этот период его духовного развития) предстает сам сатана (88). Впрочем, все его друзья и наставники были такими же. Например, Бакунин, вместе с Марксом создававший «Первый интернационал», пишет, что в надвигающейся революции надо разбудить дьявола в людях, чтобы пробудить в нем самые низменные страсти. Не отставал от него и Прудон, заявлявший, что Бог — это глупость, трусость, лицемерие и ложь, тирания и бедность. Впрочем, еще более драматичным было духовное развитие Фридриха Энгельса, который, по-видимому, был сильнее Маркса предан христианству. Почитав какого-то протестантского «либерального» богослова, который, как казалось Энгельсу, покончил с самими основами христианства, молодой Фридрих почти со слезами пытался

подавить зарождавшиеся в нем новые чувства. Назвав Маркса «одержимым тысячей демонов», он кончил тем, что вместе с ним написал «Коммунистический манифест», в котором оба стремились раз и навсегда покончить со всякой религией (89).

Здесь нельзя говорить о чем-то ярком и впечатляющем: то дьявольское «чудо», которое они сотворили, было более расплывчатым, но от этого оно не стало менее ужасным — даже наоборот! «Чудо» заключалось в том, что в общем-то вполне цивилизованные народы, принадлежавшие к древней культуре и воспитанные на религиозных идеалах, докатились до полного духовного ослепления и тотальной покорности силам зла. Конечно, влияние Маркса не было бы таким пагубным, если бы ему на смену не пришли Сталин, Мао, Пол Пот и многие другие, уже со своим собственным влиянием, но очень важно видеть зло в его корне.

АДОЛЬФ ГИТЛЕР

Зло, исходившее от всех, кто был солидарен с Карлом Марксом, вновь заявляет о себе в нацизме и Гитлере. И здесь дар сатаны тоже принимается вполне осознанно. Об этом мало известно, но лишь хорошо сознавая это можно правильно понять ход мировой истории. Тот факт, что силы зла бросили друг против друга целые народы, не говорит о том, что внутри себя эти силы были разделены. На самом деле они были ни за Гитлера и ни за Сталина: их радовала лишь грандиозная бойня, максимально возможное зло, предельная ненависть и безмерные страдания.

Нашим собеседником в разговоре на эту тему станет Жан Приер, в 1935–1936 годах вслед за Жаном-Полем Сартром преподававший французский язык и культуру во Французском институте в Берлине, а после войны контролировавший радиопередачи в Инсбруке. Страстно увлеченный паранормальными явлениями, он за все это время собрал обширный материал на данную тему, обогатив его многочисленными личными встречами. За пятьдесят лет он опубликовал множество документов, дневников, писем и воспоминаний, которые сегодня позволяют основательно изучить этот малоизвестный аспект мировой истории.

Гитлер постоянно пользовался необычной возможностью избежать смерти, которая грозила ему десятки раз. Об этом знали все, но плохо знали другое: Гитлер прекрасно понимал, откуда у него такая способность. Уже в 1915 году, во время немецкой атаки на французов из его отряда в живых остался только он один. В другой раз снаряд лишь сорвал рукав с его шинели. «Чудом я остался цел и невредим», — писал он другу, а спустя какое-то время таинственный голос снова спас ему жизнь. Вот что он писал через много лет: «Я только собирался пообедать прямо в траншее с несколькими товарищами, когда мне показалось, что какой-то голос сказал: “Встань и уйди!”». Голос был такой ясный и настойчивый, что я механически повиновался ему как приказу. Я сразу поднялся и отошел на двадцать метров со своим обедом в котелке. Успокоившись, я решил поесть, но тут же в траншее, из которой я только что

ушел, что-то блеснуло и оглушительно грохнуло. Случайная мина разорвалась над траншеей, убив всех». В третий раз голос снова не подвел. Гитлеру только что приснился кошмар, в котором он умирал. Взволнованный, он вышел из траншеи в поле. Он понимал, что рискует, но на этот раз голос вместо того, чтобы вернуть его в траншею, приказал отойти от нее еще дальше. В этот миг начался ожесточенный обстрел, унесший всех его товарищей (90).

Точно так же Гитлер оставался в живых после многих впечатляющих, но неудачных покушений на него. Порой причины неудачи были просто смехотворными. В 1929 году, человеку, который должен был взорвать бомбу, в последний момент очень захотелось в туалет, где он и застрял, а когда, наконец, освободился, Гитлер уже уехал. Во время другого покушения, которое было предпринято 20 июля 1944 года, портфель с бомбой, удачно поставленный под столом прямо у ног фюрера, в последний момент помешал одному из участников встречи: он переставил его и тем самым спас жизнь Гитлеру. Четыре убитых, семь тяжело раненых, а Гитлер на сей раз потерял не рукав, а кусок брючины, но сам уцелел.

Покушения следовали одно за другим, но каждый раз заканчивались неудачей. Его пытались убить в 1936 году во время олимпийских игр в Берлине, а затем в 1937, 1938 и 1939 годах, но всякий раз неудачно, причем несколько раз он оставался в живых только потому, что в последний момент что-то менял: уезжал гораздо раньше, чем предполагалось, откладывал встречу без существенной причины и т. д.

Многочисленные документы не говорят о том, что какой-нибудь заговор не удался потому, что был заранее раскрыт: нет, складывается впечатление, будто каждый раз Гитлера выручала его собственная интуиция или тот внутренний голос, который он постоянно в себе вызывал. Когда однажды кто-то посетовал на недостаточные меры безопасности, Гитлер ответил: «Надо верить в провидение, слушать внутренний голос и верить в свою судьбу. Я глубоко верю, что судьба избрала меня ради великого блага, которое заслужил немецкий народ» (91). После покушения, в котором ему оторвало брючину, он писал Еве Браун: «Провидение защищает меня — мы больше не должны бояться наших врагов». На следующий день после покушения он объявил по радио: «Я ничуть не ранен: лишь несколько царапин, контузия и ожоги. Это лишь подтверждает необходимость выполнения той задачи, которую провидение возложило на меня» (92).

Я не сомневаюсь, что Гитлера что-то постоянно защищало. Но о каком «провидении» он говорит? Какие потусторонние силы ему

покровительствовали? Если судить о дереве по его плодам, тогда ответ ясен, но мы попытаемся узнать чуть больше, прикоснувшись к истокам этого особого покровительства, оказываемого силами зла. Почему они так заинтересовались именно Гитлером, причем довольно рано — когда он еще не играл никакой роли в этом мире?

Свидетельства его контактов с потусторонним миром бесчисленны. Он обращался к медиумам, астрологам и прочим прорицателям, и перечень всех тех, с кем он советовался в тот или иной момент, просто впечатляет. Так же впечатляет и его невероятная наивность. Как все тираны, он воображал, что достаточно устранить человека, пророчившего беды, и они не случатся. Поступив так с несколькими медиумами, которые не подыгрывали ему, он потом выслушивал от других только то, что желал услышать. В результате 24 февраля 1945 года, т. е. за два месяца до его смерти, его общение с ними стало совершенно абсурдным. Совершенно отчаявшись, он приказал вернуть из тюрьмы медиума Берндта Унглауба, который предрек, что он умрет в мае 1945 года. Прорицатель, наученный горьким опытом, на сей раз предрек, что очень скоро все чудесным образом образуется, и тогда Гитлер торжественно заявил по радио: «Голоса сказали мне, что победа близка — она наступит в этом году. Мои враги исчезнут» (93).

Однако контакты с потусторонним миром не всегда явно пагубны. Все руководители государств (даже самые известные) берут себе на службу ясновидящих, и проблема только в том, чтобы, как говорить, не портить игру, угрожая им (как это несколько раз делал Гитлер), и не торопиться с оценкой потусторонних вестей, особенно если речь идет о будущем. Тем не менее в постоянном обращении к прорицаниям есть что-то болезненное, свидетельствующее о нездоровой зависимости от сверхъестественного и патологической зачарованности им.

Еще более показательным является увлечение Гитлера тайными обществами, оккультизмом и различными духовными традициями, порой очень экстравагантными. Когда он жил в Вене, перебиваясь продажей своих акварелей и питаясь в столовых для бедных, один приятель-букинист познакомил его с неким Гвидо фон Листом, «главой секты сатанистов, практиковавших сексуальную магию, проклинавших евреев и поклонявшихся свастике. Этот Гвидо, утверждавший, что отыскал тайный язык древних германцев и воссоздал их тайное учение, обратил юного Адольфа в религию “народа” (Volk) (в этот термине есть расистский оттенок, которого нет в нашем слове “народ” (peuple)» (94). В 1915 году он председательство-

вал на церемонии в честь бога Вотана, где использовались руны, т. е. буквы германского алфавита, «употреблявшиеся для прорицаний, амулетов и предсказания судьбы» (95). Он всерьез намеревался отыскать святой Грааль, якобы хранившийся в Монсегиуре, и задавался вопросом, не пора ли «сформировать элиту из подлинно посвященных», которая являла бы собой некий «орден», «братство тамплиеров для охраны святого Грааля, того величественного вместилища, в котором хранится чистая кровь» (96). Его вдохновляли безумные космогонические теории о прорицательнице по имени Остара (древнегерманская богиня весны) (97). Позднее, уже подпав под другие влияния, он был убежден, что Земля имеет вогнутую форму, и потому мы ходим не по выпуклой поверхности шара, но внутри его. В разгар войны самые первые немецкие радары использовались не для того, чтобы засечь самолеты противника, а для того, чтобы определить кривую земного шара по ту сторону Солнца и звезд (98). Кроме того, он считал, что в своих прошлых жизнях был правителем Неаполя Ландульфом II, а также графом д'Асерра, правителем Капуи, но также верил, что являет собой реинкарнацию императора Тиберия (99). Он был активным членом «Общества Туле», названного по имени мифического острова, якобы находящегося где-то на Крайнем Севере. Под этим именем была собрана разная дребедень: тысячелетнее царство, вогнутая Земля, религия льдов, а также возрождение египетских богов и их связь с нордическими божествами на основании совершенно фантастической этимологии. «В 1925 году, — пишет Жан Приер, — “Общество Туле” отправило ученым Германии и Австрии следующее озадачивающее письмо: “Настало время решить, с кем вы — с нами или против нас. Гитлер очистит политику, а Ганс Хёрбигер покончит с лженауками. Учение о вечных льдах станет символом возрождения немецкого народа. Присоединяйтесь, пока не стало слишком поздно”».

Временами Гитлер обращался к имени Христа, заявляя, что тот был арийцем и даже галлом: «Наверное, в Галилее было много потомков римских легионеров, а именно галлов. Иисус, вероятно, был одним из них. Но не исключено, что его мать была еврейкой!» (101). Затем в таком контексте идет сравнение Галилеи с Галлией! Но со временем он все сильнее склоняется к отрицанию всего еврейского и христианского: «Между античностью и нашим временем простерлось средневековье, которое длилось до нас и которое мы завершим. Скрижали Синайского закона утратили всякую ценность. Совесть — такая же иудейская выдумка, как и обрезание, калечащее человека. У всякого поступка есть свой смысл — даже у преступле-

ния. Всякая бездеятельность, всякое упорство противоречит смыслу жизни. Отсюда исходит божественное право положить конец всему, что длится» (102).

А затем еще яснее: «Крестьянин должен знать, что Церковь лишила его непосредственного мистического восприятия природы, лишила инстинктивной связи с духом земли и единства с ним. Поэтому ему надо научиться ненавидеть Церковь, надо выучиться понимать, какими уловками священники украли у немцев их душу. Мы соскредем весь этот христианский лак и вновь обретем религию нашей расы» (103).

Лучше всего о Гитлере сказал бенедиктинский монах Алоис Магер: Гитлер — «медиум сатаны».

САТАНИНСКИЕ СЕКТЫ

Но помимо индивидуального подчинения сатане существуют самые настоящие сатанинские секты, и как раз это мы сегодня и наблюдаем. Я говорю не о тех людях, кто играет в страшилки, участвуя в различных фольклорных обрядах (как это время от времени можно видеть по телевизору или в некоторых журналах). Обычно это молодые и даже очень молодые люди, пристрастившиеся к алкоголю и наркотикам и пытающиеся на практике реализовать то, что впечатлило их в фильмах ужасов. Это не самое страшное, хотя некоторых выходов следует опасаться.

Настоящие сатанинские секты остаются тайными — о них никто не знает. В этом единодушны все исследователи, с которыми я встречался и которые всерьез занимаются данной проблемой. В этой области, как в никакой другой, актуально следующее даосское изречение: «Знающий не говорит, а говорящий не знает». Лишь те, кто имел редкую возможность общаться с немногочисленными отступниками, могут что-то знать о внутренней жизни этих сект. Поэтому не стоит слишком доверчиво относиться к рассказам какого-нибудь «расскажшегося», непонятно откуда взявшегося, потому что в этой сфере, как и во многих других, различные фальсификации приносят известность и много денег (104).

Массимо Интровинье (105) много лет занимается изучением новых религиозных течений, среди которых есть и сатанинские. Он придерживается строго социологического подхода и потому главным образом опирается на материалы официальных научно-исследовательских институтов по всему миру. Недостаток такого подхода в том, что данные, предоставляемые этими институтами, скорее всего не совсем соответствуют истинному положению дел, но несомненным достоинством является тот факт, что эти данные надежны. Они говорят, что во всем мире существует около пяти тысяч вполне организованных групп, т. е. таких, которые имеют определенную структуру и ритуал, не меняющиеся десятилетиями. Имеются в виду группы, в которые входят вполне взрослые люди. Что касается молодежных групп, то их число неопределенно, потому что в большинстве случа-

ев они возникают спонтанно и ненадолго, их структура подвижна, встречи участников нерегулярны (и потому полицейским почти невозможно определить их местонахождение).

Будучи хорошим социологом, упомянутый исследователь проводит четкое различие между «рационалистами» и «оккультистами». Для первых сатана — лишь символ освобождения от всех моральных запретов, позволяющий им без лишних раздумий предаваться всевозможным сексуальным извращениям. Во время оргий они оскверняют кладбища, предаются некрофилии, совершают изнасилования, приносят в жертву животных, но все это в основном преследует одну цель: опираясь на языческие фольклорные образы, очистить подсознание от всякой вины. Их кошунственные действия направлены не столько против Бога, сколько против Церкви, потому что они не верят ни в Бога, ни в дьявола. Они считают, что никакой одержимости нет, а потому экзорцистские обряды — это всего лишь старые суеверия.

Но есть и «оккультисты», верящие, что сатана — реальная личность, которую надо почитать и которой следует поклоняться в надежде, что она защитит, будет способствовать социальному преуспеянию, а также дарует власть и господство над этим миром. Они практикуют черную мессу, извращающую христианское богослужение (молитвы читаются в обратном порядке, крест переворачивается, богослужebные действия совершаются на теле голой женщины, а также оскверняются настоящие облатки, освященные настоящим священником).

Согласно американским исследованиям, которые, правда, уже немного устарели, человеческие жертвоприношения совершаются крайне редко: за период с 1975 по 1995 годы их было совершено не более пятнадцати, т. е. одно в два года. Что касается никак не контролируемых молодежных групп, то здесь различные отклонения, обусловленные алкоголем и наркотиками, наверное, наблюдаются чаще.

Добавлю, что независимо от вполне законного отличия тех, кто видит в сатане только некий символ, от тех, кто поклоняется ему самым настоящим образом, в обоих случаях можно говорить о силах зла (пусть даже кто-то вполне осознанно принимает сатану, а кто-то думает, что лишь развлекается немудреным сатанинским «фольклором»: на самом деле эти люди стали бессознательными игрушками в руках князя мира сего).

Впрочем, складывается впечатление, что ситуация не стоит на месте. В 1994 году Институт психологии при Йенском университете имени Фридриха Шиллера опросил одну тысячу триста шестьдесят семь тюрингских лицеистов: выяснилось, что 35,3% учащихся уже

знакомы с оккультной практикой, а кое-кто признался, что участвовал в черной мессе. Это означает, что в одной только Тюрингии около двух тысяч учеников уже приобрели определенный сатанинский опыт. Похожие исследования были проведены и в других районах Германии, где показали примерно тот же результат.

Пока эти случаи кажутся крайне редкими и маргинальными, но в настоящее время их число растет — по мере того как влияние Церкви ослабляется. Отец Жорж Моран, долгое время занимавшийся экзорцизмом, подтверждает существование таких практик. Мы уже говорили о том, что для сатанинских обрядов нередко требуются освященные облатки, но чтобы раздобыть их, по всей вероятности, необходимо содействие настоящего священника (чем, кстати сказать, сатанисты невольно выказывают свое уважение Божьей Церкви). Как их достать?

«Я думаю, — говорит Жорж Моран, — что такого священника просто попросили зайти к какой-нибудь проститутке, а потом, сняв его посещение на скрытую камеру, начали гнусный шантаж, поддавшись на который он отдал им несколько освященных облаков. Но, как правило, почувствовав жертву в своих руках, шантажисты становятся просто ненасытными, а их сатанинские обряды, перемежаемые сексуальными оргиями, с каждым разом становятся все страшнее: они призывают сатану, оскверняют Христово Тело (106), совершают черную мессу на женском теле, приносят в жертву животных, кровь которых, разлитая на теле женщины, изображающей алтарь, богохульным образом “замещает” кровь Христа, пролитую на кресте и вкушаемую в евхаристии. И в довершение всего этого ужаса — заклятие младенца, вырванного из чрева матери и разрезанного на куски!» (107).

«Необходимо знать, — продолжает Жорж Моран, — что во Франции, да и во всем мире тайно существует определенное количество подобных групп, и туда входят не какие-то “бедняги” с расстроенной психикой, а вполне образованные люди, нередко весьма влиятельные и уважаемые, — люди, которых на первый взгляд едва ли можно заподозрить в какой-то тайной деятельности и двойной жизни. В своей преступной развращенности они говорят с обезоруживающей прямо-той: “Религия сатаны — это просто религия, как всякая другая!».

Каждому экзорцисту, который верит в “силы зла”, но говорит, что никогда не встречал по-настоящему “одержимых”, я желал бы однажды повстречаться с каким-нибудь из этих палачей или с его жертвой. Может быть, тогда у него откроются глаза, и он увидит сатанизм во всей его реальности: в химически чистом виде (как в описанном

нами случае) или же в немного ослабленном и трудно распознаваемом (как это бывает чаще всего)» (108).

Но не стоит предаваться панике и думать, будто упомянутые секты уже овладели миром, хотя некоторые американские газеты утверждают, что в одних только Соединенных Штатах каждый год совершается до пятидесяти тысяч сатанинских убийств! Книга под заголовком «Мишель вспоминает» в немалой степени способствовала тому, что на целое десятилетие (с 1980 по 1990 годы) в обществе воцарились тоска и тревога, однако в данном случае мы имеем дело с обычным художественным вымыслом автора, облаченным в форму исторического рассказа и удачно использованным его издателем.

Во всем этом нет ничего поистине паранормального, что можно было бы назвать дьявольским «чудом», а точнее говоря, нет никакого нарушения физических законов, которое свидетельствовало бы о действии сатаны. И все-таки в данном случае мы имеем дело с гораздо более глубокой драмой. «Чудо» заключается в широком вторжении в наши души сил зла, в их способности очаровывать и ослеплять нас. «Чудо» состоит в том, что целые народы подпадают под их власть. От Энгельса к Карлу Марксу, Сталину и Гитлеру, Мао и Пол Поту, а от них к ... — но пусть читатель сам назовет эти имена. Вся эта одержимость, все сатанинские секты — лишь брызжущие струи гейзера, позволяющие догадываться о тех подземных силах, которые не видны на поверхности. Но иногда они прорываются наружу и заливают землю, и тогда мы видим, как они властвуют в концентрационных лагерях, где доктор Менгеле и ему подобные, не соблюдая никаких сатанинских обрядов, предаются своим ужасным экспериментам. Это те же силы гордыни и ненависти, которые время от времени опустошают целый мир — как в пору Сеннахирима и Чингисхана, так и в наши дни.

Но самое печальное в том (и это можно назвать самым большим дьявольским «чудом»), что силы зла проникают и в религии (если иметь в виду христианство, то здесь надо вспомнить об инквизиции, о войнах между католиками и протестантами или об убийстве Иоанна-Павла II). Однако то же самое верно и в отношении других религий: ацтеки и майя, как известно, устраивали отвратительные человеческие жертвоприношения, мусульмане не щадили людей во время завоевания Индии (более ста тысяч индусов были убиты в один день по приказу султана), хотя насилие иногда проникало и в индуизм, где раздоры между вишнаитами и шиваитами оборачивались кровавой резней (да и сегодня мы видим, что некоторые индусы резко отрица-

тельно относятся к христианам в своей стране, все еще воспринимая их как нечто чуждое).

Сатана сумел добиться того, что его ненавистные дела творятся во имя Бога — какая победа! Но он же добился и другой победы — более тонкой: он проник в богословие великих религий, чтобы исказить в них Божий лик и заставить бояться Бога, а не любить его; он искушает «разумным», «рациональным» подходом к возвещению Церкви о сверхъестественном мире, чтобы тем самым покончить с этим миром и мало-помалу отвратить верующих от Бога. Как раз это очень часто и делают богословы и священники Католической Церкви, отвергая чудеса или говоря о воскресении Христа так тонко и расплывчато, что от этого события ничего не остается.

Но эта победа оказывается еще тоньше, когда представители фундаменталистских течений, не учитывая никакой исторической критики и слепо следуя букве, а не духу, настаивают на одной лишь материальной реальности тех повествований, которые на самом деле полны символики. Порой трудно найти середину между наивным «мистицизмом» и тупым «рационализмом», но именно в этой середине и кроется спасение — спасение не только разума, но и сердца, потому что различного рода экстремисты удаляют нас от любви к Богу и ближнему.

III.

БОЖЬИ ЧУДЕСА

Дьявольским «чудесам» противостоят чудеса Божьи, которые дают нам возможность ощутить присутствие и действие иной силы. Значит, существует некая иная сила — сила любви, посылающая нам знаки, благодаря которым мы сначала узнаем о ее присутствии, затем — о ее любви к нам и, наконец, о ее действенности и превосходстве над силой зла. Сначала мы увидим, в каком смысле Божьи чудеса являются знаками его бытия и присутствия, а затем рассмотрим одно из наиболее частых и впечатляющих проявлений его любви к нам (на примере чудесных исцелений). В завершение, поговорив о сохранившихся следах Христовых страстей, мы лучше осознаем смысл парадоксальной победы Бога над сатаной.

ЧТО ТАКОЕ БОЖЬЕ ЧУДО?

ТУПИК: БОЖЬЕ ЧУДО КАК ДОКАЗАТЕЛЬСТВО

Очень часто Божье чудо — это не только знак его действенного присутствия среди нас, но и весть о грядущем мире, о вселенной, восстановленной в своей первозданной чистоте, где правят иные законы. Это тот мир, который обещан нам по «скончании времен», но в котором уже сейчас находится наши «умершие». Это, если угодно, некая параллельная вселенная, отличная от той, которую мы обычно воспринимаем, — некий мир, к которому мы идем и который таинственным образом уже здесь и порой взаимодействует с нашим миром.

Полное непризнание чудес уничтожает историческую ценность евангельских рассказов: ведь, отвергая их, мы вообще отвергаем возможность так называемых «паранормальных» явлений. Отсюда — принципиальная значимость данной проблемы. Вот почему и в других своих книгах я очень интересуюсь этими явлениями, причем в самых разных контекстах (христианском и нехристианском, религиозном и нерелигиозном). Некоторые явления кажутся нам «паранормальными» только в силу нашего собственного неведения.

Что касается чуда, то оно прежде всего знак, причем знак духовный. Это одно из средств, с помощью которых Божья любовь помогает нам убедиться в его присутствии. Такой знак должен являть собой что-то необычное — нечто такое, что поражает воображение и привлекает внимание: одним словом, нечто редкое, исключительное. Но это совсем не предполагает, что такой знак должен противоречить законам творения: ведь это сделало бы его абсурдным. К сожалению, богословы, смешивая между собой «знак» («знамение») и «доказательство», уже давно воспринимают чудо именно как доказательство чего-то сверхъестественного, хотя на самом деле чудо ни в коем случае не является доказательством. Оно не призвано к тому, чтобы вынуждать неверующего к вере. В другой своей работе я, отталкиваясь от известной сказки о красавице и чудовище, объясняю, почему настоящее доказательство, никак не содействуя нашему спасению, наоборот делает

его невозможным (109). Я всегда был против тех знаменитых «доказательств» бытия Бога, которые приводят Фома Аквинский и Первый Ватиканский Собор. В этой связи я даже имел немалые проблемы в Церкви, еще будучи семинаристом. Да и потом, когда я уже сам преподавал богословие, меня посылали из одной семинарии в другую, потому что я не признавал этих знаменитых доказательств и вообще отвергал ужасный рационализм Фомы, который так нравится Иоанну Павлу II. Напротив, мне гораздо ближе православные, всегда отвергавшие такие «доказательства», и особенно я люблю слова Павла Евдокимова, сказавшего, что Бога не доказывают, а выказывают всей своей жизнью, испытывают на самом себе. И это не просто игра слов: речь идет о том, чтобы правильно определить область, где мы встречаемся с Богом. В ней, конечно же, есть место и разуму, но все не сводится только к нему. Встреча с Богом возможна лишь всем нашим существом, а не одним только разумом: точнее говоря, эта встреча есть плод другого разума — разума сердца.

К сожалению, наши богословы (а вместе с ними и «Церковь», а точнее говоря, высшая церковная иерархия) всегда стремились навязать веру, жестко обосновать неизбежность перехода к ней. В средние века, начиная с Аристотеля, самым надежным оружием в борьбе с неверующими был, наверное, разум, и отсюда пошли знаменитые доказательства бытия Бога, предложенные Фомой Аквинским и навязывавшиеся Первым Ватиканским Собором. Здесь понятие чуда роковым образом сужается: «Нечто является чудесным, если оно выходит за пределы всей сотворенной природы. Так может действовать только Бог» (110). Такой взгляд на чудо держался веками — даже после того, как учение Фомы было забыто. В 1950 году Гарригу-Лангранж определил чудо как «нечто созданное Богом в этом мире вопреки закономерностям сотворенной природы» (111), а через семь лет, в 1958 году профессор Григорианского университета отец Дани по-прежнему видел в чуде нечто необычное, «божественным образом неподвластное естественным законам».

Аргумент, обращенный к чуду, становился все более актуальным по мере того, как метафизика и логика утрачивали свою чарующую силу. Теперь абсолютную силу убедительности надо было искать в точных науках. Науки развиваются постоянно, и нам, теологам, надо учитывать один важный момент: то, что когда-то считалось совершенно необъяснимым, сегодня таковым уже не кажется. В итоге под сомнением оказываются многие «чудеса», считавшиеся таковыми в прошлом, но гораздо важнее другое: теперь сомневаться можно во всем, что Церковь признает чудесным в будущем. На самом же

деле надо признать вот что: веками Церковь была втянута в совершенно ложное толкование чуда: она не видит в нем «знака», не видит «знамения», которое каждый может признавать и толковать по-своему, но видит лишь «доказательство», приводящее в замешательство неверующего человека.

Отсюда понятно, почему независимые мыслители (начиная с эпохи Просвещения и кончая современными учеными) довольно скептически относились и относятся к такому пониманию чуда (112). Начало было положено Томасом Гоббсом и Джоном Локком, на смену которым пришел Пьер Бейль, а довершил начатое Давид Юм. «Чудо — это нарушение законов природы, — пишет он (113), и делает вывод, что, следовательно, чуда просто не существует. Ему почти дословно вторит Бенедикт Спиноза: «Ничто не может нарушить вечного и неизменного порядка природы... Действуя против законов природы, Бог действует против своей собственной сущности, что есть полная бессмыслица» (114). Вольтер определяет чудо как «нарушение математических божественных законов, неизменных и вечных. Уже поэтому чудо есть противоречие в терминах» (115).

Надо ли удивляться, что современные богословы, уяснив, наконец, всю противоречивость и несостоятельность распространенного определения чуда, сами перестают верить в чудеса? Однако, как мы увидим, на самом деле надо не чудеса отрицать, а исправить вышеупомянутое несколько инфантильное определение чуда. К сожалению, в этом вопросе (как и во многих других) большинство теологов готово согласиться с учеными и философами, вместо того чтобы оставаться богословами и делать свою работу.

Сразу скажем, что приведенное определение чуда — не единственное. Например, Августин (богословие которого очень часто оказывается весьма пагубным) очень правильно говорит о том, что «чудо противоречит не природе, а нашему знанию о ней» (116).

По-видимому, постепенно понятие о чуде меняется — во многом благодаря лучшему пониманию тех чудес, которые совершаются в Лурде. Благодаря этим чудесам Церкви пришлось заняться поиском абсолютных доказательств целительного вмешательства Бога, и тогда все сильнее стала ощущаться необходимость найти такие доказательства, которые в будущем не могли бы опровергаться теми или иными научными объяснениями. Наука развивалась, и почти все критерии целительного чуда, определенные Церковью в XVIII веке, со временем получили свое научное объяснение: через сто сорок лет Медицинское бюро Лурда из шести тысяч пятисот «исцелений» необъяснимыми признало только две тысячи и лишь шестьдесят шесть

случаев исцеления Церковь признала «чудесными». Но, возможно, через какое-то время наука объяснит и их, и те тоже перестанут быть чудесами. Поэтому сами врачи все больше говорят не о «необъяснимых», а о «необычных» исцелениях. Таким образом, вопрос о чудесах остается нерешенным и ждет своего ответа — тем более что исцеления продолжаются: в среднем по двадцать в год. Между тем Церковь, увлекшись поиском «доказательств», перестала обращать внимание на «знаки» и «знамения».

К такому выводу пришел Теодор Манжапан, работавший в упомянутом Медицинском бюро с 1972 по 1990 годы. «Мне кажется, — пишет он, — что очень скоро в силу тех церковных требований, которые, по всей вероятности, не претерпят никаких изменений, врачам-экспертам нельзя будет предоставлять сведущим людям (я имею в виду поместных епископов) те лурдские исцеления, которые считаются необъяснимыми. По сути дела, им нельзя будет при случае определять чудо как Божий знак» (117). Отец Гумпель, входящий в состав Конгрегации по делам канонизации, тоже говорит о затруднении, которое кроется в нынешнем подходе к вопросу о чудесах: «Сводя понятие чуда к необъяснимым исцелениям, Церковь фактически отдает науке свое право самой толковать божественные знамения» (118). Наблюдается тенденция использовать науку для того, чтобы сделать из чуда самое настоящее «доказательство». В результате наука никакого доказательства не находит, а нам как будто запрещают признавать божественное «знамение», признавать Божий «знак».

Но теология чудес начала развиваться. В 1988 году во время ватиканского коллоквиума по вопросу чудесных исцелений все тот же Теодор Манжапан очень удачно сослался на святого Августина, заявив, что нельзя «противопоставлять... “естественные” законы, познанные и используемые людьми, и необычное, сверхъестественное действие Бога». Если наука воспринимает чудеса как некий вызов, то «его бросает не теология, а сама наука», — поясняет Пьер Делуз, у которого я заимствовал эту цитату (119).

ЧУДО КАК ЗНАК

Итак, на мой взгляд сама идея чуда как доказательства совершенно противоречит Божьему водительству: я так считаю потому, что наша уверенность в его присутствии и его божественной воле прежде всего основывается на опыте «сердца», на том чувстве, в котором покоится вся традиция отцов-пустынников. Сатана, например, очень хорошо знает, что Бог существует, и тем не менее он остается пленником своего неприятия. Значит, признавать, что Бог есть, — это еще не все: надо *хотеть*, чтобы он был. Доказательство бытия Бога навязывает нам это бытие, не давая времени подумать, хотим ли мы этого бытия: одним словом, доказательство подавляет жизнь сердца (120).

С другой стороны, не надо игнорировать ту очень важную роль, которую здесь играет знак или знамение. Мы не можем сказать, что всякое необычное явление представляет собой знак: ведь для того, чтобы стать знаком, такому явлению недостаточно быть загадкой, не имеющий никакого смысла — как раз наоборот оно должно быть его носителем. Необычное явление, например, необъяснимое исцеление может быть знаком только тогда, когда оно намекает на присутствие какого-то существа — не только всемогущего, но и любящего. Мы знаем, что порой Христос порицал тех, кто постоянно требовал новых знамений, но все же сам давал их, а вот апостол Иоанн прямо говорит: «Многие, видя чудеса (знамения), которые он творил, уверовали во имя его» (121).

Если чудо не противоречит законам природы, оно тем не менее предполагает определенное вмешательство Бога. Философам это так же непонятно, как и мысль о том, что чудо может нарушать эти законы. Здесь их позиция вполне ясна, потому что Бог для них — это просто некий «великий часовщик», «космический» Бог, который просто «завел» вселенную по определенным законам, но сам никак не связан с теми, кто ее населяет. Если о Фоме Аквинском забыли, то Аристотель остался, а вместе с ним осталась и идея Бога как «чистого акта», застывшего в своей неизменности. Наши философы не поняли того, о чем догадались многие религии, даже дохристианские: между Богом и человеком правит закон любви, человек лично и напрямую

связан с Богом — тем Богом, который превосходит даже всеобщие законы. Чудо показывает превосходство личности над бытием, а отсюда берет начало превосходство духа над материей.

Итак, если знамение не является доказательством, то это вовсе не означает, что оно не имеет никакого значения для веры, и лучшим доказательством тому (без всякой игры слов) являются те злоба и ярость (порой доводящие до преступления), которые Божье знамение вызывает у некоторых неверующих. Мы это еще увидим.

БОЖЬИ ЧУДЕСА И БОЖЬЕ МОГУЩЕСТВО

Итак, для того чтобы какое-нибудь необычное, необъяснимое явление могло стать «чудом», надо, чтобы оно было значимым как знамение. Иными словами, «необходимо и достаточно», чтобы, исследуя такое явление, ученый понял, что оно (во всех его обстоятельствах) не могло произойти без участия какой-то разумной силы. Здесь я на свой лад воспользуюсь примером, который привел Мишель Эме. В автомобильном двигателе внутреннего сгорания нет никакой магии, в нем нет ничего сверхъестественного: все сконструировано и работает по естественным механическим законам. Но для того, чтобы додуматься до этого технического шедевра, надо хорошо знать эти законы и упорно идти к четко поставленной цели. Здесь нет никакой тайны, потому что мы хорошо знаем, кто именно изучает эти законы и занимается такими исследованиями: это наши ученые и техники.

Для того чтобы произошло чудо, тоже требуется глубокое знание законов природы и осознание четко поставленной цели, но здесь не мы являемся его «авторами», не мы его производим. Следовательно, здесь действует другой разум, причем такой, который бесконечно превышает наш собственный (122).

Чудеса, о которых я расскажу, совершались в христианстве, но я знаю, что и в других религиях есть чудеса или, иначе говоря, необъяснимые явления. Бог действует во всех человеческих сердцах, и значит, он может ответить всякому любящему его человеку — ответить теми знаменами, которые соответствуют его вере. Тем не менее я никогда не слышал, чтобы где-то еще Бог совершал такие же необычные чудеса. О некоторых из них я и собираюсь рассказать.

Когда какие-нибудь необычайные явления не привлекают нашего внимания и не становятся «знаками», Бог выбирает другие. Пока все эти знаки показывают, что Господь, сотворивший все сущее, не оставляет его. Бог постоянно участвует в жизни нашего мира, но обычно делает это ненавязчиво. Такое участие, совершающееся в различных местах и в разные времена, свидетельствует о том, что Бог не забывает нас и порой, когда считает, что это необходимо для нашего спасения,

явным и весьма впечатляющим образом вмешивается в нашу жизнь. Чудеса — это проявление его могущества, но в то же время — свидетельство его заботы, любви и нежности.

Однако Божьи чудеса — это не что-то абсурдное, произвольное и противоречащее законам этого мира: напротив, очень часто они говорят о том, каким был бы этот мир, если бы наши грехи не противодействовали творческой силе Бога (123). Чудеса показывают, каков этот мир для тех, кто прошел через врата смерти и приблизился к Богу. Одним словом, чудеса — это возвешение о преображенном мире: они говорят о существовании других законов, при которых материя уже не может противиться духу так, как она это делает сейчас.

Именно этого очень часто не понимают наши богословы. Почему? По одной простой причине: для того, чтобы по-настоящему понять, что такое чудо, надо совсем по-другому взглянуть на этот мир.

ЧУДЕСНЫЕ ИСЦЕЛЕНИЯ

ОФИЦИАЛЬНО ПРИЗНАННЫЕ ИСЦЕЛЕНИЯ

Итак, вполне возможно, что все те исцеления, которые мы сегодня считаем «чудесными», однажды получат вполне «научное» объяснение, но это вовсе не значит, что Церковь обманулась, в свое время признав их таковыми. Такую точку зрения нам помогут принять две диссертации, в 1990 году защищенные на медицинском факультете Страсбургского университета.

ГИПОТЕЗА СПОНТАННОЙ РЕГЕНЕРАЦИИ

Известно, что у некоторых животных видов наблюдается восстановление поврежденного или отсутствующего члена (даже головы или половины туловища). В этом нет никакого конкретного чуда: есть только общее и непрестанное чудо жизни во всех ее необычных проявлениях. Некоторые врачи и ученые-биологи считают, что такая же способность есть и у человека — просто пока она находится в латентном, «спящем» состоянии. В таком случае вполне возможно, что однажды ее удастся пробудить, и тогда мы будем наблюдать восстановление тех или иных человеческих органов и даже членов тела. Значит, возможно и то, что при некоторых «чудесных» исцелениях как раз и происходит такая регенерация, которая, правда, требует определенного времени. Восстановление ткани происходит благодаря умножению ее клеток, а на такой биохимический процесс необходимо время, обусловленное величиной ткани. Следовательно, никакое органическое повреждение нельзя исцелить мгновенно, и тем не менее все необъяснимые исцеления происходили почти что так (125).

Вспомним историю Терезы Рушель: она произошла довольно давно, но хорошо засвидетельствована. В 1890 году, когда ей было тридцать девять лет, ее поразила волчанка, медленно распространившаяся на нос, губы и полость рта. Лечение не имело успеха, и в 1903 году она решила отправиться в Лурд. У нас есть записи ее лечащего врача, сделанные за одиннадцать дней до отъезда. Он сообщает о двух прободениях: одно в середине правой щеки («такое большое, что в него можно просунуть палец»), другое — в мягком нёбе (два сантиметра на полсантиметра). «Все эти изъязвления гноились и распространяли смрадный запах, сильно мешавший всем, кто ее окружал». То же самое пятого сентября, уже в Лурде, подтвердила монахиня, которая ее сопровождала.

Тереза молится в Гроте, потом купается в бассейне для больных, а в пять часов пополудни принимает участие в литургии. В тот момент, когда мимо нее проходил священник с дароносицей, повязка с ее щеки, упав на молитвенник, оставила на нем большое пятно крови. Два раза она кладет повязку на место, затем, вернувшись в больницу,

просит сестру заменить ее, но та с удивлением обнаруживает, что «прободение на щеке и на мягком нёбе закрылось и раны полностью исцелились».

Факт исцеления подтвердили многие врачи, причем надо отметить, что сформировались недостающие ткани, а пораженные исчезли. Таким образом, налицо та самая регенерация, о которой мы говорили, но только мгновенная и весьма впечатляющая (126).

Можно вспомнить и о другом случае — еще более впечатляющем, но более раннем. Это чудо произошло в 1640 году в Испании, а точнее в Каланде. Сегодня эта история кажется скептикам совершенно невероятной, но у нас на руках ее подробное описание. В нем говорится о безногом калеке, у которого нога отросла за одну ночь, пока он глубоко спал, причем на новой ноге были те же шрамы, которые были на старой. Она была немного короче, но через несколько месяцев достигла нормальной величины. У нас есть сообщения хирургов, которые ампутировали первую ногу: они узнали этого молодого человека, а также узнали на отросшей ноге те самые шрамы, которые были на ампутированной (127).

ГИПОТЕЗА ЛОКАЛЬНОГО ВРЕМЕННОГО УСКОРЕНИЯ

Столь мгновенную регенерацию объясняют определенным видом ускорения, очень сильно локализованным во времени. В некоторых теориях, берущих начало в квантовой механике, такая возможность не исключается, но надо объяснить, почему механизм регенерации включается с такой высокой точностью (т. е. как раз в том месте, которое требует исцеления, а порой, как мы видели, включается у одного и того же больного в двух разных местах и только в них).

Кроме того, сама по себе такая акселерация оказывается недостаточной, потому что в большинстве случаев в тот момент, когда совершается чудо исцеления, состояние больного не стабильно, а продолжает ухудшаться. Как раз это имеет в виду Люк-Оливье Лери, описывающий исцеления Жанны Фретель, произошедшее в 1950 году (128).

За восемь лет (с 1938 по 1946 годы) Жанна Фретель перенесла целый ряд серьезных операций: ей удалили аппендикс, вырезали кисту яичника, у нее был туберкулезный перитонит, стеркореальная фистула (пять операций), воспаление верхней челюстной кости (три операции). Ее состояние ухудшалось, и скоро она уже не могла вставать с кровати. С начала 1947 года боли в животе стали такими сильными, что каждый день ей вкалывали по шесть сантиграммов морфина, а применение стрептомицина не дало никаких результатов. По словам ее лечащего врача в 1948 году «больная все сильнее слабела, пила лишь немного жидкости, вскоре появились признаки менингита, живот раздулся и очень болел. Стул и рвота сопровождались обильным гноем, смешанным с черной кровью. Сердце очень часто совсем ослабевало, создавая угрозу для жизни». Казалось, что всякая надежда потеряна. В третий раз за пять лет больную соборovali.

4 октября 1948 года вместе с паломниками она отправляется в Лурд. В эту пору по словам лечащего врача у больной наблюдается «полное развитие туберкулезного перитонита». 6 и 7 октября ее привозят на богослужение, с помощью санитаров она посещает Грот

и принимает ванну в бассейне для больных. Никакого улучшения. 8 октября в пятницу ее, уже умирающую, везут к престолу св. Бернадетты, где проводят литургию для больных. Священник не хочет ее причащать, потому что ее часто рвет, но «по настоянию санитара дает ей частицу облатки». А теперь — отрывок из ее собственного рассказа:

«Тогда я почувствовала себя очень хорошо и поняла, что нахожусь в Лурде... У меня всегда был твердый, вздувшийся живот, но я больше не страдала от этого. Мне дали чашку кофе с молоком, который я с аппетитом выпила, а чашку храню до сих пор. После литургии меня на носилках понесли в Грот.

Через несколько минут после того, как мы там оказались, я почувствовала, что кто-то взял меня за руку, чтобы помочь сесть. Потом я увидела, что сижу. Я оглянулась, чтобы посмотреть, кто мне помог, но никого не увидела. Сев, я сразу почувствовала, что те же руки, которые помогли мне сесть, теперь взяли меня за руки и положили их на живот. Я не понимала, что происходит: или я выздоровела, или это все сон. Я заметила, что мой живот стал нормальным, и тут же сильно захотела есть». Ей дали есть, а потом она попросила добавку.

После обеда «она сама поднялась, самостоятельно оделась и пошла в бассейн», а вечером снова с аппетитом поела.

На следующий день, 9 октября, ее обследовали пять врачей, сделавших следующее заключение: «Необычное улучшение и, быть может, полное выздоровление». Потом провели еще один осмотр. Все возвращалось в норму. Каждый день Жанна Фретель набирала около полутора килограммов веса, а на следующий день после своего возвращения вернулась к активной жизни. Она встает в пять с половиной часов утра и ложится спать в одиннадцать часов вечера.

Затем были обычные процедуры, а в 1949 году ее обследовал консилиум, состоявший из двадцати восьми врачей. Материалы были переданы в Национальный медицинский комитет, который передал их епископу того диоцеза, где проживала Жанна Фретель. 10 сентября 1950 года была созвана каноническая комиссия, а 20 ноября 1959 года исцеление было признано чудом (129).

Итак, перед нами исцеление, которое самым решительным образом опрокидывает всякое представление о постепенном или ускоренном выздоровлении. Последняя гипотеза (весьма соблазнительная, но до сих пор не подтвержденная) никак не может объяснить механизм описанного мгновенного исцеления. Тем не менее в этой гипотезе есть, наверное, доля истины. Доктор Юбер Ларше, бывший директор Международного института метафизики и член научного совета по рассмотрению диссертаций, материалы которых я здесь

использую, полагает, что, судя по некоторым признакам, при таких исцелениях происходит определенный взрыв энергии. Большинство исцелившихся — и это очень характерно — сразу же ощущают «страшный голод». Можно предположить, что немалая часть энергии, необходимая для исцеления, была просто израсходована прямо в клетках. Следовательно, надо найти источник этой энергии, позволивший ей проявиться.

Есть мнение, что энергия исходит прямо из вакуума, и, значит, тут мы имеем дело с той «энергией вакуума», которая в какой-то мере похожа на индийскую «прану» (как жизненного дыхания, имманентного самой материи). Наверное, именно благодаря этой энергии некоторые мистики долгое время жили без еды и даже без питья, и, наверное, именно ею объясняется феномен материализации, хорошо известный в парапсихологии (особенно в знаменитых случаях с падением и бросанием камней).

ГИПОТЕЗА СПОНТАННОЙ РЕМИССИИ

Наука не стоит на месте, и, наверное, настанет день, когда человек овладеет этими механизмами, а пока мы только смутно догадываемся об их действии, видя, что во многих случаях они включаются совершенно спонтанно. Но и здесь некоторые необъяснимые исцеления, несмотря на их необъяснимость, не кажутся «чудесами», потому что совершаются вне религии и ее воздействия. По статистике начиная с 1890 года мы имеем около пятисот случаев спонтанной ремиссии раковых заболеваний, из которых триста семьдесят закончились полным излечением. По-видимому, эти исцеления совершились без всякого влияния религии. Здесь могли сказаться еще не известные законы, свойственные другому миру, который тем не менее взаимодействует с нашим. Причиной может быть божественное вмешательство, причина может быть совершенно нейтральной, а порой нельзя исключать и дьявольского вмешательства.

Как отмечает Люк-Оливье Лери, спонтанные ремиссии предполагают какой-то отрезок времени (130). Если же, в конечном счете, какие-то исцеления ученые признают «необъяснимыми», а Церковь «чудесными», то это происходит именно потому, что они совершаются очень быстро, почти мгновенно.

Недавно в Соединенных Штатах провели сравнительное исследование между двумя группами больных с одним и тем же заболеванием и примерно одной и той же степенью его тяжести. Разница заключалась лишь в том, что первая группа молилась, а вторая этого не делала. Результаты показали, что в какой-то мере молитва может быть драгоценным вспомогательным средством выздоровления. И потому было решено сопровождать ею определенные медицинские предписания! Если верить газетам, в 1995–1998 годах эта мода буквально шквалом пронеслась по Соединенным Штатам. Ну что ж, наверное, скоро ее сменит другая.

Все это выглядит весьма поверхностно, но надо сказать, что в разных странах несколько раз проводились довольно серьезные исследования, впоследствии систематизированные и проанализированные (131). Речь идет о «перспективном» исследовании доктора Гальтона,

проведенном в 1872 году, о работах доктора Горе, проводившихся в 1920–1921 годы, об исследованиях в области психиатрии и ревматизма, проводившихся в Великобритании в 1965 году, об исследовании детей, больных лейкемией (США, Нью-Йорк, 1969 год), об исследовании пациентов, больных гипертонией (США, 1982 год), о кардиологических исследованиях трехсот девяноста трех пациентов, находящихся на отделении интенсивной кардиотерапии (США, 1982–1983 годы), о медицинских освидетельствованиях больных гипертонией в Голландии в 1988 году и, наконец, о двадцати исследованиях больных-гипертоников, проведенных в последние тридцать лет.

Читатель наверняка простит меня за то, что я не стану приводить статистических данных на эту тему. Ограничусь лишь выводом, который вытекает из всех этих исследований: «Наверное, можно говорить о том, что молитва оказывает определенное воздействие, и это воздействие благотворно».

Тем не менее мы видим, что одной лишь молитвой (самого больного или его окружения) никак не объяснить столь неожиданные и впечатляющие исцеления. Значит, остается последнее объяснение.

ГИПОТЕЗА БОЖЕСТВЕННОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА

Все исцеления, о которых мы только что рассказали, имеют исключительный характер и религиозный контекст, а это наводит на мысль о том, что в каждом случае мы имеем дело с «божественным» вмешательством. Но есть случаи, когда оно проявляется еще сильнее. Доктор Ларше говорит о том, что во многих чудесных исцелениях как будто чувствуется определенное намерение того, кто исцеляет. Складывается впечатление, что самим феноменом исцеления кто-то управляет. В таких случаях мы имеем дело не просто с восстановлением поврежденной или разрушенной ткани (как будто идет автоматический процесс ее регенерации, при котором добросовестный работник в точности воспроизводит поврежденную модель): нет, кажется, что очень часто восстанавливается не ткань организма, а его функция — пусть не столь элегантно, как обычно это делает природа, но зато максимально эффективно.

Есть несколько известных примеров, где такой замысел очень хорошо просматривается. Начнем с Мари Бире (132).

Она родилась в Вандее в 1866 году. До 1908 года все было хорошо, но 14 февраля этого года ее начало рвать кровью. Кровообращение прекратилось в предплечье и левой руке: они полностью почернели, как будто пораженные гангреной. «Боль была нестерпимой, а через три-четыре дня пораженные участки внезапно приобрели свой нормальный цвет. Больная жаловалась на сильную головную боль, такую нестерпимую, что ей приходилось громко кричать. Вскоре началась частая и обильная рвота — рвало чем-то зеленоватым. Больная впала в кому, которая продолжалась около пяти дней. Наконец, 25 февраля она пришла в себя, широко открыла глаза и поняла, что ничего не видит. Световые рефлексы были полностью утрачены: в результате двойной папиллярной атрофии больная полностью ослепла». Правда, впоследствии более глубокое обследование показало, что левым глазом она все-таки может отличать день от ночи.

3 августа 1908 года Мари Бире вместе с группой местных паломников отправляется в Лурд, а утром пятого числа уже участвует в богослужении и причащается. В 10 часов 15 минут, взяв Святые Дары,

священник несет их в церковь Розария, и как раз в тот момент, когда он проходит мимо нее, Мари Бире внезапно прозревает.

В тот же день ее осмотрел офтальмолог, оставивший такие записи: «Госпожа Бире страдает белой атрофией мозгового происхождения... С большим удивлением мы констатируем, что она обоими глазами может читать самые мелкие буквы в газете... Особо подчеркиваем ее способность различать самые мелкие типографские буквы, что никак не согласуется с папиллярной атрофией, поскольку не только сосочки совершенно белый, но и сосуды совершенно нитевидны и почти неразличимы».

В сентябре 1908 года ее осматривают три специалиста. Их заключение гласит: «Следы папиллярной атрофии исчезли. Повреждений нет, излечение полное».

В ноябре 1909 года новое обследование: «Диагноз говорит о том, что мы имеем дело с белой атрофией глазного нерва церебрального происхождения... Это заболевание относится к разряду самых тяжелых и считается абсолютно неизлечимым. Однако госпожа Бире обрела способность видеть... Она обрела зрение: пораженный орган вернул свою функцию, хотя само поражение сохраняется. Оно должно исчезнуть немного позднее».

30 июля 1910 года чудо было признано официально. Этот случай удивителен тем, что в нем мы наблюдаем восстановление функции (зрение), несмотря на то, что повреждение, которое делает ее невозможной, никуда не исчезло. Слепота была почти полной, левый глаз кое-как отличал день от ночи, и во время офтальмоскопического обследования ничего не изменилось. Повреждение, принесенное заболеванием, сохраняется, и тем не менее больная может видеть и даже различает самые мелкие буквы в газете.

26 сентября 1947 года похожий случай произошедший с Жераром Бэйи. Это чудо не было признано Церковью, потому что врач не слишком настаивал на необычном характере исцеления. 31 января 1951 года каноническая комиссия во главе с поместным епископом не увидела в нем ничего исключительного и тем более не усмотрела никакого божественного вмешательства. Здесь мы еще раз подчеркиваем всю узость того представления о чуде, которое сегодня постепенно преодолевается. Но сосредоточимся на том, что нас интересует.

Итак, когда Жерару Бэйи было два с половиной года, он практически ослеп после болезни, которая считалась неизлечимой. Речь шла о прогрессивном разрушении внутренней ткани глаз (хориоидит) и о билатеральной оптической атрофии. Во время войны он в течение двух лет укрывался в офтальмологическом институте города Арраса,

где его несколько раз обследовали, хотя никакой надежды не давали: болезнь считалась необратимой и неизлечимой.

В 1947 году, когда ему было пять лет, его увезли в Лурд, и там он внезапно прозрел. Его снова обследовали, но диагноз остался тем же. Я не буду утруждать читателя точными медицинскими терминами — приведу только вполне однозначное заключение офтальмологов: больной не должен видеть, но он все-таки видит. Восстановление функции зрения было столь бесспорным, что, когда Жерар вернулся в дом для слепых, его попросили через сутки покинуть учреждение.

В 1948 году его осмотрел английский офтальмолог, который поставил тот же диагноз и сделал такое же медицинское заключение: этот ребенок не должен видеть, но он видит! Обследования, проведенные в течение двух следующих лет, давали один и тот же результат, а потом диагноз изменился: ткань глаз и глазные нервы восстановились. Но не забудем: целых два года функция зрения существовала, несмотря на то, что органическое повреждение глаз тоже никуда не девалось (133).

Это выздоровление или, лучше сказать, восстановление зрительной функции, произошедшее в совершенно невозможных условиях, напоминает о другом похожем чуде, которое совершилось несколько позднее. Мы имеем в виду слепую девочку Анну Джемму ди Джорджи, прозревшую в 1947 году после богослужения, которое провел падре Пио. У этой женщины, которая позднее стала монахиней, никогда не было зрачков, и тем не менее она прекрасно видела (134).

Такое же целительное воздействие мы наблюдаем в еще одном необычном выздоровлении, где тоже восстановился не орган, а его функция. Речь идет о Витторио Микели, итальянском солдате, который исцелился во время паломничества в Лурд (135). У него обнаружили рак костей таза с левой стороны. Кость бедра сохранила свою нормальную форму, но стала пористой, а тазовая кость, с которой должна была соединяться кость бедра, полностью разрушилась. Сквозь тело проступали осколки скелета. Нога и бедро были загипсованы, передвигаться он мог только с помощью костылей, а боли были такими сильными, что приходилось принимать снотворное.

В мае 1963 года Витторио вместе с паломниками отправляется в Лурд, где сразу выздоравливает. Впрочем, мгновенность исцеления нельзя было зафиксировать тут же, потому что нога была в гипсе, а снять его решились гораздо позднее. Но сам Витторио рассказывал об этом «без обиняков и очень искренне: как только он окунулся в бассейн, он сразу почувствовал голод. Возглас “хочу есть” вообще характерен для Лурда. Он почувствовал, что его болтающееся бедро

снова скрепилось с тазом...”Успокоительного” больше не понадобилось, потому что боли сразу прошли» (136).

Учитывая всю серьезность заболевания, гипс решились снять только в феврале следующего года, после чего он сразу стал свободно передвигаться.

Рентгенологический анализ, сделанный в мае 1964 года, показал, что тазовая кость восстановилась, а для сочленения бедра с тазом образовалась новая впадина, хотя и на три сантиметра выше прежней. Новая полость приняла форму головки бедра, и новый сустав приобрел совершенно нормальный вид. В этом случае тоже полностью восстановилась именно функция, т. е. речь не шла о том, чтобы сначала было восстановлено прежнее сочленение.

Этот случай показался онкологам таким необычным, что о нем заговорили на международном коллоквиуме в Марселе (правда, называли это исцеление просто «необъяснимым» и, конечно же, постарались никак не упоминать о Лурде). О нем писали в Журнале ортопедической хирургии, имеющем международный авторитет. «По словам профессора Сальмона “еще несколько лет назад просто нельзя было подумать, что о Лурде будут писать в медицинском обозрении, имеющем высокую научную репутацию”» (137).

Сегодня мы располагаем полным перечнем таких случаев, собранных Ватиканом за период с 1983 по 1995 годы. Раньше все эти документы существовали в разрозненном виде, но теперь все собрано в два больших тома и стало гораздо доступнее. Это настоящий кладезь для исследователей (138).

МЕДИТАТИВНЫЕ ГРУППЫ МЭГИ ЛЕБРЮН

Однако чудеса происходят не только в Лурде: по всему миру есть много других центров паломничества, где совершается нечто необычное, не всегда связанное с какой-нибудь конкретной религией. Можно вспомнить кружки медитации, организованные Мэги Лебрюн: они открыты для всех людей, какими бы верующими или неверующими они ни были. Может, там не часто встретишь мгновенные исцеления, но всегда найдешь нравственное и духовное утешение, а порой и выздоровление, которое, правда, совершается медленно — в несколько этапов. В этих кружках каждого просят от всего сердца, молча и с любовью молиться за больного — молиться согласно своей вере и религии или просто мысленно посылать ему свою любовь, если ты не

исповедуешь никакой религии и ни во что не веришь. Уже многие годы из этих кружков исходит любовь и необычайное духовное обновление, которое постепенно завоевало всю Францию и соседние страны. Кружки медитации Мэги Лебрюн существуют почти во всех крупных городах.

Обычно в конце встречи (я это видел в Гренобле) несколько членов кружка (в числе которых всегда есть врачи) подходят к больным и начинают плавно водить руками над пораженными участками тела. В это время и начинается процесс исцеления, причем иногда оно совершается даже в совершенно безнадежных случаях, когда медицина уже признала свое бессилие.

Я говорил, что выздоровление происходит медленно, но сейчас расскажу о быстрых исцелениях, и читатель увидит еще одну возможность взаимодействия нашего мира с миром потусторонним. Речь идет о молодом человеке по имени Фернан: в автомобильной аварии он получил перелом второго шейного позвонка. «Его мучили боли в мышцах и судороги по всему телу, но особенно в левой стороне; кроме того, была засвидетельствована атрофия мышц бедра и левой руки». Кроме того, впоследствии у него нашли врожденное сужение спинномозгового канала». Ему предложили операцию, потому что в противном случае его ожидало инвалидное кресло.

Между тем в другой автомобильной аварии погибла его сестра, оставив двоих малышей. Состояние Фернана ухудшилось. По просьбе окружающих Мэги Лебрюн просит хирурга отложить операцию на три месяца и дать возможность ей и ее группе поработать с молодым человеком. «На первом сеансе магнетизма, — рассказывает Мэги Лебрюн, — мне казалось, что я касаюсь не человека, а сухого дерева: жизни в организме как будто совсем не было. Но потом он ощутил покалывание, ему как будто стало лучше и, главное, он почувствовал, что ему стало легче на душе. Он говорил, что как будто наполнился светом. Он ни во что не верил, но его только что коснулась Божья рука, а в душе поселилась надежда».

Через три месяца было решено повлиять на «астральное тело» Фернана. Его положили на стол (как для операции), и теперь действовать начал Даниэль, муж Мэги Лебрюн. Даниэль — медиум, действия которого направляют уже умершие люди. Таких называют «небесными врачами». Итак, Даниэль «работает» с эфирным, или астральным телом Фернана, не касаясь его физического тела и целых двадцать минут сосредотачиваясь только на его затылке. После этого Фернан «полностью восстанавливается», снова начинает работать администратором на заводе, выполняет серьезные задания и вскоре женится.

А теперь пусть расскажет сама Мэги Лебрюн:

«Однажды вечером я обедала вместе с врачом, которым лечил Фернана. Когда зашел разговор о воздействии магнетизма, мой собеседник скептически улыбнулся: “Чтобы поверить, надо увидеть”, — сказал он. “Конечно, — согласилась я, — я знаю одного вашего пациента, с которым работала и который выздоровел. Его зовут Фернан”.

“Я очень хорошо помню этого мальчика и должен сказать, что выздороветь он не может”, — ответил врач, несмотря на заверения других врачей, которые сидели тут же. Тогда я предложила ему пригласить моего “пациента” для медицинского осмотра. Он любезно согласился, и однажды утром мы все трое пришли в больницу. Когда осмотр окончился, врач вынул из шкафа толстую медицинскую карту и сказал: “Госпожа Лебрюн, посмотрите сюда”. На первой странице был написан диагноз Фернана, который я прочитала с удивлением: “Прогрессирующий миелит”. Я просто онемела, потому что прекрасно знала: миелит неизлечим» (139).

Итак, речь идет о неизлечимой болезни, а между тем вы только что прочитали, что для выздоровления хватило нескольких «магнетических пассивов», сделанных за несколько минут. Есть много других, очень разных случаев, которых, однако, объединяет одно: исцеление наступало в результате перенесения эфирного тела на физическое. Кроме того, можно вспомнить о феномене доктора Ланга: этот человек уже давно умер, но, вселяясь в тело Джорджа Чапмена, он продолжал участвовать в лечении больных и даже выполнять самые настоящие операции. Джордж Чапмен был обыкновенным пожарником, но он же был первоклассным медиумом. Когда покойный доктор Ланг вселялся в него, сознание Чапмена или покидало его тело или же его активность снижалась до минимума. По голосу и манерам это был уже не Чапмен, а доктор Ланг. Именно с ним я однажды и говорил — через Чапмена. Во время таких воплощений доктор Ланг тоже лечил физическое тело пациента, но при этом воздействовал только на его эфирное тело. Перенос эфирного тела на физическое осуществлялся довольно быстро, но не мгновенно. Когда перенос заканчивался, на физическом теле пациента появлялись шрамы, хотя прямых прикосновений к нему не было (140).

Даниэль Лебрюн тоже работал только с эфирными телами больных, но эта работа сразу сказывалась на их физических телах. Наверное, когда-нибудь этот феномен поможет нам лучше понять, что же именно происходило в рассмотренных нами случаях исцеления (когда функция какого-нибудь органа восстанавливалась гораздо раньше восстановления самого органа). Наверное, именно «эфирные», или

«духовные» тела Марии Бире и Жерара Бэйи поддерживали эту самую функцию, пока их физическое тело набирало силы. Вероятно, именно в результате перенесения духовного тела на физическое поврежденные органы, в конце концов восстанавливались.

В ХАРИЗМАТИЧЕСКИХ ГРУППАХ

Церковь, наверное, права, когда считает, что в таких исцелениях нельзя искать абсолютного оружия против неверующих, но все-таки жаль, что она не говорит здесь о «чуде». Значит, она видит в них лишь нечто необычное, не имеющее никакого религиозного смысла. Но именно Церкви надлежит проводить различие между явлениями, которые просто «необъяснимы», и знаками или знаменами, которые даны Богом.

Церковь наверняка в большей степени следовала бы своему призванию, если бы не слишком увлекалась научными обоснованиями Божьих действий. Больные, которые годами ходят по всевозможным врачам, так и не находя лекарства от своих болезней, очень хорошо эти действия понимают (как понимают их и те, кто годами смотрел на их страдания). Они умеют в том необычном, что с ними происходит, увидеть Божий знак. Сегодня совершаются новые и необычайные чудеса, но видят их только те, кто поистине верит, что Бог нас воистину любит, видят те, кто участвует в широком движении, которое называется «харизматическим возрождением».

ОТЕЦ ЭМИЛИАН ТАРДИФ

Принимая участие в этом движении, отец Эмилиан Тардиф старается в точности подражать Христу. Он возвещает Благою Весть о Божьей любви, взывает к обращению сердца, к вере в Божье милосердие, призывает к взаимному прощению обид и просит Бога сжалиться над всеми, кто страдает в своем теле, сердце и духе. И Бог отвечает своему народу: парализованные начинают ходить, глухие слышат, немые говорят, слепые прозревают. Видя все это, люди толпами идут к отцу Эмилиану: со всех сторон приходят тысячи людей, причем не только больные, стремящиеся найти физическое исцеление, но и просто несчастные, одинокие, охваченные тоской и тревогой. И — как в Еванге-

лиях — кроме чисто физических знамений излучение Божьей любви тайным образом содействует исцелению человеческих сердец и влечет их к нему. Отец Эмилиан очень верно выбирает тональность своих проповедей, и надо признать, что его анализ всего происходящего весьма точен.

Вот что он говорит: «Мы всячески стараемся привлечь к себе людей, которые все меньше идут в церковь. Мы организуем праздники, концерты, благотворительные вечера, но результатов почти никаких. А вот Иисус исцелял больных и немощных, и к нему шли толпами — да так много, что однажды пришлось даже разобрать крышу в доме, чтобы принести к Иисусу расслабленного» (141).

На харизматических собраниях исцеления совершаются во множестве: порой более ста за одну ночь (142). Исцеления происходят во всех странах харизматического возрождения, исцеляются как интеллектуалы, так и простые люди, и всегда исцеление связано с сильной верой — обычно перед ним, но иногда и после него. Бог приходит к нам на помощь не потому, что мы добры и хороши, но для того, чтобы мы стали такими.

Предвидя наше удивление и сомнение по поводу множества исцелений, отец Эмилиан говорит: «В том, что больные исцеляются, нет ничего удивительного. Удивительно было бы, если бы они не исцелялись, — ведь тогда получалось бы, что Иисус не держит своих обещаний» (143). Очень часто наше христианство оказывается лишь какой-то философией среди прочих. Многие богословы считают, что Бог не вмешивается в жизнь нашего мира, но ведь тогда это какой-то мертвый Бог, интеллектуальная абстракция. Однако Бог говорит: «Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам» (144). И еще: «идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари... Уверовавших же будут сопровождать сии знамения: именем Моим будут изгонять бесов, будут говорить новыми языками, будут брать змей; и если что смертоносное выпьют, не повредит им; возложат руки на больных, и они будут здоровы» (145).

У скептиков, конечно же, нет недостатка в классических возражениях. Они говорят, что такие исцеления — лишь следствие коллективной истерии, и на самом деле в них нет ничего чудесного. В ответ отец Эмилиан приводит вполне здравое возражение: почему бы тогда им самим не собирать побольше людей, чтобы исцелять их? (146).

Исцеляя, Христос не приводил больных к врачам для освидетельствования, хотя иногда просил, чтобы, исцелившись, бывшие прокаженные засвидетельствовали свое исцеление, как того требовал закон. Да и в описываемых нами харизматических группах некоторые

исцеления были надлежащим образом проверены и подтверждены врачами.

Так было с женщиной, пораженной ревматоидным артритом. «Я сделала анализы, — рассказывает она, — и увидела, что полностью выздоровела... Врачи сказали, что даже если человек выздоравливает, следы болезни остаются у него на всю жизнь — как шрам на сердце у перенесшего инфаркт. Но в моем случае никаких следов не было, и это можно объяснить только Божьим чудом» (147).

СЕСТРА БРИДЖ МАККЕННА

Но наше сердце не торопится уверовать, и потому скептик, не имея «железобетонных» доказательств, всегда будет искать новую отговорку. Если больной теперь действительно чувствует себя хорошо, то был ли он на самом деле болен? Сестра Бридж Маккенна (еще один вдохновитель харизматического возрождения) рассказывает об ирландском священнике, который так сказал ей о своих сомнениях: «Вот если бы я сам увидел чудо, мне было бы легко поверить... Если бы я увидел, как слепой прозрел или паралитик стал на ноги, я бы с легкостью поверил.

— А вы уверены в этом, святой отец? — спросила я его. Вот я видела много исцелений, но хочу сказать, что поверить в чудо от этого не легче».

Через три дня она молилась вместе с группой иезуитов, и среди них был тот самый священник. Был там и «пожилой священник-француз, у которого начиналась гангрена на ноге. Врач сказал, что ногу придется ампутировать. Священник отпросился у него на это молитвенное собрание, после которого было решено сделать операцию. Все собравшиеся вместе помолились о нем, и уже на следующий день этот французский священник «прибежал к нам с закатанными до колен штанами. Он хотел показать, что нога совершенно исцелилась. Мой друг-ирландец сидел недалеко от меня. “Святой отец, — сказала я ему, — вот вам и чудо, о котором вы недавно говорили”. Он посмотрел на француза, потом на меня и сказал: “Боже мой, как все-таки трудно поверить! А вдруг у него не было настоящей гангрены?» (148).

Теперь понятно, что лучше всего самым строгим образом документировать такие случаи, как это и делается в Лурде. Но даже тогда найдется кто-нибудь, кто непременно усомнится. «А тот ли это больной?». «А не перепутали ли медицинские карты?» и т. д. Если мы

хотим бесконечных гарантий, у нас так и не появится возможности поблагодарить Бога за его благодеяния.

Поскольку автором чудесного исцеления всегда является Бог и поскольку его действие выходит за пределы пространства и времени, нет необходимости, чтобы какой-нибудь посредник физически присутствовал рядом с больным. Как только пошли слухи о том, что сестра Бридж Маккенна исцеляет силой молитвы, со всех сторон посыпались просьбы о помощи. Она не знала, как поступить, и тогда ей было видение, о котором она рассказала: «Господь показал мне огромный телефон поверх дарохранильницы. Я подумала, что это какое-то наваждение, и хотела его прогнать, но тут на телефоне появились слова: “Телефон — это средство общения. Я тоже могу его использовать — так используй и ты. Люди услышат тебя, но ощутят мое присутствие”. Господь сказал мне, чтобы я молилась по телефону и не беспокоилась о том, что меня нет с кем-то рядом: мне просто надо соединиться с ним в духе перед Иисусом. Пространство и время для него не имеют значения» (149).

ОТЕЦ РАЙМОН АЛЬТЕР

Много чудесных исцелений совершается и в Африке, где растет влияние харизматического возрождения. Вот как Раймон Альтер рассказывает о той обильной жатве чудес, которые совершаются во время его проповедей: «В Кудугу мать семерых детей, находящаяся в последней стадии лейкемии и оставленная всеми врачами, мгновенно исцелилась во время причащения. Находясь в двух тысячах километров от диоцеза Конго, я по просьбе епископа проводил в каждом крупном городе богослужение для исцеления больных, и каждый вечер, желая рассказать о своем исцелении, ко мне приходили по тридцать, сорок и даже пятьдесят человек.

Я вспоминаю о мессе в Кивките, где четырнадцатилетний подросток, слепой от рождения, прозрел после причащения. Не думайте, что христиане тех мест, о которых я говорю, наивнее других христиан: они сами специально водили к врачам всех, к кому во время богослужений вернулось здоровье. Один врач-африканец прямо мне сказал: “Зачем обследовать? И так очень хорошо видно, что человек стал совсем другим”. Эти знамения сами по себе достаточно очевидны... Лично для меня физические исцеления не так интересны, как духовные. Важно внутреннее выздоровление» (150).

Я считаю, что в целом этот африканский врач прав, хотя в некоторых случаях не плохо было бы провести строгое медицинское освидетельствование, чтобы люди не становились жертвой утешительных иллюзий. Когда начинают говорить о бесчисленном множестве исцелений, какой-то контроль должен производиться, но если эти чудеса (признанные официально или не признанные) приводят к вере, т. е. к признанию Божьего бытия и его заботы, тогда они полностью исполнили свое предназначение. Чтобы достучаться до неверующих сердец, Бог использует разные пути.

Мы только что рассмотрели несколько примеров «чудес», которые по своему «механизму» и обстоятельствам далеко не одинаковы. Это позволило нам поразмышлять о том, сколь разнообразны те знамения, которые любовь Божья дает нам и порой дает в изобилии, потому что за впечатляющими исцелениями и даже за тем облегчением, которое они приносят, кроется самое главное: откровение Божьей любви, явленное людям.

А теперь рассмотрим несколько совершенно необычных явлений, ставших возможными благодаря одной и той же жизни, но прежде всего постараемся понять их глубокий смысл. Здесь речь идет не только о «знамениях», которыми Бог говорит о своем бытии и его действии среди нас, но и о любви, которая борется с силами зла, — той любви, которая гораздо сильнее всего нашего эгоизма, гордости и ненависти. Я хочу рассказать вам о совершенно необычном мистике, которого совсем не знают во Франции, но жизнь которого преисполнена духовного богатства. Несмотря на всю уникальность и конкретность этой истории, в ней раскрывается тайна жизни каждого из нас, потому что мы тоже призваны (часто даже не зная об этом) к тому, чтобы в своих повседневных маленьких проблемах и даже жизненных драмах участвовать в той же самой борьбе любви против ненависти. Своей жизнью святые лишь яснее показывают все то, что происходит в глубине каждого из нас (151), и это мы увидим на примере того человека, имя которого — Натучца Эволо.

УДИВИТЕЛЬНЫЙ МИСТИК: НАТУЦЦА ЭВОЛО

Итак, речь пойдет о современном мистике, которого совсем не знают во Франции, но с которым во время короткого пребывания в его родном городе я имел честь и счастье встретиться дважды. Это Натуща Эволо, жизнь которой — не что иное, как совокупность редких, наверное, даже уникальных явлений во всей истории человеческого духа. Мы сосредоточимся именно на этом, но также постараемся хоть в какой-то мере проникнуть в ту глубокую тайну, внешними знаками которой и оказываются эти необычные явления.

Итак, ее не знают во Франции, но в Италии ее уже давно знают очень хорошо, и потому о ней написано несколько очень серьезных работ на итальянском языке. Одной из самых первых стала работа Франческо Мессiano, появившаяся в 1974 году: близкие Натущы до сих считают это исследование одним из лучших. Тираж книги уже давно разошелся, но издатель любезно предоставил мне фотокопию. Другим капитальным исследованием является работа Валерио Маринелли, профессора Калабрийского университета, преподающего на факультете искусств и ремесел. Это самое настоящее собрание свидетельств, прошедшее через горнило критики и теперь уже насчитывающее пять томов. Что касается других работ, которых я буду касаться мимоходом, то они скорее рассчитаны на широкого читателя (154).

Я решил, что не буду составлять последовательную хронологию ее жизни: некоторые необычные особенности стали проявляться довольно рано, но поскольку мне хотелось не столько нарисовать ее портрет, сколько изучить сами необычные явления, я решил, что лучше всего по мере возможности сгруппировать их по категориям.

ДЕТСТВО

Фортуната (155) родилась 23 августа 1924 года в Паравати. Отца она не знала: за пятнадцать дней до ее рождения он уехал в Аргентину. Одни исследователи объясняют его отъезд бедностью, которая в ту пору царил в Калабрии, другие склонны винить ее мать, непрестанное беспутство которой однажды стоило ему тюрьмы (156). Впрочем, однажды, когда ей было десять-одиннадцать лет, Натутца увидела своего отца, не искав его, — увидела в той биллокации, которой она отличалась. В ту пору она знала его только по фотографии. Оказавшись перед отцом, она сказала: «Вы не узнаете меня? Я Натутца, ваша дочь». Потрясенный отец воскликнул: «Ну, значит, ты умерла!». «Нет, я жива, — ответила она, — и сейчас нахожусь здесь, хотя и не знаю, каким образом».

Потом, вернувшись в свое тело, она рассказала, что видела отца и подробно описала его дом. Родственники подумали, что девочка просто фантазирует, но через какое-то время от отца пришло письмо, где он писал, что видел дочь, которая появилась у него дома и с которой он даже немного поговорил. Родственники, отправившиеся в Америку, вскоре сообщили, что дом выглядит именно так, как Натутца его описала (157).

После «великой войны» прошло совсем немного времени: кругом царил бедность, и богатые работодатели были хозяевами жизни. Мать Натутцы зарабатывала проституцией. Бросить этот промысел она не могла, потому что надо было кормить детей. Натутца была самой старшей, и на ней лежала обязанность по воспитанию всех остальных (158).

В восемь лет ей было сновидение, в котором Бог явил ей свою волю. Она увидела образ, в котором узнала святого Франциска. Она попросила, чтобы он был милостив к ней, и тот ответил: «Через три дня просьба твоя исполнится».

Ровно через три дня адвокат Сильвио Коллока пригласил ее на беседу, а примерно через месяц взял на работу служанкой в свой дом (159).

Впрочем, нельзя точно сказать, в каком возрасте она стала работать. Ее собственные воспоминания довольно смутны, а свидетельства других людей не совпадают друг с другом. Кто-то говорит о восьми годах, кто-то о четырнадцати (последнее кажется более достоверным) (160).

ВИДЕНИЕ УМЕРШИХ

Умершие начали приходить к Натущце в доме ее хозяев — начиная с июня 1939 года, хотя по-настоящему это явление заявило о себе в 1940 году после одного странного переживания. Пришло время поста, и Натущца решила соблюдать его в течение всех сорока дней, причем выдержать полностью, т. е. не есть и не пить. В ночь с субботы на Вербное воскресенье ей явились усопшие, которые сказали, что на праздник святых Иоакима и Анны, т. е. 26 июля 1940 года, она «как будто» умрет. Девочка решила, что речь идет о настоящей смерти. Наступил этот день, и она впала в летаргический сон, длившийся семь часов. Люди, решившие, что она умерла, приходили проститься с нею, а хозяин вызвал врачей, но те ничем не смогли помочь. Глаза закрыты, тело застыло — казалось, что это уже просто труп. Что происходило в эти семь часов? Мы ничего не знаем, но, по-видимому, этот странный сон не имеет ничего общего с тем, что сегодня хорошо известно и называется предсмертным опытом.

Исследователи, писавшие о ней, сообщают, что в 1958 или в 1960 годах этот транс повторялся много раз. Девочка как будто теряла сознание, причем потеря сопровождалась конвульсиями, похожими на эпилептические. Мы не знаем, что она переживала в таком состоянии, но хорошо знаем, что сразу после того, как она приходила в себя, она говорила, что видела Христа и Святую Деву. Натущца впадала в экстаз, смотрела перед собой в одну точку, говорила сама с собой, падала на колени и призывала других последовать ее примеру, если кто-то был рядом (161).

Впрочем, разговоры с Христом и Девой Марией случались и тогда, когда она не впадала в забытьё. Альба Коллока, жена адвоката, рассказывает, что однажды, решив выяснить, что же происходит на самом деле, она стала за дверью, услышав, что Натущца разговаривает со Святой Девой. Она, конечно, не могла слышать слова Святой Девы, но слышала, что говорила Натущца: «Скажи, моя маленькая Мадонна, когда пройдет эта болезнь? Ты сказала, чтобы в три часа я прочитал “Аве”, “Отче наш” и “Глорию”, но я не знаю, сколько сейчас времени! Ты сказала, что сейчас без десяти три? А что ты хочешь еще? Девять

первых пятниц? Но что это? Я не понимаю... Почему ты не говоришь, что хочешь девятидневного молитвенного обета? Ты хочешь, чтобы девять месяцев я причащалась в первую пятницу?... Хорошо. Что ты говоришь? За дверью стоит госпожа и слушает меня?» (162). С тех пор «госпожа» этого не повторяла.

Натуцце было десять лет, когда однажды, сидя у дверей своего дома, она увидела нищенствующего монаха, очень похожего на святого Франциска, которого видела во сне. Она сразу сказала ему, что не может подать милостыню: у нее нет денег. Улыбнувшись, монах дал ей понять, что ничего от нее не ждет (163).

В другой раз (эта история уже стала легендой), входя в дом к детям, она увидела три фигуры, сидящие на кровати. Немного удивившись, она попросила их пройти в гостиную, но незнакомцы ответили, что они мертвы. Перепугавшись, она побежала к хозяйке и сказала, что в детской комнате на кровати малышей сидят три мертвеца. Госпожа Альба с улыбкой посмотрела на тестя, нотариуса Антонио Коллока, а тот, обратившись к растерявшейся служанке, спросил: «Ну, если они мертвы, почему бы тебе не спросить, как их зовут? Натуцца быстро ушла, а потом вернулась и сказала: «Это Наннина, Рафаэль и Кончетта». Едва придя в себя от изумления, нотариус сказал, что три человека в его семье действительно носили такие имена, и все они давно умерли (164).

Этот необычный дар стал неотъемлемой частью ее будущей миссии, и об этом ей возвестил умерший святой. Вот ее рассказ: «Однажды вечером, закрыв ворота, я только вошла в свою комнату, как тут же увидела входящих людей: они были одеты как мы и сказали, что пришли из другого мира. Мне об этом говорили уже во второй раз — и во второй раз я увидела мертвых. Сильно испугавшись, я с криком выбежала из комнаты».

После этого случая несколько священников уговорили хозяев Натуццы провести сеанс экзорцизма, который длился около часа. Потом, возвращаясь в дом хозяев, Натуцца заметила, что за ней идет какой-то священник, но, сильно устав, она не стала об этом раздумывать, ускорила шаги, быстро вошла в дом и закрыла за собой дверь. К ее удивлению священник ждал ее на первых ступеньках лестницы. Он сказал, чтобы она не боялась, а потом добавил, что он — Фома Аквинский, благословил ее и прибавил, что отныне она будет видеть умерших еще чаще — как ночью, так и днем (165).

Теперь Натуцца видела их почти каждый день и доверяла им даже больше, чем живым. Но по пятницам и во время поста они к ней не приходили: в эти дни ей являлись Христос, Богородица и иногда святые. С умершими она могла связываться и на расстоянии. Она мно-

го раз беседовала с падре Пио, когда он был жив, а потом — с уже умершим (166). Нередко ей было трудно отличить умерших от живых, но когда удавалось прикоснуться к ним, она узнавала мертвых по их телам, которые были «очень холодными, как тела трупов». Если они находились в раю, от них «часто исходили светлые лучи, а сами они слегка возвышались над землей» (167).

А теперь — еще одна история, рассказанная госпожой Альба Коллока. «Это было в 1938 году: мы принимали гостей, и я попросила Натущу принести в гостиную четыре чашки кофе. Она принесла их и начала расставлять на столе, но когда я вернулась на кухню, Натуща с упреком в голосе сказала: “Синьора, вы не дали кофе священнику!”.

“Какому священнику?”, — удивилась я. Ведь среди гостей никакого священника не было. Вернувшись в гостиную, я сказала гостям, которых прежде не знала: “Натуща увидела в этой комнате какого-то священника”. Один из гостей ответил: “Мой умерший брат был священником”. Когда в гостиную пришла Натуща, гости попросили ее описать этого священника, и когда она это сделала, все узнали аббата Волонта, преподавателя семинарии (168).

Иногда Натуща узнавала умерших по фотографиям, которые ей показывали, а порой называла их по имени и описывала их внешность еще до того, как родственники показывали фотоснимки.

«Однажды ночью мне сильно захотелось пить, — рассказывает Натуща. — Передо мной появился мальчик, и я попросила его принести стакан воды. Он ответил, что не может этого сделать, потому что полночь уже прошла и, значит, я не смогу причаститься утром. Но через несколько минут он появился снова, и теперь в его руках были три стакана воды, которые он взял в столовой. Эти стаканы остались в моей комнате, а потом другая служанка спросила меня, почему их нет в буфете. Я рассказала о том, что произошло этой ночью, а она рассказала об этом хозяину» (169).

Другая история убедила хозяев Натущы в том, что она ничего не выдумывает. Однажды, вернувшись из гостей, синьора Альба с ужасом увидела, что потеряла кольцо с дорогим бриллиантом, но благодаря Натуще оно скоро нашлось.

«Перед мной появился брат адвоката Сильвио — инженер Рафаэль, давно умерший, — рассказывает Натуща. — Он сказал, что кольцо взяла маленькая девочка, которая унесла его в сад, где оно и лежит, спрятанное в кусте роз». Кольцо скоро нашли: оно действительно было надето на небольшую ветку куста (170).

«Я не всегда могу отличить живых от умерших, — продолжает Натуща. — Очень часто предлагаю умершему сесть. Когда они

появляются, я понимаю, где они находятся, — в раю, чистилище или в аду, а также могу понять, нуждаются ли они в молитвах, хотят ли о чем-то сказать своим родным. Я, со своей стороны, передаю им весть от живых. Когда, например, умерший отец или брат рассказывает мне о родных, которые присутствуют здесь же, они так много говорят! Но слышу их только я.

Я могу видеть усопших начиная с сорокового дня после их смерти. Они не говорят, где были во время этих сорока дней. Они никогда мне об этом не рассказывали. Они говорят, что их чистилище совершается на земле — там, где они жили и где совершали свои грехи. Они говорят, что рай предваряет зеленый луг. Я узнаю души, которые находятся в раю: они всегда приподняты над землей» (171).

Кроме того, Натуща могла принимать от умерших весть на иностранных языках, но сама не знала никакого языка, кроме итальянского. Она не умела читать и писать и даже, как она сама говорила, не могла понять, что показывают цифры на циферблате. Но когда она передавала эти вести, она говорила на превосходном итальянском языке. Она говорила, что тогда ее ангел-хранитель шептал ей то, что надо сказать, и она просто повторяла это громким голосом.

«Но слова исходили от него, и я их лишь повторяла, — говорит она. — Иногда я понимаю, что мне говорят на иностранных языках, которых я не знаю. Но если кто-то говорит, например, на французском, мой ангел повторяет это на итальянском и шепчет, что мне надо ответить, но когда я отвечаю, я не понимаю того, что говорю» (172).

Франческо Месиано упоминает несколько редких случаев, когда другие люди, находившиеся рядом с Натущей, тоже вместе с нею могли видеть умерших. Приведем один пример. Молодая женщина, секретарь члена парламента, покончила с собой, отравившись газом. Когда мать нашла ее, та лежала на полу, скрестив руки на распятии. Долгое время мать тщетно пыталась понять, что же привело ее дочь к такому отчаянному поступку. Услышав о Натущи, она решила с ней встретиться. Показав ей фотографию, на которой была изображена группа молодых девушек, она спросила, видит ли Натуща ее дочь, но не успела та ответить, как вдруг увидела перед собой юную самоубийцу. Девушка внимательно смотрела на нее и, будучи не в силах говорить, показывала на себя пальцем на фотографии. Но тут уже сама мать увидела ее и закричала: «Сильвана, Сильвана, дочь моя!». Умершая тут же исчезла, но теперь воскликнула потрясенная Натуща: «Неужели и вы ее видели?!» (173).

ФЕНОМЕН ГЕМОГРАФИИ

Однажды утром, в октябре 1938 года синьора Альба и Натуща были на прогулке, и тут синьора заметила, что у служанки кровоточит левая нога. Кровь сочилась через чулок и башмак, сплетенный из кожаных ремешков. На вопрос, больно ли ей, Натуща ответила, что нет, и казалось, что она ничего не чувствовала. Когда они вернулись домой, синьора Коллока хотела помыть и продезинфицировать ногу Натущи, но не обнаружила никакой раны. Тут она с удивлением заметила, что правая нога тоже кровоточит. На следующий день она позвала двух врачей, которые, осмотрев девочку, сказали, что речь идет о кровяном выпоте и что такое может быть и у вполне здоровых людей. Но теперь кровь выступила на лице и руках, хотя самое удивительное было впереди (174).

Утром 29 июня 1939 года епископ Паоло Альбера совершал конфирмацию в своей часовне, куда с другими детьми привели и Натущу. Когда епископ помазал ей лоб елеем, девочка почувствовала озноб и ощутила, как по спине между лопаток подобно червю проползло что-то холодное и влажное. Вернувшись в дом хозяев, она рассказала о случившемся, и собравшиеся с изумлением обнаружили, что у нее на спине проступил большой кровавый крест, отпечатавшийся на рубашке (175).

Натуща рассказала, что, когда она впервые причащалась в церкви святой Марии в Паравати, ее рот наполнился кровью. Она не знала, что делать, но потом все проглотила и поначалу подумала, что согрешила, проглотив Господа. Потом ей сказали, что так и должно быть, и больше она об этом не говорила (176).

Кровяные выпоты стали повторяться регулярно, но врачи после осмотров говорили, что она вполне здорова. Перед каждым выпотом молодая женщина стала видеть один и тот же сон: некто Франческо Ризо (которого она знала еще до его смерти, потому что он тоже жил в Паравати) говорил ей, что завтра у нее проступит кровавый пот (177).

Постепенно кровяные выпоты стали приобретать определенную форму. Вот как выглядела ее первая гемография, точную дату которой определить не удалось. Натуща молилась в церкви стоя на коленях,

а вокруг нее собрались люди, с любопытством ждавшие, когда появятся эти уже знаменитые капли крови, в которых они смочат свои платки. По ее щеке скатилась и упала на пол слеза, которую на этот раз никто не заметил. Причастившись, Натуща вернулась на свое место, а минут через десять, встав с колен, хотела выйти, но тут, заметив свою слезу на полу, растерла ее ногой, чтобы никто ее не увидел. Но одна молодая женщина, Кончетта Анжиллери, увидев это, смочила слюной свой платок и провела им по полу, где была слеза. На платке проступила рука, держащая облатку. Очевидцем был священник Клементе Силипо, который и засвидетельствовал произошедшее (178).

А вот что говорит адвокат Сильвио Коллока, который и сегодня, вспоминая, не может сдержать эмоций: «Она положила платок на свою грудь, а потом, когда показала его, на нем проступил очень четкий и ясный текст, словно напечатанный на машинке, а также рисунки. Текст был очень четким, но самое удивительное было в том, что кровью как будто писала незримая рука» (179). Людей, просивших повторить это маленькое чудо, было так много, что часто она клала на грудь два, три, пять и более платков. Они были самыми разными: сложенными, скомканными или свежими и тщательно разглаженными. Случалось, что она даже не успевала прижать их к своей груди, но надписи и рисунки все равно появлялись. Порой кровь появлялась на платке даже тогда, когда Натуща не прикасалась к нему и даже находилась на расстоянии в несколько метров: например, когда платок просто лежал на столе. Кровь текла, превращаясь в рисунки и буквы, но иногда это случалось даже за несколько километров от нее, и тогда она говорила: «Это не я, а Господь» (180).

Впрочем, эти истечения были совсем безболезненными — за исключением времени поста. Рисунки имели религиозный характер: кресты, чаши, облатки и дароносица, святые с нимбами, паломники, ангелы (порой коленапреклоненные), образы Мадонны. Встречались символические изображения: лестница, дорога, дверь, сердце в терновом венце или пронзенное копьем, терновые венцы, четки, пятиконечные звезды, языки пламени, лилии, голуби.

Порой появлялись слова молитв на различных языках — мертвых и живых: латинском и еврейском, итальянском и немецком, древнеанглийском и современном английском, французском и греческом. Это были цитаты из Ветхого и Нового Завета, гимны, религиозные лозунги, псалмы, изречения, краткие или пространные молитвы.

Вот несколько примеров: “Deus noster in terra visus est” («Бог наш был зрим на земле»). Над этими словами изображен Христос с нимбом над головой и в окружении двенадцати апостолов, под ними —

терновый венец с облаткой, в середине которой надпись IHS (Иисус, Спаситель человечества). Надпись “Jesus XP Passio” начертана на дароносице, от которой изображен Скорбный путь на Голгофу, усеянный каплями крови. Сбоку надпись: “Noc est corpus meum” («Сие есть тело мое»).

На другом платке — надпись по-французски: «О, святая Бернадетта, простой и чистый ребенок, не раз созерцавший красоту Непорочной Девы и воспринявший ее тайны...» — далее текст обрывается (181). И действительно, часто молитва остается незавершенной: недостает нескольких слов, а порой и целой фразы, но то, чего нет на одном платке, появляется на другом, и это немного напоминает послания, полученные путем «автоматического письма» (182).

Почти всегда капли кровли проступали на лбу, щеках, подбородке и левой стороне груди. Из глаз тоже стекали две большие кровавые слезы. Кроме того, капли крови появлялись на ладонях, ногах, коленях и плечах. Этот кровавый пот проступал в любое время, как летом, так и зимой, но очень редко во сне и никогда во время ее видений. Он мог появиться во время причащения или молитвы.

Вот еще несколько примеров. Однажды, когда Натуща, только что причастившись, стояла на коленях, аббат Клементе увидел, как на одном ее глазу появилась большая кровавая слеза, которая медленно скатилась по щеке. Натуща вытерла ее платком, на котором тут же появился крест довольно четкой формы.

В другой раз девочки прибежали за священником и повели ее к Натуще, которая стояла на коленях перед Святыми Дарами. Вместе со всеми собравшимися он увидел, как на ее правой ладони проступившая кровь сформировала очень четкое изображение облатки, в середине которой была надпись IHS.

Впрочем, иногда капли крови, которые видели все собравшиеся, не оставляли никакого следа на платке, когда их вытирали. Случалось, что на этом же месте появлялись другие капли, и Натуща энергично их вытирала, слегка раздосадованная тем, что в первый раз платки протянутые ей платки остались чистыми, но и на этот раз они оставались такими же.

Так однажды в марте 1948 года два монаха-капуцина из ордена меньших братьев отправились в Паравати в надежде привезти оттуда платки с драгоценными рисунками, начертанными кровью Натущы. После причастия, когда, как обычно, появилась кровь, Натуща взяла платок, вытерла им ее и протянула монаху. Однако платок остался белым, а кровь на лбу Натуща начала сворачиваться. Тогда другой монах протянул ей свой платок, но и на этот раз ничего не получилось.

Будучи не в силах скрыть своего удивления, монахи переглянулись и уже хотели спросить, что это значит, как тут появился молодой человек, который, смеясь, сказал ей: «Пусть на моем платке что-нибудь появится. Я вижу еще несколько капель». Натущца взяла его платок и вытерла кровь. На платке появился крест, а под ним изображение долгой дороги. В правой стороне появилась надпись: «Иисусе, очисти наши сердца и освяти наши стремления» (183).

Скептики говорят, что эти рисунки и надписи — следствие истерии. Слово, конечно, очень удобное: стоит его назвать, и кажется, что все объяснил, хотя на самом деле ничего не понял. Не понял хотя бы потому, что, в конце концов, само понятие истерии — одно из самых распылчатых (184). Каждый специалист вкладывает в него свой смысл, причем смысл этот настолько специфичен, что сегодня вообще к этому термину относятся сдержанно. Кроме того, даже если это истерия, то какая сила это совершает и кто ею руководит? Именно эти соображения и заставили известных врачей (например, профессора Никола Пенде, а также Гозио из Римского университета) говорить о «спирито-медиумическом» происхождении этих гомографических рисунков и надписей (185).

Ясно одно: сама Натущца не придавала большого значения этому явлению. Она всегда оставалась «совершенно бездеятельной». Не забудем и того, что она не умела читать и писать и, следовательно, не могла читать и понимать тех слов, которыми сопровождалась рисунки. Наконец, надо учесть и тот факт, что появлявшиеся слова всегда были логически связными, свидетельствуя о вполне ясном смысле, в них заложенном, — даже тогда, когда платки, на какой-то миг прикладывавшиеся к ее телу, нередко были изрядно помятыми, в многочисленных складках. Получается, что кровь как-то перетекала из одной складки в другую, а порой, как мы уже отмечали, продолжала течь по платку, находившемуся в нескольких километрах от Натущцы (186).

Ясно, что в основе этого феномена лежит некая сила, причем сила разумная, которая преследует вполне определенную цель и не зависит от воли Натущцы. Любой непредвзято настроенный человек, будь то ученый или нет, согласится со мной, и это самое малое, что здесь можно сказать. Любые медицинские гипотезы, ограничивающиеся простой констатацией появления крови на коже, при всей их занимательности как раз не затрагивают самое существенное (187). Появление рисунков и посланий, написанных кровью Натущцы, похоже на так называемое «прямое письмо», о котором говорят в парапсихологии. Это точку зрения в 1948 году отстаивал профессор Джованни Скепис,

специалист в области статистики, работавший в Римском университете, а также исполнявший должность секретаря в Итальянском метафизическом обществе. В своей статье, опубликованной в “Giornale d’Italia”, он писал о том, как можно удостовериться этот феномен, и с его точки зрения главное заключалось в выболе талантливого медиума. Надо взять хорошую грифельную доску, кусок мела — закрыть все это в коробку и опечатать ее. Через какое-то время можно расслышать, как в коробке мел скрипит по доске (188). Я сам не присутствовал при таком опыте, но смотрел видеозапись, предоставленную немецким профессором Вернером Шибелером, которого очень хорошо знаю. На записи видно, как карандаш, расположенный под прозрачным колпаком, повисает в воздухе и начинает писать в раскрытой тетради. Доктор Шибелер гарантировал мне подлинность всего происходящего и соответствующей документации.

Второй важный аспект заключается в том, что эта сила ставит перед собой вполне религиозную цель, а точнее говоря — христианскую. Здесь, как мне кажется, можно говорить о нескольких истолкованиях, логически вполне последовательных.

Можно считать, что появляющиеся надписи являются своеобразной проекцией подсознательного Натуцци, которое пропитано религиозными текстами, каковых она, может быть, до конца не понимает, потому что не умеет читать, но которые тем не менее передаются ею почти верно. Такой механизм действительно существует и представляет собой частный случай криптомнезии, примеры которой хорошо известны (например, известен случай, когда человек под гипнозом воспроизвел почти дословно и правильно текст на древнем оскском языке (языке италийских племен). На следующем сеансе гипнотизер попросил его вспомнить, при каких обстоятельствах он познакомился с этим текстом, и тогда стало ясно, что речь идет не о какой-то его предыдущей жизни, а о походе в библиотеку. Выяснилось, что этот человек (это была женщина), сидя в библиотеке, случайно бросил взгляд на книгу соседа, и этого было достаточно. Этот эксперимент был проведен доктором Гарольдом Розеном из Торонто, а финский исследователь Рейма Кампман, преподающий в университете города Оулу, проводил нечто подобное несколько раз (189).

Именно этой проекцией подсознания на письмо профессор Скепис и объясняет географические надписи, засвидетельствованные у Натуцци. Однако трудно с ним согласиться до конца: многие надписи и рисунки со всей очевидностью свидетельствуют о том, что они появились без какого бы то ни было вмешательства Натуцци Эволо. Приведу один случай. «Четыре или пять лет назад я был в гостях

у Натущы, она разговаривала с другим человеком, а я, сидя неподдалеку, увидел на столе сложенный платок, который Натуща, наверное, только что там оставила. Я посмотрел на пятна крови на платке и подумал: “Ну вот, на этот раз ничего не проступило!”. Но тут я заметил, как кровь начала двигаться, как ртуть, и не мог понять, где она — внутри платка или снаружи, в самом платке или на нем: но я хорошо видел, как появляется изображение облатки с надписью IHS, а затем и вся дароносица. Я был ошеломлен и не смел коснуться платка. Когда все это происходило, Натуща, как я уже сказал, спокойно продолжала беседу» (190).

Профессор Маринелли утверждает, что в таких случаях действует некая внешняя сила, никак не зависящая от Натущы. Я считаю, что он совершенно прав. Я также хорошо знаю, что полтергейст тоже дает о себе знать в присутствии весьма своеобразных людей, которые, однако, совершенно не собирались вызывать его своей волей. Чаще всего это подростки, находящиеся в периоде полового созревания, или люди, переживающие тяжелый психологический кризис. По-видимому, именно они и являются причиной таких явлений, но ответственность за это на них возлагать нельзя. Обычно они даже не сомневаются, что играют здесь какую-то роль, но на самом деле это ничего не объясняет. Что за сила действует в каждом конкретном случае? Откуда она берется? Кто ее направляет? Мы ничего не знаем об этом, и, утверждая, что здесь имеет место такая проекция, мы просто объясняем тайну тайной.

Но в случае с Натущей нельзя говорить даже об этом. То, что появляется через ее кровь, — не нечто нейтральное и бессмысленное. Речь не идет о каких-то беспорядочно распространяющихся пятнах: они образуют текст и рисунки — часто очень тонкие и четкие, символический смысл которых совершенно ясен. А между тем у Натущы Эволо никогда не был книг, тем более на иностранных языках, на которых очень часто и появляются эти молитвы. У нее никогда не было возможности даже мимолетно увидеть тексты на еврейском, греческом и многих других языках. Совершенно невозможно предположить, что она знает эти тексты благодаря какой-то бессознательной телепатической связи с людьми, владеющими этими языками, и что она бессознательно проецирует их вовне благодаря какой-то силе, которую тоже не знает.

Обычно с методологической точки зрения самое простое научное объяснение является самым хорошим. Зачем же в таком случае постоянно выдумывать новые разгадки? Почему нельзя допустить, что в данном случае речь идет о разумной, но потусторонней силе, ко-

торая остается незримой для нашего мира, но тем не менее взаимодействует с ним? По крайней мере это не выглядело бы априорным и в то же время абсолютным непризнанием иных сил, иного разума и иного измерения, отличного от всего того, что на сегодняшний день известно науке.

Но как только мы согласимся, что все эти гомограммы производит некое сознание, не зависящее от Натущцы Эволо, нам придется пойти еще дальше. При желании в этих надписях и рисунках можно усмотреть действие каких-то внеземных цивилизаций, которые используют наши религиозные убеждения для осуществления своих целей. Там могли бы считать те уфологи, которых я знаю: они стремятся свести все паранормальные явления к деятельности наших космических братьев.

С другой стороны, если следовать спиритической версии, можно было бы приписать всю эту гомографию душам уже умерших, но доброжелательно настроенных людей. Есть и другой вариант: можно считать, что так поступают те умершие, которые, поначалу укрепляя в нас нашу христианскую веру, делают это лишь для того, чтобы потом сильнее ее высмеять.

В любом случае надо признать, что здесь действуют неведомые нам силы, и если рассматривать все происходящее в его собственном контексте, т. е. в контексте всей жизни Натущцы, тогда придется признать, что все это имеет религиозный смысл. Какой бы ни была вторичная причина, производящая эти рисунки и тексты, в конечном счете все восходит к воле Бога, который дает нам эти знаки.

ВРЕМЯ ИСПЫТАНИЙ

Постепенно Натуща стала знаменитой. Одни считали ее святой, другие истеричкой, но и то, и другое привело к тому, что любопытствующие начали просто докучать ей. Отец Джемелли уговорил епископа Альбера провести медицинское обследование, и около двух месяцев Натуща провела в психиатрической больнице, где ее случаем занимался психиатр Аннибале Пука (191). Был проведен целый ряд клинических исследований и психологического тестирования: оценивали уровень ее умственного развития, степень концентрации, быстроту реакции, сопротивление постороннему усилию, способность распознавать формы, звуки и т. д. По завершении обследования профессор Пука никак не смог объяснить ставший столь известным феномен гемографии, но, оставаясь человеком, действия которого диктуются не столько логикой, сколько его страстной приверженностью материализму, он заявил, что если бы его коллега Никола Пенде провел свое обследование, он наверняка доказал бы, что в данном случае речь идет о «невротическом феномене разнородного и множественного самовнушения» (192).

И вот что еще весьма примечательно: тот же профессор Пука, а заодно с ним и другие врачи, со всей уверенностью заявили, что эти необычные явления исчезнут, как только Натуща выйдет замуж (193). Однако дальнейшие события показали, что они были неправы. Но дело в другом: совершенно ясно, что эти явления озадачили ученых, однако они не стремились их объяснить, а просто хотели, чтобы больше ничего такого вообще не происходило. Но даже если бы все это прекратилось, никто не стал бы отрицать, что все это действительно было и что это бывшее самим фактом своего наличия поставило перед наукой огромную проблему. Вместо того чтобы просто закрывать глаза и ждать, когда все само собой исчезнет, этим врачам надо желать, чтобы подобные явления, наоборот, длились как можно дольше, чтобы они могли как следует их изучить. Кроме того, здесь чувствуется панический страх перед тем неведомым, которое как будто грозит поставить под вопрос все привычные представления о нашем мире. Вдобавок возникает подозрение, что как только эти явления

прекратятся и наметится смутная связь с сексуальной проблемой, эти уважаемые ученые тут же успокоятся и завершат свои исследования. Но даже если здесь и присутствует какая-то сексуальная фрустрация, все равно такие фантастические явления представляют огромный вызов всему сегодняшнему знанию о мире.

«Все мне говорили, что я больна, — вспоминает Натуща, — и убеждали меня, что надо лечиться. Заведующий больницей обращался со мной как с безумной истеричкой, но сестры меня очень любили. Они давали мне свои платки и все спрашивали, действительно ли я вижу умерших. И все-таки у меня остались плохие воспоминания о тех двух месяцах, которые я провела в этой лечебнице. Санитары отнимали у меня булавки, иглы и даже заколки для волос: они думали, что я тайком прокалываю ими кожу и кровью делаю рисунки на платках, которые сестры давали мне каждый вечер, а по утрам забирали.

В эти два месяца умершие приходили ко мне в любое время дня, и сестры говорили, что я довольно часто разговаривала с ними, особенно ночью. Смеясь надо мной, профессор Пука спрашивал, почему я никогда не прихожу к нему, когда он спит, и почему не посылаю к нему умерших, которые разговаривают со мной. Как будто я сама решала, когда мне их видеть и разговаривать с ними или приходиться к людям!».

Много раз Натуща говорила своим сестрам, что хочет уйти в монастырь. Для нее это была единственная возможность оставить материнский дом, вести более спокойную жизнь и никому не быть в тягость. Но сестры отвечали, что она неграмотна, и потому никакой монастырь ее не примет. Кроме того, такое странное решение якобы всех беспокоит. Сначала ей надо научиться читать и писать, терпеливо дожидаться, когда она выздоровеет, и вот тогда, наверное, ее просьбу услышат (194).

«Я выписалась из больницы и вернулась домой, но здесь все считали меня больной, бедной, взбалмошной истеричкой, а для многих я вообще была сумасшедшей. Я видела, что люди смотрят на меня с жалостью, а я нуждалась во всем — ведь у меня не было своего дома, не было семьи, которую я так хотела иметь, и мне даже нечего было есть. Я чувствовала, как из меня уходит сила жить, но больной я не была. Мне лишь очень хотелось делать добро. Мадонна, которую я видела наяву, заверила меня, что все меня очень любят, а умершие, которые постоянно говорили со мной, обещали помогать и молиться за меня. И они меня не обманули...» (195).

К рождеству 1940 года у Натущы неожиданно загноилась правая подмышка. Доктор Доменико Наккари вскрыл нагноение, перевязал

рану, и, заметив, что над левой грудью имеется кровавый выпот, сделал бандаж, скрепив его в двух местах, так что вся повязка шла от одной подмышки к другой, закрывая грудь. Когда наступило время перевязки, он снял бандаж и с удивлением увидел, что в том месте, где бинт закрывал сердце, появились слова незаконченной молитвы. Когда же он в положенное время снимал вторую повязку, на том же месте он увидел ее продолжение. Потом это повторялось еще четыре или пять раз. Молитва была обращена к Младенцу Иисусу. Доктор Наккари поставил подпись на каждом бинте, а потом их взяла на хранение сестра Паолина, аббатиса приюта Непорочного Зачатия, находящегося в Вибо-Валентии (196).

В 1942 году Натущу приютила Джузеппа Реттура, ее бабушка по материнской линии, хотя сама она по-прежнему продолжала заботиться о младших братьях и сестрах. Несколько раз она просила священников помочь ей вступить в религиозную общину, но всякий раз ее отговаривали (197), а между тем уже подступил ее брачный возраст. Женихов было много, но она не испытывала никакого желания выходить замуж.

НАТУЦЦА, МЕДИУМ НА ВКЛЮЧЕНИИ

Наконец, Натуща влюбилась в молодого человека — столяра Паскуале Николаче, и 14 августа 1943 года, когда ей исполнилось девятнадцать лет, они поженились. Брак был заключен по доверенности, потому что в это время жених служил в армии. Церковное благословение молодые получили только двенадцатого января следующего года в церкви Святой Марии в Паравати (198). Некоторое время Натуща боялась, что, выйдя замуж, нарушила Божью волю.

Через пять дней их совместной жизни, 17 января в три часа пополудни Натуща, войдя в экстаз, увидела перед собой Мадонну, Христа и святого Иоанна. Перепугавшись, она начала плакать, и тогда Христос сказал ей: «Почему ты плачешь?». «Я подумала, — ответила она, — что, выйдя замуж, я больше не достойна твоей любви, — мне не надо было этого делать...».

«Я всегда любил тебя, — ответил Господь, — и буду любить еще больше, если ты исполнишь свой долг жены и матери. Но смотри: я даю в твои руки свежие, благоухающие цветы — и горе тебе, если ты не сумеешь их сохранить» (199).

Интересная деталь: Натуща говорит, что пока длилось это видение, комната была омыта голубоватым светом, а когда Христос исчез, в домике послышались далекие раскаты грома. Это наверняка заинтересует всех специалистов в области НЛО и внеземных цивилизаций — особенно тех, кто во всех религиозных феноменах видит лишь стремление параллельных миров обмануть нас, используя наши религиозные верования. Что касается меня, то я уже имел возможность убедиться: наши умершие родственники, по-видимому, связаны с внеземными сущностями (200). Но не надо все валить в одну кучу. В рассказе, который я только что привел, речь идет лишь о явлении, а не материализации, а когда Натуща начала видеть мертвых, она сначала увидела Христа, Святую Деву и различных святых, причем не всегда этому сопутствовали раскаты грома. Можно сказать, что практически вся ее жизнь полна таких видений, и, как мы увидим, ее беседы со Христом и Святой Девой продолжались даже тогда и особенно тогда, когда она переживала Христовы страдания. Когда же,

встретившись с нею во второй раз, я спросил, не думает ли она, что, как считают некоторые, ангелы и взнезменные сущности — одно и то же, она тотчас ответила: «Между ними нет ничего общего!».

Когда началась война и молодого мужа призвали в армию, Натуща пошла работать горничной к Анне Лауреани. Случаи транса и гемографии продолжились и даже усилились, становясь все более впечатляющими.

Но в это время проявилось и нечто новое: Натуща стала впадать в глубокое забытие, однако оно сильно отличалось от спиритического транса и тем более от транса, возникающего при ритуалах Вуду или кандомбле. Никакого помрачения, никаких судорог, никаких беспорядочных движений: просто она сразу теряла сознание, ее тело застывало, не чувствовало уколов, а чуть погодя ее устами начинали говорить умершие. Она становилась тем, что потом точно назвали «медиумом на включении». Речь идет о явлении, которое отличается от всего того, что мы видели до сих пор. Во время таких трансов Натуща больше не повторяет того, что ей говорит ее ангел-хранитель: теперь ее устами напрямую говорят сами умершие. Тембр голоса может быть самый разный, и родственники узнают в нем своих покойных родителей или друзей. Бывает, по голосу нельзя понять, кто говорит, но ясно одно: это не голос Натущы. Почти всегда говорящие этими голосами не называют своих имен и никак не определяют себя (201). Натуща может говорить на разных языках, хотя сама их не знает. Интонация, стиль речи, ее фразы и обороты, а также лексика могут сильно меняться — в зависимости от происхождения и характера покойного, который через нее говорит.

Сначала транс случался два-три раза в день, и люди стали приходить к Натуще в надежде, что через нее они встретятся со своими дорогими умершими родственниками. Врачи и особенно профессор Пука, всегда стремившиеся доказать, что все это — лишь проявления истерии, считали, что все пройдет, как только Натуща выйдет замуж. Однако все оказалось не так.

А теперь послушаем, что говорит адвокат Сильвио Коллока. «Однажды — в конце 1943 или в начале 1944 года — я был на маслозаводе в Паравати, и тут меня позвала моя кузина Аннина Лауреани: она сказала мне, что Натуща снова впадала в транс. Я сразу поднялся к сестре и увидел, что Натуща сидит в салоне, облокотившись на подлокотник дивана: голова на руке, глаза закрыты.

Едва я вошел, как она сказала мне серебряным голоском ребенка: «Входи, входи». Подойдя ближе, я спросил: «Кто ты?».

«Я твой дядя Сильвио».

Я был ошеломлен. Как дядя? Этот ребенок? Потом я понял, что речь шла о брате моего отца, который умер в восемь лет: в 1873 или 1874 году, т. е. почти семьдесят лет назад. Я совсем не думал о нем. Я начал говорить с ним: спросил о тете Стелле, которая вместе со своим мужем, консулом Симонетта, отправилась в Тарвизио. В ту пору высадились американцы, Италия была разделена надвое, и мы уже ничего не знали об этих родственниках. «Не беспокойся, с ней все хорошо, она ни в чем не нуждается, — не тревожься», — заверил меня голос. И действительно, позднее мы узнали, что с моей сестрой все в порядке. Пока ребенок говорил со мной, мой шурин Армандо Макри хотел прикоснуться к Натучце, но тут серебряный голос сказал: «Ее бесполезно трясти: ты хоть в окно ее выброси — она все равно не проснется». Я спрашивал его о других вещах, и всегда он давал точные ответы, но в какой-то момент сказал: «Прощай, время закончилось, я должен уходить. Как-нибудь пойдй и причастись за меня» (202).

Семья легко переносила все происходящее: к этому уже привыкли. «Муж относится ко мне как к нормальной женщине — не видит ничего исключительного», — говорит Натучца. Так же вели себя и пятеро ее детей, родившихся с перерывами в два-три года: Сальваторе, Антонио, Анна-Мария, Анжела и Франческо. Поначалу, правда, она немного боялась, что не сможет совместить обязанности жены и матери с этими необычными дарами.

Семья Натучцы жила очень бедно. Когда война окончилась, они поселились в собственном доме, правда, очень бедном и маленьком. В нем было два этажа, но они жили только на первом. Дом был окружен деревянной изгородью, внутри которой росли плющ и розы. С обеих сторон входной двери — пальма: одна — молодая и стройная, другая — просто замшелый ствол. На обеих — почти никаких листьев. Дверь всегда открыта — до поздней ночи. Входили не стучась — как к себе домой. Первая комната — совсем маленькая, четырехугольная. Это столярная мастерская, в которой работает Паскуале: три-четыре уже выструганных стола, куча стружки, топор, рубанок. Работа была не всегда. Первые годы семейной жизни — пока рождались дети — были довольно тяжелыми, полными лишений. Однако Натучца, по доброму относившаяся к людям, никогда не брала денег и подарков. Когда работы совсем не было, гостей обычно принимал Паскуале — всегда со своей мягкой улыбкой (203).

Вторая комната была предназначена для всего сразу: это и собственно комната, и столовая и гостиная. Налево от входа — комод, двуспальная кровать, в углу — кушетка. Вдоль правой стены — несколько

соломенных стульев и сундуков из пихты. Вот и вся мебель. Можно упомянуть изображение Мадонны и гравюры, изображающие крестный путь Спасителя.

В доме всегда было полно народа, но с трех-четырех часов пополудни люди просто валили валом, чтобы послушать «радио с того света». Весной и летом — с девяти до одиннадцати вечера, зимой — с половины седьмого до половины девятого. Кто пришел раньше, усаживались на стулья и сундуки, остальные теснились в первой комнате. Феномен транса закончился в 1958 году, когда на теле Натуццы стали появляться знаки Христовых страстей — стигматы.

ВЕСТИ ИЗ АДА И ЧИСТИЛИЩА

Вот какие вести устами Натущцы доносились из области потустороннего страдания:

«О, если бы мы могли вернуться на Землю! Мы были бы готовы терпеть всякое страдание, лишь бы спастись. Как мы были бы счастливы, если бы избавились от этой ужасной муки, которая нескончаема, как песчинки на морском берегу! Одни горят в вечном огне, потому что отрицали существование Бога, другие — потому что не просили прощения за свои грехи» (204).

А вот как адвокат Сильвио Коллока рассказывает о голосе из ада:

«Я услышал хриплый и скорбный голос старика: “Дорогой племянник, — сказал он мне, — я твой дядя”. Это был один из моих родственников — масон, который умер, отказавшись от помощи священника и не причастившись. “Я страдаю, — добавил он, — для меня нет надежды, я осужден на вечный огонь, и надежды нет. Мне осталось лишь одно — жестокие, ужасные страдания» (205).

В другой раз умерший сказал Натущце, что он осужден на огонь чистилища. Видя, как радостно он улыбается, Натущца подумала, что, по крайней мере, на время своего появления перед нею он освободился от своего наказания. «Нет, — сказал он, — огонь всегда со мной, и теперь, когда я говорю с тобой, он вокруг меня». «Но тогда он, наверное, не жжет, — ответила Натущца, — ведь если бы он жег, вы не выглядели бы так довольны и радостно. Я не могу вам верить». Сказав это, Натущца хотела подойти к умершему, но он сразу закричал: «Не подходи ко мне!». Почувствовав сильный жар, она испугалась и закричала: «Да, это правда!», и тут же получила сильный ожог гортани, который местный врач потом лечил сорок дней (206).

Натущца, как сказал мне Микеле Кордиано, так объяснила случившееся: это был не огонь, но на физическое тело он воздействовал так же, как настоящее пламя.

Приведу еще одно короткое свидетельство, которое даст мне возможность правильно оценить все сказанное. «Раздался глухой, гортанный, хриплый, сдавленный голос: “Я не назову своего имени,

я осужден на адский огонь за то, что погубил молодую девушку... Не совершайте ничего постыдного, не соблазняйте чужих жен, уважайте их»».

Остается лишь добавить, что если этот умерший предупреждает нас о том, чего не надо делать, чтобы не заслужить такую же участь, значит, здесь налицо акт милосердия и любви и, следовательно, этот человек не в аду, хотя и думает по-другому. Во время моего недолгого пребывания в Паравати Микеле Кордиано сказал: Натущца уверена, что в конце времен ад будет упразднен.

КАК НАТУЦЦА ВИДИТ АНГЕЛОВ-ХРАНИТЕЛЕЙ

Ангелы являются как дети лет десяти — только без крыльев. Они немного приподняты, полны света и очень красивы. Она говорит, что рядом с каждым из нас находится ангел-хранитель, но она, конечно же, видит ангелов только у живых людей. Эту оговорку она сделала непроизвольно, потому что одинаково хорошо видит как «живых», так и умерших. Они нас наставляют. Обычно ангел-хранитель находится по правую сторону, но у священников — по левую. Много раз она встречалась со священниками, которые не были в сутанах, но, увидев ангела на левой стороне, она сразу понимала, что перед нею священник. «Я целую ему руку, — говорит она, — а он спрашивает, как я догадалась, что он — священник» (207).

Ангелы-хранители облачены в белое или голубое. Она видит и других ангелов: очень красивых, с длинными, светлыми, вьющимися волосами. На вид им двадцать лет (208).

Не будем забывать, что видения, которые переживают мистики, всегда соотносятся с их психологией, т. е. с их эпохой, окружением и характером. Вы, наверное, заметили: в отличие от того, что видели дети в Фатиме, Натущца видит ангелов без крыльев. Если бы они явились ей так же величаво, как предстают в «Беседах с Ангелом», она, конечно, испугалась бы. Поэтому их вид согласуется с ее способностью восприятия, но весть все равно остается истинной.

БИЛОКАЦИЯ НАТУЦЦЫ

Со второй половины 1939 года, когда Натучца еще работала в семье адвоката Сильвио Коллока, у нее стали проявляться способности к билोकации, причем одинаково хорошо как в бодрствующем состоянии, так и во сне. Ее двойник покидал ее и — обычно в сопровождении уже умерших людей — она отправлялась к тем, кого знала или не знала. Потом она описывала все, что видела и слышала в таких путешествиях. Она могла совершать какие-то конкретные поступки, вполне конкретно воздействуя на наш материальный мир (209).

Приведем пример с кухней адвоката Сильвио Коллока — Джузеппиной. У нее только что родился ребенок, и вот однажды ночью, когда она собиралась покормить его, ей показалось, что она слышит шаги. Она подняла глаза и увидела Натучцу вместе с ее дедом Франческо Романо, давно умершим. Они стояли посреди комнаты, а потом направились к ней. Джузеппина задрожала от страха. Ее муж, бывший рядом с нею, заметил это и взял ее за руку, желая узнать, что случилось, но видение уже исчезло, и он просто не мог поверить, решив, что все это ей просто приснилось.

На следующий день он отправился к семейству Коллока и не успел раскрыть рот, как Натучца шепнула: «Я больше не приду к вам!». «Что ты имеешь в виду?» — спросил муж, делая вид, что не понимает. «Я больше не приду к вам, потому что ваша жена так испугалась, как будто увидела невесть что!». Затем, видя его недоумение, она подробно описала все происходившее: как Джузеппина, чтобы защитить ребенка от света, закрыла лампу почтовой открыткой; каким был цвет одеяла, в которое она завернула младенца, и т. д. Все совпадало до мельчайших подробностей, хотя Натучца никогда не была у Джузеппины (210).

А вот другой история, случившаяся в октябре 1939 года. Каждое утро Джузеппе Мамоне вставал в пять часов, чтобы успеть на поезд в Вибо Валентия, где он учился в школе. Но в ту ночь он вдруг проснулся и спросил у матери, сколько времени. Синьора Франческа включила свет в своей комнате, посмотрела на будильник на ночном столике и сказала, что уже пять часов: пора вставать, чтобы не опо-

здать на поезд. Но Джузеппе, чувствуя, что не выспался, решил сам посмотреть на часы. Придя в комнату матери, он увидел, что на самом деле лишь двадцать пять минут первого: мать перепутала стрелки. Мальчик вернулся к себе и заснул.

Но для Франчески этим дело не кончилось. Выключив свет и собираясь заснуть, она внезапно увидела у своей постели Натущу: та стояла в летнем платье, которого Франческа ни разу на ней не видела. «Что ты здесь делаешь? — воскликнула она. — Как ты вошла — ведь дверь закрыта?».

«Нет, она была открыта», — ответила Натуща, — а потом, взяв ее запястье, как будто желая пощупать пульс, спросила: «Не хотите ли вы встретиться с умершими?». Услышав такое, Франческа в ужасе воскликнула: «Пошла вон или я убью тебя!». Натуща исчезла, но Франческа просто не находила себе места. Может, ей это приснилось?

На другой день она отправилась к Сильвио Коллока, и у дома встретила Натущу, которая собиралась стирать белье. На ней было то самое платье.

Увидев ее, Натуща сразу спросила: «Как ваши дела, госпожа Чича?». «Да я убью тебя!» — снова воскликнула та. Испугавшись, Натуща убежала в дом и заперла дверь. «Почему ты спрашиваешь, как мои дела?» — крикнула ей вслед Франческа. «Потому что этой ночью одна старая женщина проводила меня к вам, сказав, что вы больны. Когда мы пришли, свет был включен, и мы не стали входить, а потом, когда вы его выключили, я подошла к вам, взяла за руку и спросила, как ваши дела».

«Неправда, — перебила Франческа, — ты взяла меня за руку и сказала: “Не хотите ли вы встретиться с умершими?”. И кто была эта старуха, с которой ты пришла?».

«Она живет напротив дома Наккари. Если вы хотите, я покажу вам дом, из которого она вышла».

Это была Марианна Кутулли, тетя Франчески, умершая два или три года назад.

Здесь ничего не говорится о том, что в момент своего визита Натуща находилась в своей кровати, да и сама она говорит, что дверь была открыта. Однако госпожа Мамоне убеждена, что дверь была заперта, и к тому же, по ее словам, Натуща не вышла из комнаты, а исчезла. Кроме того, нельзя не учитывать и присутствие старой женщины, давно умершей. Таким образом, мы имеем дело с биллокацией, а не просто видением: ведь Натуща взяла госпожу Мамоне за руку.

В следующем рассказе факт материального действия, которое Натуща совершает во время своей биллокации, становится еще более

очевидным. Натущца отправилась в Катандзаро навестить свою мать, которая лежала в больнице, но пришла слишком рано: к больным еще не пускали. Тогда она решила зайти к подруге, выпила с нею кофе, а уходя забыла на кресле свой платок.

Вечером подруга увидела его: это был тот самый платок, который Натущца надевает, когда идет в Церковь. Она сразу позвонила ей, чтобы та не волновалась: платок на месте и при первой возможности она передаст его в Паравати. Но на другой день она его не нашла, и никто в доме не знал, куда он делся. Тогда, позвонив Натущце, она с досадой сказала, что платок таинственным образом исчез. «Не беспокойся, — ответила Натущца, — сегодня утром, еще до начала мессы мне показалось, что я зашла к вам. Я заметила платок и взяла его» (211).

Натущца говорит, что сама она никогда не вызывает билочаию. «Ко мне приходят усопшие или ангелы и ведут меня туда, где мое присутствие необходимо. Я прекрасно вижу, где нахожусь: могу все описать, могу говорить и быть полезной тем, кого вижу. Я могу открывать и закрывать двери, могу действовать. Я здесь, у себя: я разговариваю с родственниками и тут же чувствую, что я в другом месте, где так же говорю и действую.

Билочаия — это не фильм, который смотрят в кино или по телевизору. Я на самом деле нахожусь именно в том месте, которое посещаю. Я остаюсь там ровно столько, сколько мне надо, чтобы сделать свое дело, — несколько секунд или минут. Я прекрасно сознаю, что мое физическое тело находится в Паравати (или в каком-нибудь другом месте, но не в том, которое я сейчас посещаю), но получается так, как будто у меня есть другое тело. Так бывает и ночью, когда я сплю, и днем, пока я с кем-нибудь говорю или что-то делаю. Иногда я ошибаюсь: весть, которую должна была сообщить далекому человеку, на самом деле говорю тому, кто в данный момент физически находится передо мной. Часто я просто не знаю, куда иду, если только раньше уже не была там. Имя и город, куда я направляюсь, мне говорит мой сопровождающий: он делает это по моей просьбе или просто так. Недавно я была в Женеве, в другой раз — в Лондоне. По-моему, времени на это ушло не много. Я мгновенно оказываюсь в нужном месте — независимо от расстояния. Отправляясь к кому-нибудь, я прямо оказываюсь в его комнате, а чаще — в соседней. Я просто открываю и закрываю двери. Я никогда не ощущала, что прохожу сквозь стены или перегородки: я сразу оказываюсь там, куда мне надо. Порой я оказываюсь на улице или во внешнем пространстве. Когда я так путешествую, я не смотрю сверху вниз, как если бы я летала: мне кажется, что это путешествие совершается не в физическом, а в духовном мире. Но, с другой сторо-

ны, я не прохожу по туннелю и никогда не видела никакой серебряной нити между моим физическим телом и духовным.

Иногда я могу перемещать материальные предметы между тем местом, где я была, и тем, где находится мое физическое тело. Например, оказавшись на улицах Никастро, я встретила женщину, которая хотела дать мне три пряника. В это же время я была в Паравати, собиралась поговорить с несколькими гостями, когда вдруг увидела, что в моих руках — три пряника.

Мне довелось узнать и трилокацию. Я оказалась в двух местах в одно и то же время, и в обоих меня видели разные люди.

Души, с которыми я встречалась, говорили мне, что билочакия совершается только по воле Божьей и с вполне определенной целью» (212).

Одно явление не исключает другое, и потому во время билочакия мог проявляться и феномен гомографии: например, на простынях или подушке.

Однажды в 1972 году, на святую седмицу госпожа Анна Косентино, едва улегшись в постели, вдруг увидела, что у ее кровати сидит Натуща. Испугавшись, она закрыла голову простынями, а на утро, застилая постель, увидела, что на простыне кровью начертан рисунок, рассказывающий о Христовых Страстях: копьё, бечевка, гвозди и другое копьё, пронзающее сердце. Сама Натуща описывает это так:

«Около одиннадцати часов вечера, когда я уже собиралась ложиться, мне показалось, что я нахожусь в Вероне, у госпожи Косентино. Это было лишь какое-то мгновение. Я увидела госпожу в кровати, улыбнулась ей, а когда она, испугавшись, спряталась под простынями, я подошла поближе и попыталась снять простыни, чтобы успокоить ее. Но тут на них упали несколько капель крови, меня это раздосадовало, но представший передо мною Иисус грустно сказал: “Не тревожься, я явлюсь в твоей крови, чтобы все увидели, узнали и уверовали”.

На следующее утро, едва проснувшись, я сразу рассказала детям о том, что случилось ночью, и просила, чтобы, если зазвонит телефон, они позвали меня: я была уверена, что кто-то даст о себе знать. Так и вышло: не было и восьми, когда какой-то господин, не называя себя, спросил по телефону, не перемещалась ли я куда-нибудь нынешней ночью. Я ответила, что, по-моему, перемещалась, и только после этого он назвал свое имя: адвокат Косентино, муж госпожи Анны.

Через несколько месяцев он приехал ко мне и показал часть простыни со знаками Иисусовых страданий, начертанных кровью».

Итак, здесь мы еще раз убеждаемся в том, что билочакия вполне реальна.

СТРАСТИ НАТУЦЦЫ

А теперь поговорим об одном необычном явлении. Вот как о нем рассказывает сама Натущца, с привычной простотой отвечая на вопросы профессора Валерио Маринелли.

«Могу ли я спросить вас о том, какие чувства вы испытали, когда впервые увидели на себе стигматы? Вы испугались?»

— Нет, никакого страха не было. Ведь это началось, когда я была совсем маленькой. (И действительно, стигматы стали появляться, когда ей было около десяти лет) (213).

— Сколько лет вам было, не помните?

— Я была совсем маленькой... я... на ноге появилась дыра, и на руке тоже, но я не знала, что это стигматы. Я думала, что заболела.

— Это повторялось каждый год?

— Нет, до этого Иисус сказал мне: “Я обопрюсь на тебя пальцем”. И тогда появилось первое отверстие. Я подумала, что это просто здорово, — ведь меня коснулся Бог! Я была счастлива, потому что увидела Господа!

Потом, когда мне было лет пять или шесть, он сказал: “Я обопрюсь на тебя рукою”. И тогда на моем плече появилась рана. Я была довольна, я думала: “Господь опирается на меня!”.

Но, может быть, если бы я знала, что буду страдать от этого всю жизнь, может, я и не согласилась бы, я не знаю, не могу этого знать.

Понемногу у меня появились все остальные раны. Я всегда их принимала со смирением, с любовью, потому что Иисус утешал меня» (214).

Натущца показывает руки и продолжает:

«Эти маленькие дырочки, которые так сильно болят, словно кто-то колет меня длинной булавкой, — они появились в 1958 году. Я никому о них не сказала. Я старалась скрывать их даже от родных, а вскоре сказала, что раны на руках появились от тех моющих средств, которые я использую для стирки и мытья посуды. Какое-то время в году мне было тяжело ходить, и я сказала, что это просто гвозди в ботинках причиняют мне боль. Этих маленьких дырочек люди тоже не замечали: зимой их закрывали рукава, а во время

поста ко мне никто не приходил, потому что в этот период умершие не появлялись.

О моей ране в боку Паскуале узнал только в 1972 году, когда обнаружил в ванной большую запекающуюся кровяную корку. Тринадцатого июля 1972 года еще одна рана открылась на правом плече. Когда священник, желая остановить кровотечение, приложил к ней платок, на нем появились рисунки, которые появлялись и раньше» (215).

За несколько дней до наступления поста, Натуща испытывала сильную боль в руках, ногах и левом боку. В первый день поста на руках, ногах, левом боку и груди появлялись розовые пятна. На руках образовывались отверстия диаметром в половину сантиметра, окруженные другими, меньшими по размеру. На ладонях появлялись ранки в виде совсем маленьких точек. Потом из розовых пятен начинали сочиться капли крови: образовывались маленькие язвы, которые располагались очень плотно и почти все имели форму круга или овала небольшой глубины. Кровь текла весь пост: красная, смешанная с сывороткой. В пасхальное воскресенье раны затягивались и покрывались тонкой коркой, которая, отваливаясь, оставляла розоватые отметины. По словам очевидцев рана на боку была довольно длинной и глубокой — как от ножа, а раны на ногах и руках не были сквозными, как у Падре Пио и у Терезы Муско, — всего половина сантиметра. Рисунок, который образовывали маленькие дырочки, год от года слегка менялся, но на запястье уже много лет они образуют крест (217).

Свидетельства родных и врачей позволяют детально воссоздать участие Натущы в Христовых Страстях. В период поста географические рисунки и надписи увеличиваются и становятся особенно четкими. Страдания Натущы постепенно нарастают в среду, четверг и пятницу. Натуща вынуждена лежать в постели. Вот что пишет по этому поводу доктор Франческо Аччини де Флоренче — речь идет о Святом четверге 1992 года:

«10. 30 — четверг. Я собираюсь пойти к Натущце, где произойдет (или уже происходит) нечто такое, о чем я только слышал, но сам свидетелем не был. Натущца переживет в своем теле все Христовы Страсти, все его жестокие страдания, вынесет те же самые унижения и чуть ли не крестную смерть!

Я знаю, что это явление, столь необычное и ужасное, повторяется каждый день в Святую пятницу. С самого начала поста Натущца днем и ночью страдает от своих стигматов: каждый раз, когда мы к ней приходим, мы обнаруживаем на ее теле какой-нибудь новый знак Божьей воли.

В последние дни на ее лбу появился кровоточащий терновый венец, на левом колене — лик Иисуса, на правом — гостия с надписью IHS в центре.

На руках и ногах (точнее говоря, на лодыжках) хорошо видны следы от гвоздей, на запястье (там, где нащупывают пульс) — большой кровавый крест.

11. 30.

Около часа я просидел рядом с комнатой Натущы, в которой она уединилась для молитвы. Она много кашляет. Наконец, меня вводят в эту комнату, ее дочь помогает ей лечь в постель: страдания слишком сильны, чтобы оставаться на ногах.

В комнате два-три стула для родных и друзей. Натуща лежит в кровати, отвернувшись к стене; кашель усиливается и не дает покоя. Она лежит на боку лицом к стене и поджав ноги, но время от времени вытягивает их — наверное, от боли.

Дыхание учащается, кашель усиливается. Она не стонет: лишь изредка раздается еле слышное «ой».

Стигматы на руках видны очень хорошо: на правом запястье — три человеческих фигуры в длинных одеяниях; на левой ладони веером расположились три дырочки, а на запястье — отверстие побольше, откуда начинается, подымаясь вверх по руке, изображение кровоточащего креста.

На подушке, с которой она соприкасается правой щекой, видны длинные надписи: фрагмент молитвы на итальянском языке, а также еще какие-то фразы, начертанные, вероятно, на греческом.

Натуща больше не обращает никакого внимания на тех, кто вокруг: она целиком погружена в свое страдание и молитву» (218).

А теперь обратимся к другому доктору — хирургу Убмерто Коррапи из больницы города Никастро. Вот что он видел в страстную пятницу 1977 года:

«Я нащупал ее пульс. Он был слабый, нитевидный — слабый, но учащенный, как у человека, потерявшего много крови. Пульс был какой-то странный, и он не очень мне понравился. Не знаю почему, но я забеспокоился: мне казалось, что с минуты на минуту произойдет что-то почти непоправимое.

Раны на запястьях уже начали зарубцовываться, но на одном еще была кровь, которая попала на стену в тот момент, когда Натуща повернулась на кровати: на стене образовался крест величиной в шесть-семь сантиметров. Я уверен, что раньше этого креста там не было: его начертала капля крови, пролившаяся из запястья.

На коже головы тоже были большие и глубокие повреждения, которые кровоточили, но не сильно. На виске появилась другая капля крови, которая, падая на подушку, словно пером написала печатными буквами: “VENITE AD ME OMNES” («Приидите ко мне все... (Мф. 11, 28). Буквы были большие: полтора-два сантиметра величиной. Это произошло очень быстро, прямо на моих глазах, но я все-таки не понял, сколько времени на это ушло: я никак не ожидал, что смогу увидеть такое. Буквы появились одна за другой, но очень быстро: пером так быстро их нельзя было написать. Я совершенно уверен, что видел это собственными глазами и что прежде на наволочке ничего не было.

Все это глубоко взволновало меня, но больше всего мне хотелось наблюдать за Натущей. Она чувствовала себя то лучше, то хуже. Мы не хотели ей мешать, но, когда она пришла в себя, мы спросили, как она себя чувствует, и в какой-то момент она сказала, что у нее очень болит плечо.

Осмотрев ее правое плечо, мы увидели, как образуется гематома: это впечатляло с чисто медицинской точки зрения. Плечо становилось все более фиолетовым — до тех пор, пока гематома не сформировалась окончательно. Мы собственными глазами наблюдали биологический процесс ее образования: как будто на плечо, а точнее на вполне определенное место на нем, давило что-то очень тяжелое, в результате чего вокруг образовывался розоватый ореол; это была не рана, а именно формировавшаяся гематома, как будто что-то, не переставая давить, оставляло следы, похожие на ожог с волдырями и подкожной краснотой, которая, в конце концов, и привела к возникновению достаточно большой гематомы» (219).

Рассказ продолжает другой свидетель: доктор Марио Кортезе де Катанзаро, бывший рядом с Натущей в страстную пятницу 1973 года.

«Было около полудня, когда меня поразила гримаса отвращения на лице Натущы: она откинула голову назад, как будто ей предложили попробовать что-то смрадное. Мне тут же припомнился отрывок из Евангелия от Матфея: “И пришедши на место, называемое Голгофа, что значит: “лобное место”, дали Ему пить уксуса, смешанного с желчью; и отведав, не хотел пить» (Мф. 27: 33–34) (220).

А теперь вернемся к свидетельству доктора Франческо Аччини:

«Около двенадцати тридцати прибыли кюре Паскуале Бароне и другой священник, Микеле Кордиано. Став у постели Натущы (отец Паскуале сбоку, а отец Микеле у ее ног), они зажгли свечу, взяли освященную облатку и положили ее в урну, которую постави-

ли на ночной столик рядом со свечой. Анна-Мария, дочь Натущцы, приподняла мать на постели, и та причастилась.

Причастившись, Натущца снова легла, и оба священника начали читать псалмы (позднее я узнал, что это делалось для того, чтобы удалить возможные соблазны). Отец Паскуале читал псалмы, а отец Микеле, стоя у ее ног, держал в руках небольшое распятие, которым осенял Натущцу, безмолвно молясь.

Когда молитвы закончились, я понял, что Натущца переживает какое-то видение. Она лежала на постели, хрипела, задыхалась и кашляла, но ее взор был устремлен куда-то вверх, за спину отца Микеле. Застывшие руки были обращены ладонями вверх.

Во время общего молитвенного подъема Натущца бормотала какие-то слова, как будто обращаясь к собеседнику, которого видела только она.

Когда видение прекратилось, ее руки ослабли; она перестала задыхаться, закрыла глаза, но кашель возобновился. В комнате уже успела собраться вся родня и несколько друзей: все молились и плакали.

Я едва сдерживал свои чувства, а священники непрестанно читали псалмы. Время шло, и видения сменяли друг друга: иногда Натущца смотрела куда-то высоко вверх широко раскрытыми глазами, порой же ее взгляд не подымался выше роста человека и был направлен на правую сторону кровати (где никого не было).

С каждым новым видением диалог становился все напряженнее и драматичнее: страдания Натущцы постепенно нарастали. Иногда можно было различить какие-то слова. Когда видения только начались, она, сидя в постели и устремив взор вверх перед собой, раскинула руки и громко воскликнула: «Но я никогда не скажу тебе “нет”!»

Когда же видение заканчивалось, Натущца как бы расслаблялась (точнее говоря, приходила в изнеможение, сраженная усталостью), снова ложилась на постель (ей всегда помогала дочь), но вскоре опять начинала двигаться, метаться, трогать плечи и часто вскрикивать, как будто ее хлестали кнутом» (221).

А теперь вернемся к рассказу доктора Кортезе:

«Потом меня смутило прерывистое дыхание Натущцы: особенно с полудня и до половины третьего — время, когда распинали Иисуса. Выдох стал очень долгим, как будто ей было трудно выдохнуть воздух из легких, тогда как вдох был относительно нормальным. Я попытался дышать так же, но мне это не удалось, т. е. Натущца не делала этого намеренно, и к тому же она страдала от митральной кардиопатии. Поразмышляв об этом столь необычном дыхании,

я предположил, что так, наверное, дышали распинаемые: будучи не в силах выдохнуть, они умирали от удушья. И действительно, вес всего тела, висящего на руках, пригвожденных ко кресту, практически не давал диафрагме подняться, чтобы выдохнуть воздух из легких, и потому любая попытка вдохнуть свежего воздуха заставляла сильно страдать» (222).

Вернемся к свидетельству доктора Аччини: «Эта пытка прекращалась только на время очередного видения, а потом, когда видение прекращалось, все начиналось снова и протекало еще сильнее и ужаснее. В какой-то момент, созерцая новое видение, Натуцца воскликнула: “Господи, спаси этот мир! Я люблю тебя, люблю тебя...”. Говоря это, она разводила руками, как будто к кому-то обращаясь, а потом замолкала, словно слушала ответ.

В другой раз она сказала: “Я приду туда только с тобой”, а потом снова возобновилось бичевание и боль. Дыхание становилось все слабее, губы стали совсем сухими и растрескались. Вокруг все плакали.

Небесные видения перемежались адскими: “Нет, нет”, — повторяла Натуцца, кладя руки на голову. Она плакала и хватала за руку свою дочь, Анну-Марию, а та, не отходя от матери, шептала ей на ухо: “Не слушай его, не слушай, это ничего, все пройдет”. Священники непрерывно читали псалмы.

Искушения сменялись небесными явлениями (потом я узнал, что эта была Мадонна), и Натуцца, повернувшись к ней, говорила: “Удали его от меня навсегда”. Так и текли эти нескончаемые минуты, наполненные страданиями, видениями и искушениями. Паскуале, муж Натуццы, ее дети, племянники и прочие близкие люди, — все рыдали, всех охватила скорбь: всех, кто видел, как корчится от боли, задыхается и движется к смерти этот святой человек, которому мы никак не могли помочь. В комнате был еще один врач — женщина, а также сын Натуццы, Франческо, который тоже был врачом, но никто ничего не мог сделать. Единственное, что мы могли, — это молить Господа о том, чтобы он пощадил ее (223).

Был момент, когда она почувствовала себя очень плохо, и позднее мы поняли, что у нее было искушение; мы ушли — мы просто не хотели ей мешать, потому что она сильно страдала. Вот почему мы не прошли вместе с нею все этапы ее пути.

Позднее, когда все кончилось и мы задали ей кучу вопросов, она рассказала, что видела, как Иисус шел на Голгофу, неся на плече большое деревянное бревно. Потом его пригвоздили к этому бревну, а затем подняли на большую высоту — на уже установленный

столб. В конце этого видения она увидела Мадонну, а потом — вполне обычного молодого человека: он был одет по-современному и очень живописно рассказал ей, что в следующей раз она от этого умрет... что если она не остановится, с ее детьми произойдет нечто тяжкое ... и т. д.» (224).

Далее продолжает доктор Аччини:

«Примерно в тринадцать пятьдесят все резко ускорилося: Натуща несколько раз клала руку на левый бок, затем, внезапно согнувшись, она сильно вскрикнула, и мы увидели, что ее ноги вытянулись, застыли, и одна легла на другую.

Руки образовали прямой угол, ладони были повернуты вверх, и все тело Натущы стало, как камень, застыв в позе распятия.

В этот ужасный миг я чувствовал, как мое сердце неистово колотится в груди, а наша скорбь просто не знала границ.

Кто-то не мог больше оставаться в комнате и вышел на воздух. Перед нами лежал мертвый человек — человек, претерпевший бичевание и распятие, вынесший все муки Иисуса на Голгофе!

В течение нескольких минут Натуща лежала совершенно застывшей, практически мертвой. Женщина-врач, о которой я упоминал, подошла к ней, чтобы в этом убедиться. Мы все трепетали, моля Бога о том, чтобы Натуща снова к нам вернулась. Ее лицо стало каким-то зеленоватым, распухшим: она умерла от удушья. Потом в какой-то миг одна рука резко упала, совсем расслабленная, как будто ее освободили от креста, затем другая. Ноги тоже приняли нормальное положение, и появилось слабое дыхание, которого не было. Натуща не открывала глаз, но было видно, что она счастлива, хотя и совершенно обессилена.

Было около четырнадцати часов. Никто к ней больше не подходил, потому что — как мне объяснили — ее снял с креста сам воскресший Иисус, а теперь он утешал ее за перенесенные ею страдания» (225).

«Около четырнадцати тридцати, — рассказывает доктор Кортезе, — Натуща затихла и несколько минут оставалась в забытии. Потом, повернувшись ко мне и всем, кто находился в комнате, она приветствовала нас, как будто впервые увидев» (226).

А вот что рассказывает доктор Аччини о страстной пятнице 1992 года: «Приблизительно через полчаса я вернулся посмотреть, как она себя чувствует. Она улыбалась, но лицо было распухшим и еще зеленоватым: на нем ясно читались следы перенесенного страдания.

Когда стало ясно, что испытание миновало и Натуща снова с нами, изможденная, но живая, кюре отправился на приход сооб-

щить благую весть верующим, которые всю вторую половину дня провели в церкви, молясь за Натуццу и с тревогой надеясь на то, что все будет хорошо, — ведь им очень важно, чтобы Натуцца была рядом и наставляла своими советами» (227).

Профессор Маринелли вполне обоснованно обращает внимание на одну очень характерную деталь. В 1973 году через несколько дней после предпасхальных страданий, пережитых Натуццей, доктор Кортезе спросил ее, не похож ли крест, который Христос нес на Голгофу, на кресты, которые мы видим в церквях. «Нет, — ответила она, — он похож на балку; когда мы поднялись, мы увидели другую его часть, вбитую в землю». Слова «мы поднялись» и «мы увидели» хорошо показывают, что она всем своим существом участвовала в Христовых Страстях, воочию их видя и всецело претерпевая.

Во время поста и даже во время страстных видений ей очень часто приходилось разговаривать с Христом и Святой Девой.

ДЬЯВОЛЬСКОЕ НАПАДЕНИЕ И ЧУДЕСНОЕ ИСЦЕЛЕНИЕ

Однажды Натуща почувствовала сильную слабость: причиной, конечно же, был пост, а также колющие боли от ран, которые вот уже несколько дней как появились на ее запястьях.

По телефону позвонил священник: он звал ее в церковь причаститься. Она ответила, что чувствует себя не очень хорошо, и тогда священник сказал, что принесет ей Святые Дары домой. Он так и сделал и, причастив Натущу, ушел. Она закрыла дверь, но вскоре заметила в комнате какого-то человека: тот начал выть, богохульствовать и кричать, что нападет на этого священника, на этого подлеца, эту сволочь и т. д.

«Неправда, — возразила Натуща, — это хороший священник, святой человек; наверное, вы его просто не знаете, потому что вы не отсюда».

Она была уверена, что говорит с каким-то пришельцем, которых было немало, но, вспомнив, что сама только что заперла дверь в доме, поняла, что этот человек — дьявол, и воскликнула: «Иисус, Святая Мадонна, помогите мне!».

Услышав это, дьявол так сильно ударил ее по ноге, что Натуща почувствовала ужасную боль, а нога начала пухнуть.

Муж подумал, что жена упала и повредила ногу. Он начал растирать ее яичным белком, а потом решил, что надо поехать в больницу и сделать рентгенограмму. После бессонной ночи Натуща с мужем ожидали шофера, но внезапно она увидела перед собой Падре Пио. С улыбкой глядя на нее и не говоря ни слова, он наклонился и нежно погладил ее ногу, а потом исчез, но вместе с его исчезновением исчезли опухоль и боль в ноге.

Невозможно сосчитать, сколько раз Натуща была вынуждена терпеть присутствие дьявола — ведь он постоянно докучал ей и запугивал, делая это даже посреди бела дня, когда она была в полном сознании. Он бил ее и бросал на землю, нередко нанося изощренные раны (228).

РАДОСТЬ НАТУЦЦЫ

Однако радость Натуццы все-таки брала верх. В одном из видений Иисус сказал ей: «Ты много пострадаешь в теле своем, но какой радостью исполнится дух твой». Однажды Натуцца сказала: «По правда сказать, я не страдаю: я счастлива, потому что по-прежнему люблю людей и говорю слово утешения тем, кто страдает» (229).

И действительно, общаясь с нею бесчисленные посетители видели ее веру и РАДОСТЬ. Но тайна самой Натуццы, исток ее радости — это любовь к Богу и радость от участия в деле любви.

А теперь мы попытаемся прикоснуться к этому истоку, обращаясь к тем знамениям, которые Божьи деяния оставляют нам на земле, когда борьба Христа против сил зла достигает своей вершины, когда Божья любовь побеждает эти силы, подчиняясь им и давая возможность восстать против нее, хотя легко могла бы их сдержать. Мы найдем только следы этой борьбы, но мы знаем, что там, в потустороннем мире, именно Любовь пожелала этой борьбы и направляла ее — ту борьбу, важнее которой нет ничего на свете (230). Но тут каждый решает сам.

СЛЕДЫ ХРИСТОВЫХ СТРАСТЕЙ

ТУРИНСКАЯ ПЛАЩАНИЦА (231)

Незначительная тайна?

Проблема подлинности Туринской плащаницы (232) очень редко оставляет равнодушным: она из тех проблем, вокруг которых разгораются нешуточные страсти. И, как мне кажется, не без причины: ведь если в нее действительно облачили тело умершего Христа, тогда она столь необыкновенна, что может послужить истинным доказательством его воскресения, а оно, в свою очередь, может дать нам много серьезных свидетельств в пользу его божественной природы. Ясно, что такие исследования для кого-то принципиально важны, а других могут просто выводить из себя. Одним словом, Христос не перестает быть знаменем раздора.

Это знамение сбивает с толку многих «богословов». Как правило, не дерзая сказать об этом открыто, они занимают более эlegantную позицию, изображая полное равнодушие. Но сама наигранность, с которой они его изображают, уже говорит о том, что это лишь более тонкое ухищрение. Это позицию занимают многие духовные лица — конечно же, боясь, что если чудо плащаницы таковым не окажется, это приведет к духовному кризису у всех, кто слишком надеялся на ее подлинность.

Этим, наверное, объясняется та точка зрения, которую в 1996 году, видя, как некоторые ученые пытаются доказать подлинность плащаницы, высказал отец Жан-Мишель Мальдаме, монах-доминиканец и декан философского факультета Католического института города Тулузы. В данном случае меня интересует не его мнение, которое на сегодняшний день во многом устарело, но то раздражение, которое сквозит в его оценке деятельности этих ученых. Отец Мальдаме говорит о «настоящей кампании», которую ведут эти исследователи, «молящиеся на саван» и «множащие свои семинары и публикации»,

и тут же с удовольствием подчеркивает, что «согласно другим ученым “тут просто не на что тратить время и деньги”». И, по-видимому, его это очень радует (233).

Если вера какого-нибудь священника, философа или теолога не зависит от подлинности или неподлинности Туринской плащаницы, то за это его можно только похвалить и порадоваться, но если ему все равно, была ли она подлинной или нет, то это говорит о черствости, которая вызывает удивление — тем более у священника или богослова. Мне гораздо ближе настрой Пьера Барбе, который более двадцати лет своей жизни потратил на строго научное исследование всего, что связано с Христовыми Страстями, начиная со «Святой Плащаницы» (234).

Кроме того, я сожалею, что этот достопочтенный доминиканец не понимает простых вещей: для множества верующих или наполювину верующих мощное свидетельство в пользу подлинности плащаницы могло бы сильно помочь. Мне кажется, что вести себя так, как это делает он, значит показывать, что ты не очень хорошо понимаешь, каким трудом большинству из нас дается вера. Но на самом деле проблема еще глубже. Для отца Мальдаме — как и для большинства теологов, которые разделяют его позицию — верующие не просто должны обойтись без этой помощи: им надо понять, что она таит в себе опасность. Ведь получается, что она «умаляет содержание веры, превращая воскресение Иисуса в некое чудо в позитивистском смысле этого слова» (235).

Однако все зависит от того, как мы это чудо понимаем. В конце концов, мне кажется, что воскресение Христа вполне можно считать самым великим чудом, но рассуждения о «позитивистском смысле этого слова» показывают, что же на самом деле беспокоит этих богословов. Они считают, что воскресение должно быть предметом чистой веры, без опоры на конкретный факт и без какого-либо доказательства или даже позитивного, материального указания. С их точки зрения надо просто верить свидетельству апостолов — верить им на слово. И вера самих апостолов была бы еще чище, если бы они вообще не нашли гробницу пустой, а просто внутренне почувствовали бы, что Христос каким-то образом продолжает жить. Именно это и внушают нам многие экзегеты. К тому же они считают, что Евангелия в любом случае не восходят напрямую к апостолам или их ученикам: Евангелия возникли в жизни христианских общин спустя какое-то время и лишь отдаленно связаны с очевидцами жизни и смерти Христа (и мысль об этом нам все сильнее внушают экзегетические «изыскания»). Но тогда надо быть честным

и признать, что вся христианская вера покоится на одних только измышлениях какой-то кучки отъявленных лжецов.

Мне кажется, что Христос, жалея нас за наше маловерие, действительно дал своим апостолам «знамения», как об этом вполне ясно говорит святой Иоанн. Я даже думаю, что, изучая Христову плащаницу, наши исследователи участвуют в Божьем замысле: Бог позволил, чтобы все необычные знамения, касающиеся его плащаницы, а также некоторые другие вещи, связанные с его страданиями, были собраны воедино, — и позволил для того, чтобы укрепить нашу слабую веру, особенно хрупкую в это время. Как бы там ни было, надо знать одно: через эти знамения мы не приходим к самому воскресению, но лишь обретаем его следы, и поэтому нельзя говорить, что они «умалют содержание веры». Мир, в котором отныне живет прославленный Христос, не соответствует нашему миру, и именно эта новая жизнь и является предметом нашей веры. Но если можно доказать, что плащаница, хранящаяся в Турине, действительно была Христовой, если можно показать, что этот образ сформировался только благодаря стечению абсолютно уникальных, совершенно необычных обстоятельств, а его сохранение и передача на протяжении многих веков вплоть до нашего времени стала возможной лишь благодаря вмешательству самого Бога, вмешательству сдержанному, но постоянному, — тогда многие благодаря этому знамению поймут: вполне возможно, что и апостолы в свое время действительно нашли гробницу пустой. Именно глядя на эти знамения, святой Иоанн говорит нам, что он уверовал, а вот отец Мальдаме в знамениях не нуждается!

Впрочем, этот почтенный доминиканец — не исключение: многие богословы одинаково враждебно относятся как к исследованиям Туринской плащаницы, так и к рассказу о пустой гробнице. Уже в 1971 году Ксавье Леон-Дюфур заявил: «Заострять внимание на том, что труп Иисуса нигде не нашли и что пелены были свернуты, значит уводить слушателя от той вести, которую он должен услышать, и сводить Евангелие к рассказу о постороннем факте». И еще в том же духе: «Пустая гробница не является основанием для веры в Воскресение, даже второстепенным» (236). Ничего себе «посторонний факт»! Я, например, никаких похожих на него просто не знаю. Впрочем, в Евангелии от Иоанна есть один текст, на который я только что намекнул и который никак не согласуется с богословием достопочтенного отца. В этом тексте говорится о том, как повел себя апостол, увидев, что гробница пуста и пелены свернуты: «И увидел и уверовал» (Ин. XX, 8). Но Леон-Дюфур ловко выкру-

чивается, заявляя, что «смысл глагола “уверовал” спорен». Как бы я хотел, чтобы он действительно поспорил на эту тему! Но нет, во всем его труде, посвященном воскресению Христа и насчитывающем 345 страниц, этот текст — на мой взгляд, совершенно принципиальный, — вообще никак не комментируется.

Спору нет, наш мир не видел ни пустой гробницы, ни плащаницы, ни воскресения, и он ясно об этом говорит. Достаточно посмотреть, как средства массовой информации относятся к усилиям столь многих ученых, стремящихся исследовать все аспекты этой тайны.

«Ключья плащаницы» — под таким заголовком 23 апреля 1998 года появилась статья в журнале “L’Espresso”, посвященная этому вопросу. В подзаголовке говорилось: «Верящие в подлинность Туринской плащаницы возобновляют полемику». Когда знаешь, сколько людей были потрясены, созерцая плащаницу, и, в конце концов, вновь обрели веру, становится понятной вся эта ярость и исступление.

Многие священники, особенно теологи, надеются, что в атеистическом мире к ним станут лучше относиться, если они откажутся от чего-то на их взгляд незначительного, если расстанутся со всем тем, что в христианстве могло бы серьезно противостоять окружающему догматическому материализму. Они еще не поняли, что, ступив на такой путь, будут вынуждены отказаться вообще от всего и вся и совсем потерять свою уникальность — и все ради того, чтобы, наконец, добиться признания, о котором так мечтают. По-видимому, так случилось с кардиналом Баллестреро, хранителем плащаницы. Он никогда не верил в ее подлинность, и, наверное, потому очень легко позволил, чтобы им манипулировали невежи, наделенные, правда, престижным званием «ученых».

К счастью, не все священники таковы, и мы увидим, что некоторые из них очень деятельно участвовали и участвуют во всех исследованиях. Сам папа Иоанн-Павел II твердо верил в подлинность плащаницы и совсем не разделял точку зрения почтенного отца Мальдаме: 9 февраля 1994 года папа заявил: «Очень важно заняться Святой Плащаницей, ибо Господь оставил ее нам в дополнение к таинствам» (237).

Итак, знамение плащаницы сбивает с толку многих «ученых» и вообще материалистов, и у нас будет возможность в этом убедиться более детально, когда мы приступим к рассмотрению совершенно неправдоподобной датировки, производимой с помощью углерода 14. Но это же знамение тревожит и всевозможных эзотериков и оккультистов, потому что оно разительным образом ставит Христа гораздо выше Будды, Магомета, Конфуция и прочих мудрецов, пророков и учителей всех времен.

История

Итак, перед вами предстанет совершенно фантастическая, чудесная история, которая — увы! — полна ярости и крови, потому что она же — слишком человеческая. Эта история захватывает своими неожиданными перепадами, обрывами и возобновлениями, ее путеводная нить теряется и появляется снова, ее следы сбивают с толку, ее свидетельства неполны, в ней есть злодеи, которые плетут интриги, есть герои и маленькие гении, — одним словом, все как в «Имени розы», но только по-настоящему и гораздо значительнее.

Кроме очень серьезных свидетельств в пользу подлинности плащаницы меня здесь интересуют и другое: мне очень хочется пройти по тем следам, которые оставлены нам как будто в какой-то замысловатой игре, пройти по следам, которые надо открывать медленно и мучительно, открывать буквально на ощупь, но которые тем не менее существуют, хотя много документов исчезло навсегда.

КОГДА ИСТОРИЯ БЕЗМОЛВСТВУЕТ

У тех, кто не признает подлинность плащаницы, одним из самых сильных аргументов до недавнего времени было молчание исторических документов на этот счет. Казалось, лишь научное исследование может как-то подтвердить ее подлинность — но подтвердить только научно, а не исторически.

В действительности же путь, пройденный Туринской плащаницей, можно довольно точно проследить начиная с 1357 года. У нас достаточно свидетельств, чтобы проследовать по этому пути вплоть до 1389 года, когда она была выставлена для почитания верующими в небольшой коллегиальной церкви в деревушке Лире, близ Труа. У нас есть документы, рассказывающие о том, что в 1353 году ее начали строить, а 28 мая 1356 года освятили. Кроме того, мы знаем, что Жоффруа I де Шарни, который открыл ее, пал в битве с англичанами

19 сентября 1356 года. Однако в дошедшем до нас перечне реликвий, вверенных этой церкви, плащаница не упоминается. Вполне возможно, что только после смерти Жоффруа его вдова Жанна де Вержи решила выставить плащаницу для почитания.

С этого времени можно проследить всю ее историю. Мы знаем, как она попала в дом герцога Савойского, который привез ее сначала в Шамбери, а потом в Турин, где она находится доныне. Таким образом, начиная приблизительно с 1357 года больше никаких загадок нет. Но что было раньше? Где она находилась? Откуда пришла? Как оказалась в маленькой деревушке Лире? До недавнего времени все это было совершенно не известно.

КОГДА ДОКУМЕНТЫ НАЧИНАЮТ ГОВОРИТЬ

Сегодня ситуация серьезно изменилась благодаря кропотливому труду многих исследователей, которые довольно долго двигались в темноте, высказывая различные гипотезы, сопоставляя между собой редкие тексты, чтобы отличить подлинную историю от легенд, а также тщательно исследуя древние иконы и монеты, чтобы найти какие-либо аналогии с плащаницей (238). Решающим толчком, помогшим выбраться из тупика, стала гениальная догадка английского историка Яна Вильсона, который предположил, что Туринская плащаница и знаменитый «нерукотворный образ», который когда-то чтили в Эдессе, — одно и то же. Он высказал эти гипотезу на синдологическом конгрессе в Турине в 1978 году, и, наверное, в ту пору она удивила и заинтересовала других ученых. Впоследствии Ян Вильсон развил свое предположение в очень подробном историческом изыскании, к счастью переведенном на французский язык (239).

С тех пор ученые серьезно продвинулись в этом направлении, но исследования продолжают до сих пор, причем каждый специалист сосредоточен на своем аспекте работы. Можем ли мы предположить, что в Эдессе действительно почитали Туринскую плащаницу или речь идет о двух различных вещах? Есть периоды в истории плащаницы, когда вполне обоснованно можно говорить о двух или трех возможных направлениях ее движения в одно и то же время. Следовательно, всего мы не знаем, и, наверное, относительно некоторых периодов ее передвижения никогда не сможем говорить с полной уверенностью. Но некоторые документы, наконец, найдены, и по отношению к каждому столетию существуют определенные ориентиры, а это уже

немало. Этого, конечно, недостаточно, чтобы доказать подлинность Туринской плащаницы, но найденные точки отсчета уже годятся для того, чтобы устранить очень серьезное возражение, которое гласит, что если плащаница действительно подлинная, тогда почему на протяжении столь многих веков не сохранилось ни одного древнего текста, который говорил бы об этом. Теперь этот довод утратил силу, а это уже немало.

Каждый раз, когда следы начнут плутать и — при сегодняшнем уровне моих знаний на этот счет — появится множество гипотез, каждая из которых все еще заслуживает внимания, я буду излагать их максимально объективно. Но я вполне сознаю: любой исследователь решит, что я еще ничего не понял в его аргументации, поскольку постоянно уделяю внимание и другим аргументам.

Первый этап: Эдесса

КОГДА ТАЙНА СКРЫВАЕТСЯ ЗА ЛЕГЕНДАМИ

У нас, конечно, нет нотариально заверенных документов или донесения тогдашней «жандармерии», которые свидетельствовали бы, что апостолы благочестиво решили сохранить плащаницу. Тогдашние обстоятельства не располагали к таким действиям, и к тому же апостолы никак не предполагали, что со временем плащаница станет играть такую важную роль.

Пока мы имеем лишь несколько свидетельств — зыбких, но тем не менее существующих (240). В одном очень древнем тексте, написанном на арамейском языке и известном как «Евангелие евреев», кратко сообщается о том, как плащаница была сохранена. Сам этот текст, к сожалению, утерян, но о нем упоминают другие авторы и в частности Климент Александрийский, умерший до 215 года, а также Ориген, умерший приблизительно в 253–254 годах. Следовательно, речь идет о тексте, который, вероятно, был написан не позднее середины II века, а может быть, даже во второй половине I века. Святой Иероним Стридонский утверждает, что видел два экземпляра этого документа: один — в Кесарии, а другой — неподалеку от Антиохии, в Алеппо (Берея), где даже, наверное, переписал его.

Итак, согласно Иерониму этот текст гласит, что воскресший Иисус, «отдав пелены (*sindonem*) слуге жреца (*servo sacerdotis*), пошел к Иакову и явился ему». Больше «Евангелие евреев» ничего об этом не говорит. Дальше в нем повествуется об этом явлении Иакову. Тем не менее из текста следует, что Христос сам, после своей смерти и воскресения, явился какому-то человеку, имени которого не упоминается, — явился слуге «жреца». Какого жреца? Учитывая авторитет, который это Евангелие имело в кругу первохристианских писателей, мы не можем просто отбросить данное свидетельство. Отметим, что в нем речь идет о «пеленах», или плащанице, а о каком-нибудь «образе» ничего не говорится.

Евсевий Кесарийский (умер в 339 году) рассказывает о довольно древнем событии, которое вполне может соответствовать следующему этапу пути плащаницы. Незадолго до войны, закончившейся разрушением Иерусалима в 70-м году, первохристиане получили видение, в котором их призывали бежать из Иерусалима за Иордан, где римская власть не могла бы их достать.

У нас, наверное, есть подтверждение этому: в конце IV века Епифаний сообщает, что в городе Пелла, расположенном в заиорданской области, он встретил христиан, которые утверждали, что являются потомками тех самых беглецов (243). В то же время можно, наверное, вспомнить и о паломнике из итальянского Плезанса (о нем упоминает Мария Сильято), который приблизительно в 530 году посетил монастырь в долине Мертвого моря, где долгое время якобы хранилась плащаница Христа (244).

По-видимому, отправная точка первого большого этапа в путешествии плащаницы находилась гораздо ближе к северу, в Эдессе (сегодня это Урфа), небольшом городке на юго-востоке Турции, в ста километрах от сирийской границы. На первых порах все, чем мы располагаем, это тексты, в которых повествуется о некоей таинственной плащанице, хранившейся в этом городе. История довольно запутанная, и сначала кажется, что это легенда, но мы увидим, как с течением времени из нее вырастают подлинные факты.

Принято считать, что в самых древних текстах, которые дошли до нас, повествуется о переписке Христа и эдесского царя Авгаря V. Царь заболел проказой и, услышав от людей о Христе, творившем чудеса, попросил исцелить его. Однако в письмах ничего не говорится о каком-то изображении Христа.

Об этом в своей «Церковной истории» (начало IV века) рассказывает Евсевий Кесарийский, и обычно это сообщение рассматривается как самое древнее свидетельство об обмене посланиями между Христом и царем Авгарем.

Во всем этом, конечно, есть что-то достоверное, даже если упоминание о том, что в 170 году царь Авгарь принял христианство, — не более, чем легенда (245). По крайней мере, упоминание об этой переписке, конечно же, вымышленной, говорит о торжестве христианства в Эдессе. Как бы нам ни было на самом деле, но в повествовании об обращении царя упоминается о пеленах с изображением Христа, и это можно объяснить, только допустив, что в Эдессе действительно хранилось какое-то изображение, происхождение и природа которого были таинственными. Вполне возможно, что, анализируя различные варианты этой легенды, мы постепенно выясняем истинную

природу этих пелен и что речь идет о той плащанице, которая сегодня хранится в Турине.

Вот это мы теперь и рассмотрим более подробно.

Во-первых, не так уж и очевидно, что в текстах, повествующих о переписке между Христом и царем Эдессы, ничего не говорится об изображении Христа. Тщательно изучив два древних и малоизвестных текста, в которых упоминается об образе Христа, посланном царю Авгарю в виде портрета, отец Дюбарль пришел к выводу, что скорее всего эти тексты были написаны раньше «Церковной истории» Евсевия Кесарийского. Один текст написан на арабском языке и принадлежит перу Агапия Манбиджского, а другой – на сирийском, и автором его является Михаил Сириянин (246). Вполне вероятно, что Евсевий по нескольким причинам не упомянул об этом портрете, но его молчание по этому поводу ничего не доказывает.

Есть еще один текст, который известен гораздо лучше. Он свидетельствует о том, что такой портрет действительно находился в Эдессе. Текст датируется концом IV века или более поздним периодом. Он написан на сирийском и называется «Учением Аддая апостола (Фаддея)» (247). В нем (как и в первых версиях этой легенды) говорится о том, что некий Ханнан принес Христу послание эдесского царя Авгаря, в котором тот просил Христа прийти и исцелить его. Этот посланник оказывается живописцем (в прежних текстах такого не было), который должен был написать портрет Христа и отнести его царю, своему хозяину. В первой, самой древней редакции этого рассказа художник без труда написал портрет. Мимоходом отметим, что в сирийском языке слово “sâm” означает не только «лекарство» и «яд» (двоякое значение, которое встречается и в других языках), но и «краску», «красящее вещество». Имеется в виду некая смазка или мазь. В сирийской христианской литературе выражение “sâm haïè” (лекарство жизни) часто применяется по отношению ко Христу, но следует иметь в виду, что в силу двоякого смысла упомянутого слова “sâm” в данном случае можно говорить и о «краске жизни». Тогда напрашивается вывод, что при соприкосновении с красками, которыми было написано изображение Христа, человек получал исцеление.

К сожалению, свидетельства, касающиеся этого периода, очень отрывочны. Столько текстов потеряно! Тем не менее мы определенно знаем, что в какой-то момент покрывало с изображением Христа исчезло. Мы знаем об этом потому, что у нас есть рассказ о его обретении. Но когда именно оно исчезло?

Путешествуя в 388 году по Востоку, Евферий рассказывает, что, когда он был в Эдессе, ему показали переписку Христа с Авгарем, но,

по-видимому, об этом изображении ему ничего не говорили. Святой Ефрем, живший в Эдессе в IV веке и написавший на сирийском языке много религиозных гимнов, тоже о нем ни разу не упоминает.

Кроме того, в 494 году папа Геласий своим декретом причислил к апокрифам всю так называемую переписку Христа с Авгарем, включая ее первые версии, где еще не было упоминаний о Христовом изображении.

Добавим, что и Филоксен Маббугский (умер около 523 года), именитый писатель и известный богослов, в дошедших до нас текстах никогда не упоминал об этом образе (248).

До недавнего времени считалось, что и Иаков Серугский (умер около 521 года) тоже никогда не говорил об этом изображении, но в недавно обнаруженном тексте он упоминает об «образе Мессии» (т. е. о Христе (249), которого чтили в Эдессе. Речь идет об отрывке из его «Жития Даниила». Этот Даниил умер в 439 году, а его житие гласит, что свое паломничество в Эдессу он совершил около 405 года. По тому, как в данном тексте говорится об этом изображении, можно предположить, что оно уже было хорошо известно и привлекало много паломников (250). По-видимому, это свидетельство согласуется с предыдущими.

КОГДА ТАЙНА ВСТУПАЕТ В ИСТОРИЮ

Около двух столетий никаких свидетельств об этом изображении как будто не появляется, и у нас, естественно, нет документа, который помог бы уточнить, когда именно и почему оно исчезло. Специалисты строят различные предположения, и в правдоподобных гипотезах нет недостатка. Затем, в последующих веках, рассказ о Христовом изображении вновь дает о себе знать, и это значит, что он на самом деле находился в Эдессе и его могли видеть. Это подтверждается множеством текстов (251), и мы даже можем в какой-то мере уточнить, когда о нем снова заговорили.

В труде Евагрия Схоластика, написанном вскоре после 594 года, говорится о том, как в 544 году, т. е. после кончины святого Ефрема, Иакова Серугского и Филоксена Маббугского, город Эдесса, осажденный персами, был спасен. Евлалию, епископу Эдессы, во сне было откровение о том, что изображение Христа замуровано в нише крепостной стены города (252). Образ извлекли из стены, и он возглавил грандиозную процессию вокруг всего города (вдоль внутренней стороны городских стен). После этого персы в страхе бежали.

Однако надо отметить, что рассказ Евагрия написан спустя пятьдесят лет после этого события. С другой стороны, у нас есть гораздо более подробное описание осады Эдессы, которое вскоре после ее освобождения составил Прокопий Кесарийский, секретарь византийского полководца Велизария. Прокопий вообще ничего не говорит об этой процессии и о том, какую роль в ней якобы сыграло упомянутое изображение Христа.

Однако есть тексты, прежде всего литургические песнопения, в которых содержится довольно ясный намек на то, что этот образ действительно находился в Эдессе. Как быть? Вполне возможно (как полагает Ян Вильсон, исходя из всего, что мы знаем об этой истории на сегодняшний день), что изображение было обнаружено во время восстановительных работ, вызванных огромным наводнением, случившимся в 525 году. Мы знаем, что в ходе этих работ император превратил главную церковь города в настоящее чудо (у нас есть ее описания). Кроме того, мы знаем, что тогда изображение Христа было помещено в боковом приделе, направо от апсиды (253).

Тем не менее рассказ Евагрия по-своему интересен. Во-первых, он свидетельствует о том, какое значение в сознании людей за относительно короткий срок приобрело это изображение, а во-вторых, перед нами новое повествование о формировании этого образа, очень близкое «Учению Фаддея», хотя и имеющее некоторые отличия.

Ханнан здесь становится Ананией, и это естественно, потому что Евагрий писал на греческом языке. В этой новой редакции говорится о том, что художнику не удалось написать портрет Христа, потому что его лицо сияло. Увидев его замешательство, Христос сжалился над ним и, взяв холст, на котором тот пытался его писать, вытер пот со своего лица, и — о чудо! — на этот холсте запечатлелся его лик. Потом этот холст доставили в Эдессу, и царь чудесным образом исцелился. Видя в этом Божье деяние, Евагрий Схоластик называет Христово изображение «нерукотворным» (по-гречески “*achiropoïète*”).

Но если речь на самом деле шла о Христовой плащанице, почему об этом не сказали напрямую, а вместо этого придумали историю о художнике, более или менее удачную?

Объяснение, вероятно, очень простое. В первохристианской общине города Эдессы наверняка преобладали евреи (как во всех общинах диаспоры), а для евреев любая вещь, находившаяся в контакте с трупом, становилась нечистой, и таким же, в свою очередь, становился человек, прикоснувшийся к этой вещи. Понятно, что несмотря на все это апостолы хотели сохранить Христовы пелены как волнующее воспоминание о своем учителе, но им было нелегко показать их, рассказав об их происхождении. Этим, наверное, объясняется и первая попытка явить их

под видом обычной живописи — как портрет, написанный художником. Предание о переписке между царем Авгарем и Христом вполне подходило для того, чтобы объяснить их происхождение. Так возникло первое объяснение того, откуда появилось это изображение, но при ближайшем рассмотрении становится ясно, что эта версия не годится: не забудем, что изображение появилось как негатив и казалось очень странным. Поэтому возникла новая версия, а именно чудесный отпечаток Христова лика на пеленах. Поскольку версия о художнике уже существовала, проще было ее видоизменить, чем изобретать новую, совершенно другую. Ведь тогда было меньше опасности, что в нее не поверят.

КОГДА ОБНАРУЖИЛОСЬ ВСЕ ТЕЛО

Существуют и другие рукописи, приблизительно той же поры, позволяющие по-новому взглянуть на происхождение пелен и подчеркивающие их значительное сходство с Туринской плащаницей, как мы ее знаем теперь. Было сделано капитальное открытие: Христос запечатлел не только свой лик, но и все тело — обнаженное и простертое. Об этом, например, говорится в “Acta Thaddaei”, а также в греческих минеях и даже в одном арабском тексте. Иногда делается уточнение: прежде чем лечь на покрывало, Христос омыл свое тело. В одном латинском переводе армянского текста даже уточняется, что дело было в доме Гамалиила.

В латинской рукописи X века, которая является переводом более древнего сирийского текста (VIII–IX века), дается еще одна версия легенды о царе Авгаре. Из нее мы узнаем, что «посредник между Богом и людьми, дабы полностью удовлетворить царя, простерся во всю длину на белоснежном покрывале, и тогда стало зримо и слышимо чудесное: Божьей силой одновременно на покрывале запечатлелся преславный образ Господнего лика, равно как все его тело, и теперь все те, кто не мог видеть Господа, пришедшего во плоти, могут узреть его преображенным на покрывале» (254).

Уточним, что иногда в этих новых версиях легенды покрывало называется словом, которое больше нигде в греческом не встречается (т. е. это так называемый *гапакс*): «тетрадиплон», т. е. «сложенный в четыре раза», а также словом «синдон», которое мы находим в итальянском языке, где им обозначается Туринская плащаница (“la santa sindone”). На мой взгляд, этого достаточно, чтобы опровергнуть точку зрения, согласно которой плащаница и изображение Христа,

хранившееся в Эдессе, — не одно и то же, потому что второе якобы мало по размеру. Если плащаницу сворачивали, она тоже становилась небольшой. Кроме того, некоторые древние изображения представляют Христов лик в вертикальной позиции на горизонтальном прямоугольнике: тогда очертания сильно уходят вправо и влево, что совершенно непривычно для обычного портрета. Если речь идет о плащанице, сложенной таким образом, то эта особенность изображения вполне объяснима.

Итак, во всех этих текстах содержится одно весьма драгоценное для нас утверждение: на покрывале отпечатались все Христово тело целиком. Но связь с Христовыми Страстями еще не установлена: это покрывало еще не признано его плащаницей.

ВОЗРАСТАЮЩЕЕ ЗНАЧЕНИЕ РЕЛИКВИИ

Как бы там ни было, надо признать, что в ту пору это изображение находилось в Эдессе и в последующие века его значение только возрастало. В те времена пелены хранились в запертом сундуке, сложенные вчетверо. Сундук находился в церкви Святой Софии, восстановленной императором Юстинианом после катастрофического наводнения 527 года (в храмовом приделе направо от апсиды). Вполне возможно, что их никогда не показывали верующим: во всяком случае, у нас есть свидетельства, согласно которым никто не имел права не только приближаться и прикасаться к ним, но и вообще на них смотреть. Их страшились и очень почитали, но этим объясняется и тот факт, что признание их истинной природы подвигалось очень медленно, соответственно обстоятельствам.

В 692 году Трулльский собор, решив, что речь идет о подлинном изображении Христа, запретил всякое его символическое изображение (агнец, рыба и т. д.). Император Юстиниан II повелел отчеканить монету с изображением Христа согласно мандилиону (255) из Эдессы.

В 726 году в своем послании императору Льву III Исавру папа Григорий II назвал эти пелены «нерукотворными».

Около 730 года в одном из текстов это определение было повторено, а пелены получили название «сударий», т. е. «покрыв», «плат». Сударий служил для того, чтобы вытирать или покрывать лицо, и если речь действительно идет о покрывах или пеленах, то в таком случае это слово не годится. Вполне возможно, однако, что в ту пору пелены сворачивались не только вдвое (что соответствует их нормальному по-

ложению), но и четверо (на что указывает уже упоминавшийся нами термин «тетрадиплон»). В таком случае смешение понятий было почти неизбежно, и, к сожалению, с тех пор оно и утвердилось (откуда и наш французский термин “Saint Suaire”, который мы постоянно используем).

В 769 году на Латеранском соборе папа Стефан III напомнил о переписке царя Авгаря с Христом и о самом его чудесном образе. И это несмотря на постановление папы Геласия, причислившего эту переписку к апокрифам!

В 787 году на II Никейском соборе, после долгих и кровавых распрей отстоявшем иконопочитание, упоминание о пеленах, хранившихся в Эдессе, играло важную роль. Если Христос сам счел возможным оставить нам свой подлинный образ, тогда ветхозаветный запрет на изображения утратил свою силу.

Однако иконоборческие споры еще не закончились, и только на Константинопольском соборе 843 года иконопочитание утвердилось почти окончательно, и по сей день эта победа каждый год празднуется в православных церквях как «торжество православия», или «ортодоксии», т. е., по сути дела, торжество иконопочитания. Слово «ортодоксия» двояко по смыслу: во-первых, оно означает «правильное мнение», и в этом смысле речь идет об «ортодоксии» в противоположность «гетеродоксии» или, проще говоря, ересям; во-вторых, оно означает «православие», и в этом смысле «православными» считаются те, кто правильно славит Бога, почитая иконы. Следовательно, «православные» церкви называются так не по причине их противостояния католикам или протестантам: речь идет лишь об их непризнании иконоборцев. И все-таки упомянутый собор еще не покончил с иконоборческими распрями: только на соборе 879–880 годов «торжество православия» утвердилось окончательно. Тем не менее в сознании восточных христиан более важным остался собор 843 года, память о котором торжественно празднуется каждый год.

Итак, мы видим, что во время долгих богословских споров упомянутые пелены играли главную роль, но из имеющихся документов все еще нельзя понять самого существенного: что на самом деле представлял собой этот образ? Как он сложился? Откуда пришел? Кто принес его в Эдессу? Еще несколько лет назад история об этом умалчивала, но недавно найденные новые тексты позволяют узнать немного больше. Неожиданным образом именно более поздние свидетельства позволили нам продвинуться в разгадке его истинного происхождения. Иногда только много веков спустя можно понять, что же происходило в прошлом.

Второй этап: Константинополь

НЕРИСОВАННЫЙ ОБРАЗ

Итак, мы видели, что великим собором, знаменовавшим торжество иконопочитания для всего Востока, стал собор 843 года, а через сто лет все готовились к тому, чтобы торжественно отпраздновать вековой юбилей собора. Но тут, к сожалению, как раз не хватало изображения, которое послужило бы прототипом всех остальных, — не хватало того самого погребального покрывала, которое хранилось в Эдессе, а Эдесса уже успела оказаться под властью мусульман. У императора Романа I Лакапина появилась превосходная идея: послать под стены города своего лучшего полководца Иоанна Куркуаса со всем его войском. Порабощенная мусульманами Эдесса возликовала: скоро пробьет час освобождения. Увы! Их чаяния оказались напрасными: полководец довольно скоро заверил мусульман, что отвоевывать Эдессу он не собирается и хочет получить лишь одну драгоценную реликвию, ревностно хранимую христианами города. Остается только догадываться, как христиане порабощенной Эдессы оценили это «деликатное» решение своих константинопольских собратьев. Теснимые со всех сторон (снаружи — братьями-христианами, внутри — мусульманами) они были вынуждены покориться и отдать свою драгоценную реликвию, славу и последнюю надежду всего города — отдать мандилион, чудесное покрывало с запечатленным на нем ликом Христа (256).

Однако это деликатное предприятие потребовало времени. Сначала Григорию Референдарии (257) было поручено выяснить истинное происхождение «нерукотворного» образа. Он получил доступ к сирийским источникам, находившимся в Эдессе, перевел их на греческий и между прочим заметил, что в так называемой переписке Христа с Авгарем не было никакого упоминания об этом образе. Правда, нашлись и другие документы, повествующие о происхождении таинственного покрывала.

Говорилось, что во время Гефсиманского борения, когда лицо Христа покрылось кровавым потом, он вытер его платком, на котором и отпечатались черты его лица. Потом апостолу Фоме поручили передать этот плат Фаддею, чтобы тот отнес его царю Авгарю для исцеления от болезни. Такова новая версия происхождения покрывала, и мы видим, что в данном случае речь идет только об изображении лица, запечатленного потом и кровью (258).

СЛЕД РАНЫ ОТ КОПЬЯ

После торжественного вручения реликвии посланцам императора ее извлекли из сундука, где она хранилась, и исследовали в присутствии императорского хронографа и протокамергера Феофана, многочисленной дворцовой знати и, вероятно, Григория Референдаря. Наверное, тогда и были обнаружены следы раны от копья, но, к сожалению, у нас нет документов, в которых бы описывалось это открытие. Тем не менее вскоре об этом начали говорить, и кое-что со временем дошло и до нас.

Под тщательной императорской охраной покрывало отправилось в Константинополь. 15 августа 944 года, во время праздника Успения Божьей матери покрывало сначала было торжественно доставлено в часовню Святой Марии Влахернской, где уже находилась досточтимая реликвия Девы Марии. В тот же вечер на галерею его привезли в императорский дворец Буколеон, в часовню Богородицы Фарос, а уже на следующий день, т. е. 16 августа 944 года во время торжественной процессии его пронесли вокруг всего города, причем патриарх и вся знать следовали за ним пешком (259). Через весь город торжественное шествие прибыло к собору Святой Софии, и реликвия была, наконец, помещена в хрисотриклиний дворца Буколеон, т. е. в большом тронном зале, где ее водрузили на самом императорском престоле (260).

Григорий Референдарий произнес проповедь. У нас, конечно, нет записи этой речи, но есть текст, который, наверное, был написан чуть погодя. Об этом тексте известно с XVI века — благодаря двум свидетелям, которые и дали ему название. В 1902 году голландисты обнаружили кодекс, в котором находился этот текст, и установили время появления рукописи. И вот всего несколько лет назад благодаря этим уточнениям итальянский эрудит Джинно Занинотто обнаружил в Ватиканской библиотеке оригинал этой проповеди, а отец Дюбарль сделал ее перевод и подготовил критическое издание.

Нам, конечно, хотелось бы найти в этой проповеди подробное описание реликвии, а лучше всего ее научное исследование, своего рода научный доклад, но это совсем не входило в задачу проповедника. Кажется, что сначала реликвию вообще не раскрывали: вполне возможно, что она оставалась в сундуке. В конце концов, цель оратора заключалась не в этом: он стремился пробудить в собравшихся чувства, подходящие такому событию. Наконец-то завершились долгие иконоборческие споры, тесно связанные с богословским вопросом о единстве двух природ во Христе — божественной и человеческой. Да, старый запрет на создание изображений упразднен, потому что сам Спаситель счел возможным оставить нам свой образ. Да, это правда, но правдой является и то, что истинный Божий образ не сотворен искусственными красками, не создан художником: он сотворен потом. И вот этот самый образ мы должны воссоздать в своих душах потом наших добродетелей. Сияние этого полотна исходит от того, что «было запечатлено каплями предсмертного пота на лице Князя жизни, Божьим перстом пролившимися как сгустки крови. Вот они-то и есть, поистине, прекрасные цвета, создавшие отпечаток Христа, украшенный каплями, струившимися из его бока» (261).

Итак, перед нами новое и принципиально важное открытие: на этом полотне есть и след раны на боку. Григорий Референдарий, конечно, знал об этом, когда готовил проповедь, знал даже до того, как драгоценную реликвию поместили во дворец Буколеон. Наверное, он узнал об этом во время ее торжественного перемещения, о чем мы уже говорили.

Итак, дело движется. Теперь нам известно, что изображение было создано потом и кровью и что речь идет не только о лице: ведь имеется в виду и рана на боку. Григорий не описывает всего тела: для духовно-богословского наставления, которое он задумал, это не было необходимо. К тому же никто из верующих не мог видеть реликвии, потому что она, вероятно, все еще оставалась запертой в раке. К тому же отметим, что еще не произошло отождествления этого полотна с плащаницей Христа. Тем не менее дело двигалось. Не забудем, что до нас дошло очень немного текстов той поры.

НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ, НОВЫЕ СВИДЕТЕЛИ

В 958 году император Константин VII возвестил своему войску, что обрести освященную воду можно через приобщение к различным реликвиям, среди которых «плащаница, которую носил Бог». Можно,

наверное, говорить, что это первое дошедшее до нас свидетельство, в котором недвусмысленно упоминается о том, что погребальное покрывало Христа находится в Константинополе. Кроме того, в монастыре Святой Екатерины, что на горе Синай, есть икона, на которой изображен этот император, держащий мандилион: небольшое покрывало с бахромой, квадратной формы. Было бы очень странно, если бы речь шла о каком-то другом покрывале.

Приблизительно в 1050 году начинают множиться тексты, недвусмысленно говорящие о «плащанице». Например, в одном из гимнов Христофора Митиленского в обращении ко Христу говорится: «Ты запечатлел свои черты на покрывале, и для тебя, почившего, последним облачением стали погребальные пелены».

Отметим, что именно в это время, т. е. в XI–XII веках, очень показательно меняется картина «положения во гроб». Мы видим, что теперь Христово тело не изображают завернутым в пелены, как мумию, которую полагают в гробницу Иосиф Аримафейский и Никодим: теперь оно, обнаженное, с одной лишь набедренной повязкой, простерто на плащанице; Божья Матерь склоняется над Христом в последнем поцелуе, а святой Иоанн поднимает левую руку Христа и подносит ее к своим губам.

Мы имеем описание Христовых реликвий (1093 год), хранившихся в императорском дворце, среди которых упоминаются «пелены, найденные во гробе после его воскресения». Таким образом, появляется еще один намек, хотя и не такой точный.

Сообщается, что в 1174 году французский король Людовик VII увидел плащаницу в небольшой часовне церкви Святой Марии Влахернской, соседствующей с одноименным дворцом. Однако обычно во Влахернской часовне хранились погребальные пелены Святой Девы, а пелены Христа находились в часовне рядом с Буколеоном. Имеем ли мы дело с ошибкой (как, например, считает отец Дюбарль) или Христову плащаницу действительно перенесли из одной часовни в другую? Это вполне возможно и даже нормально, если иметь в виду, что в XII веке императорским дворцом был не дворец Буколеон, а Влахернский дворец. Ведь согласно другим свидетельствам плащаница хранилась именно во Влахернской часовне.

В 1150 году в Константинополе со всеми почестями принимали одну венгерскую делегацию: дело шло о возможном браке венгерского наследного принца с дочерью императора Мануила I Комнина. Мы знаем, что по сложившемуся обычаю константинопольские императоры показывали всем почетным гостям-христианам самые ценные сокровища, т. е. христианские реликвии. Позднее мы увидим, что, наверное,

именно в этот момент кто-то из венгерских гостей обратил внимание на очень характерную особенность плащаницы, через несколько лет воспроизведенную на венгерской миниатюре 1192–1195 годов.

Приблизительно в 1151–1154 годы Николаю Семундарсону, бенедиктинскому аббату, пришедшему в Константинополь из далекой Исландии, тоже показали плащаницу, о чем он оставил достаточно точное свидетельство (263).

В 1171 году Гийом Тирский сообщил, что франкский король Иерусалима Амори I посетил императора Мануила I Комнина, который показал ему свои самые тайные сокровища и даже «священные реликвии, самые драгоценные свидетельства страстей Господа нашего Иисуса Христа, т. е. крест, гвозди, копьё, губку, трость, терновый венец, синдон и сандалии...». Чуть позже автор уточняет, что такое «синдон»: «ткань, в которую завернули его [т. е. Христа]» (264).

В 1201 году во время дворцового переворота, каковых Константинополь знавал немало, чернь грозила уничтожить священные реликвии, и тогда, стремясь спасти их, Николай Месарит объяснил толпе, о чем идет речь. Он сказал, что в сокровищнице в частности хранится «погребальный синдон Христа, сотканный из льна, материала недорогого и легкодоступного, все еще источающего запах помазания и не ветшающего, ибо в него после Страстей было обернуто обнаженное, мертвое тело, преисполненное тайны» (265).

В 1203 году ситуация в Константинополе резко изменилась: император был низвергнут, началась война с франками. Драгоценные реликвии по-прежнему находились в часовне Святой Марии Влахернской: по крайней мере, именно там была выставлена плащаница. Некоторые даже считают, что «погребальный синдон Христа» никогда не находился в часовне Богородицы Фарос, но с самого начала был помещен в часовню Святой Марии Влахернской. Свидетельства, которыми мы располагаем, не полны, и кроме того, несмотря на документы, согласно которым в чрезвычайных ситуациях устраивались шествия с несением плащаницы, нет оснований полагать, что ее когда-либо действительно извлекали из раки.

ПЛАЩАНИЦА, ПОКАЗАННАЯ ВЕРТИКАЛЬНО

Тем не менее мы располагаем текстом 1203–1204 годов, в котором впервые появляется намек на то, что плащаницу все-таки показывали собравшимся. Можно думать, что она была намотана на

горизонтальный барабан, который вращали за рукоятку, и потому изображение Христа появлялось постепенно и вертикально (как вытаскивают ведро из колодца), по крайней мере, до пояса. Вот что в 1203–1204 годах писал Робер де Клари:

«Была еще одна из этих церквей, которую называли церковью Святой Марии Влахернской: там хранился синдон, в который обернули нашего Господа. Каждую пятницу его показывали совсем прямо, так что можно было ясно видеть образ нашего Спасителя» (266).

Именно в эту пору складывается новый тип иконописи: Христос, хотя и умерший, изображается как бы возвышающимся из гроба по пояс, с опущенными и скрещенными руками, как на Туринской плащанице (хотя иногда, в более редких случаях, руки разведены в стороны — к краям гробницы, как будто в широком жесте приятия). Эта тема появилась и на Западе, где она известна под названием “*Imago pietatis*”. На православном Востоке такое изображение называется «Христос во гробе», причем часто тут же делается надпись: «Царь славы». Таким образом, появления такой темы полностью соответствует упомянутому особому способу демонстрации и косвенным образом подтверждает свидетельство Робера де Клари.

Сказанное подтверждается и недавними исследованиями, о которых в апреле 2002 года говорилось в Париже во время IV научного симпозиума CIELT. Принимая во внимание поперечные складки, которые видны на плащанице, Джексон и Пропп попытались объяснить, как они могли появиться. Это сложное складывание не соответствует тому, которое можно было бы ожидать, если плащаницу просто расположить на досках. «Исходя из этого, они решили, что такие складки получаются тогда, когда плащаницу разворачивают так, чтобы показать, что Человек Плащаницы как бы поднимается из гроба; с их точки зрения это вполне согласуется со знаменитым свидетельством Робера де Клари» (267).

12 апреля 1204 года Константинополь был захвачен крестоносцами и подвергнут разграблению. Все сокровища, даже религиозные, были похищены. Строительство некоторых западных соборов было завершено только благодаря золоту, награбленному крестоносцами. Плащаница исчезла, о чем свидетельствовал тот же Робер де Клари. После взятия города ее никто не видел.

Третий этап: Лире, Франция

В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОЙ ПЛАЩАНИЦЫ

Итак, перед нами одна из великих исторических загадок. Можно ли быть уверенным в том, что плащаница, внезапно и таинственно появившаяся в деревне Лире в 1357 году, — там самая, которая в 1204 году исчезла в Константинополе? Огромный разрыв в сто пятьдесят лет дает серьезные основания сомневаться в подлинности Туринской плащаницы, но ничто не стоит на месте. Удалось обнаружить некоторые следы, и у каждого есть свои защитники. Порой некоторые свидетельства просто впечатляют, и само обилие следов показывает, что пока связь между Константинополем и Лире точно не установлена. Но, с другой стороны, это же обилие говорит о том, что плащаница проделала определенный путь. Мы приступаем к расследованию, которое захватывает не меньше детективного романа. Начнем с первого следа.

РАЗГРАБЛЕНИЕ КОНСТАНТИНОПОЛЯ

Виллардуэн сообщает, что после того, как Константинополь был разграблен, поступил приказ вернуть похищенные реликвии, однако многие крестоносцы отказались это сделать. Им вообще так понравилось в восточной христианской империи, что они совсем забыли, зачем сюда пришли (освободить гроб Господень) и прочно обосновались в завоеванных областях. Бодуэн из Фландрии осел в самой столице, т. е. в Константинополе, Бонифаций Монферратский провозгласил себя королем Фессалоник, Жоффрау Виллардуэн стал князем Морейским, Гийом де Шамплитт — князем Ахейи, а Отгон де ля Рош назвал себя «герцогом Афинским» и переоборудовал акрополь в укрепленный феодальный замок.

Пойдем дальше. Несколько лет назад отец Ринальди обнаружил в Неаполе одно важное письмо. К сожалению, это всего лишь копия, но интересно то, что ее сделал Бенедетто д'Акисто, архиепископ Монреальский, о котором известно, что он человек весьма сведущий и серьезный. Оригинал (или копия оригинала), по всей вероятности, находился в Палермском картулярии и, наверное, был уничтожен во время бомбардировок 1943 года (269). Итак, это письмо написал Феодор Ангел Комнин, брат Михаила I, правителя Эпира, и адресовалось оно папе Иннокентию III. Время написания — август 1205 года. Приведем главные места.

«Иннокентию, господину и понтифику древнего Рима Феодор Ангел Комнин, от имени брата своего Михаила, владыки Эпира и от своего имени — многая лета.

В минувшем году, в месяце апреле войско крестоносцев, забыв об освобождении Святой Земли, опустошила город Константина. Во время этого опустошения солдаты Венеции и Франции предались разграблению священных храмов. Награбив золота, серебра и слоновой кости, они поделили все это между собой: венецианцам отошли священные реликвии, но французам досталось самое святое — плащаница, которой обернули Господа нашего Иисуса Христа после его смерти и перед воскресением. Мы знаем, что эти святыни хранятся в Венеции, Франции и других местах, а Святая Плащаница — в Афинах».

Далее автор просит папу содействовать тому, чтобы эти «современные варвары» и «грабители», оставив себе золото и серебро, «вернули нам священное».

Вполне возможно, что здесь мы имеем подтверждение того, что плащаница в ту пору находилась в Афинах. Папа на самом деле отправил на развалины византийской империи двух посланников, велел им узнать, что случилось с реликвиями. Это были кардинал Бенедикт ди Санта Сусанна, папский легат, и Николай Гидрунтский, настоятель монастыря св. Николая в Казоле, неподалеку от Отранто. Последний сообщил о том, что в Афинах им обоим втайне показали плащаницу (270).

Кто мог ее туда привезти? Мы знаем, что одним из тех, кто командовал бургундцами, захватившими Влахернский дворец, был тот самый Оттон де ля Рош. Нам, как вы помните, также известно, что в последний раз плащаницу видели в часовне Святой Марии Влахернской, построенной неподалеку от дворца.

В Безансоне есть предание, которое гласит, что в 1208 году Оттон де ля Рош привез плащаницу в замок своего отца, в Ла Рош сюр л'Оньюн,

однако это всего лишь предание. Тем не менее мы знаем, что, в конце концов, Оттон де ля Рош вместе со своей супругой Изабеллой де Рей вернулся во Францию. Вместе с женой он до самой смерти (1224 год) жил в своем огромном замке. Замок существует и по сей день, и в нем хранится небольшой ларец в форме византийского креста, где спрятана частица креста настоящего. Но там же хранится и сундук, в котором, согласно семейному преданию, плащаницу привезли из Афин в поместье Рей.

Отсюда пут дальнейшего движения плащаницы становится неясным. Вкратце рассмотрим наиболее возможные варианты.

ПЛАЩАНИЦА И ТАМПЛИЕРЫ

Возникает вопрос: сам ли Оттон привез плащаницу во Францию или сначала доверил ее тамплиерам? Похоже, что некоторые признаки говорят в пользу второго предположения. Тамплиеров обвиняли в том, что во время своих тайных ночных бдений они поклонялись загадочному «идолу»: бесцветному, ужасному лицу человека, которого считали своим Спасителем. Дошедшие до нас описания и, наверное, даже копия, недавно найденная в Англии, заставляют думать, что речь идет об изображении Христа на плащанице (271). Но есть кое-что более интересное: Жак де Моле, великий магистр ордена тамплиеров, и один из его товарищей до конца ни в чем не признавались. В 1314 году их сожгли заживо. Этого товарища, магистра ордена в Нормандии, звали Жоффруа де Шарней. Скоро мы вновь обнаружим плащаницу: и на сей раз в руках некоего Жоффруа де Шарни. Известно, что довольно долго имена собственные не имели однозначного написания, и, следовательно, в данном случае нельзя говорить о какой-то описке. Тем не менее до сих пор между Жоффруа де Шарней и Жоффруа де Шарни никаких родственных связей не найдено.

В гипотезе о тамплиерах есть еще один след, который тоже ведет к Жоффруа де Шарни. Известно, что в 1350 году он томился в темнице в Англии, и есть мнение, что копия, найденная в конце пятидесятых годов XX века в центре тамплиеров в Темплкомбе, могла быть крышкой от ларца, хранившего саму плащаницу и спрятанного от преследований Филиппа Красивого. Спустя недолгое время Жоффруа мог вернуть его во Францию и показать плащаницу в Лире (272).

ПЛАЩАНИЦА, ПЕРЕДАННАЯ ПО НАСЛЕДСТВУ

В любом случае плащаница прибывает во Францию и вскоре появляется в деревушке Лире, рядом с Труа. Пустой период между 1204 и 1357 годами начинает заполняться, как и расстояние между Константинополем и Западом. Но путь, по которому плащаница добралась до Франции, как следует еще не установлен. Мы только что увидели ее возможный след.

Недавние исследования, касающиеся родословной Оттона де ля Роша, наводят нас на другой след, тоже вполне возможный. Да простит меня читатель за скуку, которую я нагоню на него перечислением некоторых имен, но это на самом деле важно.

Итак, у Отонна де ля Роша был сын Отон II де Рей, женившийся на Элизавете де Рэй, которая родила ему сына, Жана де Вержи, ставшего сенешалем Бургундии. У него, в свою очередь, родился сын Гийом де Вержи, ставший отцом Жанны де Вержи. Таким образом, вполне возможно, что плащаница могла оказаться в деревне Лире благодаря Жанне де Вержи. Тем не менее в деталях здесь много неясностей. Маргарита де Вержи, младшая дочь Жоффрау I и Жанны де Вержи утверждала, что плащаницу «завоевал покойный мессир Жоффрау де Шарни», ее дед. Отметим, что слово «завоевал» не обязательно означает битву: речь могла идти о простой женитьбе (273). Благодаря работам Джан-Марии Дзакконе известно, что «род Шарни имел постоянные связи с франками, осевшими в Афинах в начале XII века» (274).

ПЛАЩАНИЦА НИКОГДА НЕ ТЕРЯЛАСЬ?

Выходит, все надо начинать сначала и вся предыдущая работа лишь запутала нас? Некоторые так и думают.

Большинство историков исходят из утверждения Робера де Клари, который, как мы помним, заявил, что после того, как крестоносцы разграбили Константинополь, никто больше не видел плащаницы. Однако это не совсем верно. Виллардуэн сообщает, что перед взятием города крестоносцы решили: тот, кого потом изберут императором, в качестве военного трофея получит оба дворца (Буколеон и Влахерны), а также все реликвии, связанные со страданиями Христа. У нас даже есть опись этих реликвий, сделанная Николаем Гидрунтским и датированная 1207 годом, — они

хранились в императорской сокровищнице. Почетное место там занимает плащаница, а также подлинный крест и терновый венец. Эту опись подтверждает другая, которую в том же году сделал Николай Месарит, — тот самый, кто спас реликвии от народной ярости в 1201 году (275).

Позднее император Бодуэн II, не имея денег для того, чтобы обеспечить безопасность своей империи, якобы передал плащаницу (в числе других реликвий, общим числом доходивших примерно до двадцати) королю Франции Людовику IX, или святому Людовику. К сожалению, по дошедшим до нас описям нельзя точно определить, что именно имеется в виду. Речь как будто идет о некоей дощечке с отпечатком головы Христа и следами его крови. Можем ли мы предположить, что плащаница снова была свернута и помещена в деревянный ларец? Согласно каноникам, жившим в Лире, Филипп VI Валуа передал ее Жоффруа де Шарни, но исследования, проведенные Эммануэлем Пуллем, кажутся вполне однозначными: нельзя предположить, что среди прочих реликвий находилась и плащаница (276). Впрочем, в Толедском соборе хранятся некоторые реликвии, подаренные святым Людовиком, и среди них — небольшая часть полотна. Можно было бы предположить, что она принадлежит плащанице, но исследования, недавно проведенные в Толедо испанскими учеными, показывают, что упомянутая часть не имеет к ней никакого отношения (277).

Если предположить, что плащаница хранилась в часовне, то как в таком случае воспринимать письмо Феодора Ангела Комнина папе, в котором он просит вернуть плащаницу, находящуюся, как он считает, в Афинах? Можно просто предположить, что он был плохо осведомлен в истинном положении дел и слишком быстро поверил сплетням, но можем ли мы так же легко отказаться от свидетельства кардинала Бенедикта ди Санта Сусанна и Николая Гидрунтского, которые, как мы видели, заверяли, что плащаницу они видели в Афинах? Впрочем, в других текстах говорится о том, что среди реликвий, полученных от Бодуэна, находилась лишь «часть» плаща (*partem sudarii*) (так недвусмысленно сказано в одном документе 1247 года).

Есть гипотезы (и нельзя сказать, чтобы совсем безосновательные), согласно которым путь плащаницы пролегал через южную Германию (278), что она находилась у катаров (279), была в Венгрии, Испании, на Кипре и т. д. Как бы там ни было, но она прибыла в Лире, в родовое поместье де Шарни. Однако если мы и можем говорить о том, что плащаница действительно принадлежит Христу, то в силу научных

доводов, а не исторических. Исторические исследования отвечают лишь на одно главное возражение, а именно на то, что до ее появления в Лире о ней не было никаких свидетельств. Сегодня мы, наоборот, сталкиваемся с их обилием, но также с их неточностью и непоследовательностью, которые создают немалые трудности.

ПЕРВАЯ ДЕМОНСТРАЦИЯ ПЛАЩАНИЦЫ В ЛИРЕ

Можем ли мы сказать, что именно Жоффруа I де Шарни, в полном согласии со своей женой, решил показать плащаницу всем, кто желал ее увидеть? Такое действительно можно предположить, потому что в 1855 году в русле Сены, неподалеку от моста Понт-о-Шанж, была обнаружена оловянная эмблема паломника, происходящая, вероятно, из Лире, — с двойным изображением Христова тела (как на плащанице) и с гербами Жоффруа I и Жанны де Вержи.

Однако несмотря на то, что именно Жоффруа I повелел построить в Лире коллегиальную церковь, ни в одном документе (ни в акте дарения, ни в апробации епископа Труа, Анри де Пуатье, ни в мемориале на его смерть, случившуюся 19 сентября 1356 года) ни разу не упоминается плащаница и не содержится даже никакого намека на нее. Если в ту пору ее уже показывали в Лире, это должно было произойти как раз до его смерти или вскоре после нее. Именно в тот период Анри де Пуатье, наверное, уже высказывал свои сомнения относительно подлинности плащаницы, и тогда же он заставил Жанну де Вержи увезти ее: сначала, вероятно, в замок Монфор-ан-Оксуа, владелицей которого она была, а потом в замок Монфор, где та и находилась с 1360 года по 1389 год. По-видимому, именно с этого года плащаницу снова начали показывать в Лире, что привело к новым протестам — на сей раз со стороны Пьера д'Арси, нового епископа Труа (280).

ВЕРДИКТ ЕПИСКОПА: ЭТО ЖИВОПИСЬ

Протест, высказанный новым епископом, еще долго будет служить аргументом в поддержку противников подлинности плащаницы. Здесь мы снова сталкиваемся со страстным и очень характерным неприятием, о котором я уже говорил в начале книги. Поскольку

Пьер д'Арси в своем меморандуме (281) на имя папы Климента VII, заявлял, что изображение Христа на плащанице — всего лишь живопись и даже сам художник уже найден и признался в этом, немало авторов продолжают утверждать, что тем самым вопрос можно считать решенным. Им не хочется даже мельком взглянуть на все те научные исследования, которые были сделаны за несколько лет и которые прекрасно показывают, что утверждение о живописи несостоятельно. Вспоминаю, как в мае 1997 года на международном научном конгрессе в Ницце некий крайне возбужденный субъект, вскочив с места, повторял, что все эти исследования не имеют никакого интереса, потому что в свое время епископ Труа ясно сказал, что речь идет лишь о живописи.

Мы еще поговорим об этих научных работах, которые ясно показывают, что о живописи или какой-нибудь другой искусственной процедуре здесь не может быть и речи. Пока же вернемся к истории плащаницы — такой, какой она является нам лишь в дошедших до нас документах.

И вот что сразу вызывает удивление. По мнению английского историка Яна Вильсона, прежде чем приступить к какому бы то ни было показу плащаницы, всем тогдашним ее обладателям (282) сначала надо было посоветоваться с местным епископом или, по крайней мере, предупредить его об этом, будь то Анри де Пуатье или Пьер д'Арси. Но переговоры на эту тему шли напрямую с легатом «авиньонского папы» Климента VII, т. е. через голову епископа Пьера д'Арси, который горько сетует на это в своих записках. В ходе переговоров, протекавших по-разному, Жоффура II де Шарни никогда не обращается к своему епископу. Он обращается только к Пьеру де Тюри, папскому легату, к самому Клименту VII или к королю Карлу VI. Род Шарни был связан с «авиньонским папой» семейными узами (284), но этого недостаточно, чтобы объяснить позицию, занятую папой, тем более что, почитав меморандум Пьера д'Арси, понимаешь, что у того были веские причины не допускать никаких религиозных церемоний в деревне Лире. Он пишет, что тамошние каноники достаточно осторожны и публично не заявляют, что у них есть подлинная плащаница Иисуса Христа, но в частных беседах не прочь пустить такой слух, так что рано или поздно все в это поверят. Епископа сильно тревожит, как поведут себя люди, когда однажды выяснится, что на самом деле речь идет о подделке.

Однако в этом документе есть нечто, заставляющее несколько усомниться в его весомости: нет сомнений в том, что епископ из Труа предпринимал какие-то действия в адрес папы и короля,

вызывая определенную реакцию со стороны Климента II, но вот подлинность этого знаменитого меморандума, напротив, некоторые сомнения вызывает. Единственная рукопись, в которой он представлен, не имеет ни даты, ни подписи, но еще больше удивляет тот факт, что ни в одном из имеющихся документов, касающихся этого дела, даже в письме Климента VII Пьеру д'Арси, датированном 6 января 1390 года, о нем не упоминается. Луиджи Фоссати, у которого я черпаю эти сведения, вполне категоричен (285): он считает, что такое молчание совершенно противоречит непреложному обычаю папской курии — как в Авиньоне, так и в Риме. Если курия кому-то отвечает, то всегда — независимо от характера ответа — она упоминает об уже полученной корреспонденции.

ПАПА ПРОТИВ ЕПИСКОПА

Папа один за другим делает три шага. Сначала, 28 июля 1389 года, он дарует отпущение грехов всем паломниками, которые приходят почтить этот Христов образ, затем, 6 января 1390 года, вводит некоторые ограничения и, наконец, 1 июня 1390 года снова дарует широкие привилегии. Изменение в установке выражается изменением в словах. В первой булле изображение на плащанице называется “*figura seu representatio*” (форма или изображение), во второй, в которой вводятся ограничения и многочисленные условия, оно называется “*pictura seu tabula*” (картина или доска), а в третьей, где торжественно восстанавливаются все прежде дарованные привилегии, снова появляются слова из первой буллы. Но есть еще кое-что. Вторая булла, в которой вводятся ограничения, хранится в Национальной библиотеке в Париже, но в архивах Ватикана есть ее копия, и в ней слова “*pictura seu tabula*” вычеркнуты и заменены на “*figura seu representatio*”, т. е. на те слова, которые употребляются в первой булле (286). Итак, если Климент VII восстановил все прежние привилегии, значит, он убедился, что речь идет не о живописи.

Добавим, что в наших руках лишь малая часть документов, но из меморандума Пьера д'Арси и папских посланий мы узнаем:

- о прощении, которое Жоффруа II де Шарни направил папскому легату;
- о том, что легат удовлетворил прошение;
- о прощении, которое Жоффруа II де Шарни и дуайен коллегиальной церкви направили Святому Престолу;

- о том, что Жоффруа II де Шарни обратился с прошением к королю Франции Карлу VI и тот, вероятно, ответил ему;
- о том, что за помощью к Святому Престолу обратились каноники;
- о том, что Жоффруа II де Шарни обратился с прошением к Клименту VII.

К сожалению, ни один из этих документов до сих пор не найден. Какие доводы в них приводились? Что убедило Климента VII согласиться с тем, что на плащанице не живописное изображение? И если это не живопись, то что тогда? Наверное, папа был глубоко убежден в исключительной важности этого полотна, коль скоро он пригрозил отлучить Пьера д'Арси от Церкви, если тот по-прежнему будет препятствовать поклонению плащанице. Но почему тогда он не объяснил ему причины такого решения? Если он все-таки сомневался в истинном происхождении этого изображения, он вполне мог объяснить это Пьеру д'Арси и тем самым обосновать свое решение и ту осторожность, которую по-прежнему советовал проявлять по отношению к плащанице. Скорее всего он был убежден в ее подлинности, но в то же время знал о каких-то не совсем благовидных обстоятельствах, при которых она попала во Францию (287).

ПЛАЩАНИЦА ПОКИДАЕТ ЛИРЕ

Дальнейшее путешествие плащаницы хорошо известно (288). Для Франции наступили трудные времена. В 1415 году в битве при Азенкуре Карл VI потерпел поражение от англичан. Арманьяки сражались с бургундцами. Страну опустошали вооруженные банды. Над маленькой коллегиальной церковью в Лире нависла угроза разорения. В 1415 году Маргарита де Шарни, дочь и единственная наследница Жоффруа II, выходит замуж за Гумберта де Виллерсекселя, графа де ля Роша (единственного, кто не имел никакого отношения к Оттону де ля Рошу). Они увозят плащаницу из деревни и прячут ее в коллегиальной церкви св. Ипполита, в области Франш-Конте, которая в ту пору еще не была французской.

В 1438 году Виллерсексель умирает, в 1443 воцаряется мир, и каноники из Лире настойчиво просят, чтобы Маргарита вернула плащаницу. Но затерянная в лесу маленькая церквушка еще не оправилась от произошедшего и к тому же каждую минуту просто может сгореть. Я не стану вдаваться в подробности тяжбы, которую затеяли

каноники: скажу только, что Маргарита, отдав им другие реликвии, оставила плащаницу себе, и та в течение нескольких лет сопутствовала ей в ее переездах. Она показывала ее в Женеве и многих других местах, и, наверное, делала это в надежде найти для нее надежного покровителя. Наконец, в 1453 году плащаница оказалась в доме герцога Савойского и отныне следовала за ним во всех его переездах или покоилась в его владениях в Шамбери. 11 июня 1502 года за ней начинают присматривать местные каноники, а начиная с 1506 года ее показывают все чаще и чаще. Приходящие к ней паломники получают прощение грехов, а саму реликвию отныне называют «святым сударием», т. е. «святым платом». Почтить ее приходят даже папы и коронованные особы. Папа Юлий II повелевает учредить в честь нее ежегодное торжественное богослужение, которое должно совершаться 4 мая. Чудеса множатся.

ПОЖАР 1532 ГОДА

В ночь с 3 на 4 декабря 1532 года в часовне, где хранилась плащаница, вспыхивает пожар. На тот момент она лежала в серебряном ларце, довольно плотно свернутая. Серебро начало плавиться, и некоторые складки полотна загорелись. Чтобы спасти плащаницу, ее обильно поливают водой, и это оставляет свои следы. Впоследствии местные монахини-клариссинки стараются восстановить ущерб: они ставят двадцать две заплаты на прожженные места и укрепляют плащаницу суровым голландским полотном.

После этого плащаница еще много путешествовала: она побывала в Турине, Милане, два раза была в Ницце, вернулась в Шамбери и, наконец, в 1578 году вновь появилась в Турине, где находится и по сей день.

Четвертый этап: Турин

ШОК ОТ ПОЛУЧЕННОГО ИЗОБРАЖЕНИЯ; ПЕРВАЯ ФОТОГРАФИЯ

Во время очередной демонстрации плащаницы, которая состоялась 28 мая 1898 года, адвокат и фотограф-любитель Секондо Пиа сделал свою знаменитую фотографию, показавшую всему изумленному миру, что на полученном негативе появилось вполне определенное изображение.

ПЕРВЫЕ НАУЧНЫЕ КОНГРЕССЫ

Сразу же начались исследования: сначала исторические, а потом естественнонаучные. Первый международный конгресс состоялся в Риме в 1950 году, второй — в марте 1977 года в Альбукерке, в Нью-Мексико. Именно тогда около сорока ученых всех вероисповеданий сформировали исследовательский проект по изучению Туринской плащаницы, или сокращенно STURP (Shroud of Turin Research Project). В 1978 году во время очередной демонстрации плащаницы было сделано около трех тысяч новых фотоснимков. В 1988 году с нее были взяты частицы ткани для датирования методом углеродного анализа. Результаты, обнародованные 13 октября 1988 года кардиналом Анастасио Баллестреро, гласили: плащаница — всего лишь средневековая подделка! (289).

Реакция не заставила себя ждать. 7-8 сентября 1989 года в Париже состоялся новый научный конгресс, в ходе которого был основан Международный Центр по изучению Туринской плащаницы (CIELT: Centre International d'Études sur le linceul de Turin). В июне 1993 года в Риме состоялся международный научный симпозиум, материалы которого были опубликованы в Париже в 1995 году (290), а 12-13 мая 1997 года в Ницце прошел новый международный научный конгресс, на котором я имел счастье присутствовать (291).

1997 ГОД: ПОКУШЕНИЕ

Но за месяц до этого, 11 апреля 1997 года, пожар охватил часовню, где обычно хранилась плащаница, а 13 апреля агентство Франс Пресс сообщило, что огонь начался сразу «в четырех или пяти местах внутри часовни». Самое вероятное предположение — криминальный поджог, причем чувствовалось явное стремление придать ему максимальную огласку, потому что тем же вечером во дворце Турина, напрямую связанном с часовней, давали праздничный обед в честь генерального секретаря ООН Коффи Аннана. 16 апреля 1997 года в газете “Oggi” папский историограф Витторио Мессори прямо заявил: «Поверьте, кто-то хочет уничтожить Плащаницу, и я не исключаю здесь международного заговора».

Но благодаря героизму человека по имени Марио Трематоре плащаница была спасена. Этот пожарный рассказывал, как ощутил божественную силу, исходящую от реликвария. Обычным молотком, который весил четыре килограмма, ему удалось разбить толстое стекло, защищавшее реликвию. Плащаницу спасли, но реакция некоторых священников была просто невероятной. Настоятель одного монастыря высказал сожаление о том, что пожар не уничтожил ее, ибо, по его мнению, все споры, наконец, прекратились бы (292). Я думаю, что преподобный отец Мальдаме, о котором я уже упоминал, охотно бы с этим согласился.

Говорят, что плащаницу перевезли в какое-то тайное место, но на самом деле она не покинула Турин и осталась в соборе. В июне-июле 2002 года ее подвергли серьезной реставрации, в ходе которой были удалены двадцать две заплатки, поставленные после пожара 1532 года, а также подкладка из голландского полотна, которая была заменена на... такую же. Во время реставрации удалось сделать множество снимков лицевой и обратной стороны плащаницы. Спектроскопию X-лучами не проводили, потому что это было сделано в 1978 году, но зато были осуществлены другие мероприятия: ультрафиолетовое излучение, флуоресцентный анализ, рамановская спектроскопия и т. д. (293).

В настоящее время плащаница находится в целостной емкости, выполненной из сплава, используемого при производстве спутников. Она защищена пуленепробиваемым стеклом толщиной в двадцать восемь миллиметров, с высокой термостойкостью и мощным противодавлением (10 миллибар). Эта емкость, наполненная аргоном, находится в Туринском соборе под кафедрой.

Другие плащаницы

Ради полноты картины надо сказать несколько слов и о других, ложных плащаницах, о которых постоянно вспоминают те, кому хочется доказать, что ложны они все без исключения. Мы знаем, по меньшей мере, пятьдесят копий Туринской плащаницы, и на двадцати семи из них есть дата их создания. Понятно, что речь идет о живописи. Обычно холст натягивали на оригинал: не только для того, чтобы облегчить работу копировщика, но и потому, что, как считалось, соприкосновение холста с оригиналом в какой-то мере усиливало ценность будущей копии (294).

Я не буду перечислять все «плащаницы», которые могли показывать там и сям: упомяну лишь те, которые могут или когда-то могли создать проблему, внося неясность.

ИЕРУСАЛИМСКАЯ ПЛАЩАНИЦА

Аркульф, епископ Перигё, свидетельствует о том, что в 670 году в Иерусалиме чтили ткань, считавшуюся погребальными пеленами Христа. Но он говорит о вышитом изображении, которое не было похоже на образ Туринской плащаницы. Еще мы знаем, что эта ткань была передана Карлу Великому и что в 877 году Карл Лысый отдал ее на хранение королевскому аббатству в Компьене, где она и исчезла во время революции (295).

БЕЗАНСОНСКАЯ ПЛАЩАНИЦА

Эта плащаница была всего лишь живописью, изображавшей тело и лик Христа без дорсального вида. Круглые красные пятна изображали раны на руках и ногах. До нас дошло очень подробное описание

этого изображения, и сейчас оно восстанавливается с помощью компьютера. У нас нет никаких свидетельств о пребывании этого полотна в Безансоне до 1523 года. Во время революции оно было уничтожено (как многие другие предметы христианского культа) (296).

Приближаясь к концу этой длинной истории, вобравшей в себя так много столетий, я хотел бы, чтобы читатель немного подумал о судьбе плащаницы. В древнем Иерусалиме она чуть не погибла вместе с городом, когда римляне с ожесточением уничтожали все, что напоминало о христианах или иудеях. Оказавшись в Эдессе, она словно убежала от римлян, но когда город захватили мусульмане, ей понадобилось новое убежище. На многие столетия им стал Константинополь, но если бы она так и осталась в этом городе, она попала бы в руки турок. Она оказалась на Западе — быть может, не в самых лучших условиях, но именно так она в очередной раз была спасена. Однако если бы она осталась в Шамбери, она попала бы в руки революционеров и наверняка была бы уничтожена, как это случилось со всеми христианскими реликвиями. И даже в Турине она опять чуть не погибла, если бы не мужество обычного пожарника.

Вот так! В этом нет ничего чудесного, если считать «чудом» только что-то яркое, необычное и необъяснимое. Но если подумать о том, сколько раз во всей этой долгой истории плащаница могла окончательно потеряться и погибнуть, невольно кажется (хотя я никому не навязываю эту мысль), что, наверное, во всем этом кроется Божий замысел и сказывается совершенно особое покровительство, некий особый знак.

Ложь углеродной датировки

НЕНАДЕЖНОСТЬ МЕТОДА

Теперь эта знаменитая углеродная датировка (углерод 14) больше не актуальна. Сегодня она совершенно устарела, но, к сожалению, заявление кардинала Баллестреро еще долго будет вспоминаться и понадобится немало книг, конференций и телепередач, чтобы нейтрализовать его воздействие.

Никто из исследователей не воспринимает эту датировку всерьез по нескольким причинам. Во-первых, такая система датирования сама по себе очень ненадежна: уже много раз она давала совершенно неверные результаты. Например, одна из трех лабораторий, занимавшихся датировкой плащаницы, а именно лаборатория Tucson в свое время датировала рог викинга 2006 годом н. э. (297). В 1983 году другая лаборатория, на сей раз в Цюрихе, ошиблась в датировке выбранных образцов на целую тысячу лет (298). В другой раз, датируя льняную скатерть, изготовленную в 1950 году, она «состарила» ее до 350 года (299). Наконец, даже оксфордская лаборатория, так гордившаяся своими результатами, ошиблась в датировке перуанской ткани, возраст которой можно было достоверно определить обычными археологическими средствами. Она же датировала 1200 годом наскальную живопись, сделанную на одиннадцать лет раньше. Кроме того, определяя возраст мумии, найденной в Загребе, сотрудники этой лаборатории пришли к выводу, что она была обернута пеленами шестьсот или семьсот лет спустя (300). Но есть примеры и получше. «Несколько лет назад в Южной Африке был найден артефакт, который, как полагали, датировался 1200 годом. Обратились в Оксфорд с просьбой установить возраст артефакта с помощью радиоуглеродного анализа. Оксфорд подтвердил датировку, но потом выяснилось, что на самом деле вещь была изготовлена около десяти лет назад сотрудниками дома престарелых для того, чтобы развлечь стариков. Одним словом, находят то, что хотят найти» (301). Но, наверное, са-

мой смешной оказалась датировка раковины еще живых улиток: их «возраст» составил 26 000 лет! (302).

Самым красноречивым оказался эксперимент, проведенный Бригганским исследовательским советом. Тридцати восьми лабораториям по всему миру разослали предметы, датировка которых заранее была хорошо известна. Требовалось установить их возраст. Только в семи лабораториях результаты оказались удовлетворительными. Михаэль Вингер, человек, сведущий в таких делах, признает: «Если радиоуглеродная датировка подтверждает наши теории, мы охотно упоминаем ее в основном тексте; если она им противоречит, но не полностью, мы отправляем ее в примечания, а если она противоречит им целиком, мы просто прячем ее от всех» (303).

ПЛОХАЯ ЗАЩИТА

Сторонники подлинности плащаницы, как говорится, не заставили себя ждать. Они заметили — и не без оснований — что при датировке предмета надо все-таки учитывать историю его существования, поскольку привходящие события могут сильно повлиять на него и радикально сказаться на результатах анализа (благодаря увеличению или уменьшению количества радиоактивного изотопа в исследуемом предмете). Некоторые ученые считали, что как раз пожар в Шамбери и мог самым решающим образом сказаться на датировке. Взяв древнюю льняную ткань, возраст которой был хорошо известен, итальянские исследователи Морони и Бетгинелли нагрели ее до 170°C, после чего углеродная датировка «прибавила» ей сто пятнадцать лет. Вероятно, пожар 1532 года мог так же «состарить» плащаницу.

Более полный эксперимент предложила провести исследователь Мари-Клер Остервик-Гастуш. Да, плащаница едва не сгорела в огне, но, когда ее спасали, ее же обильно поливали водой. Вода, попавшая на плащаницу, наверняка давала много пара и привела к обмену изотопов углерода и газов СО и СО². Два российских исследователя, Андрей Иванов и Дмитрий Кузнецов, провели эксперимент, создав приблизительно такие же условия и за полчаса нагрел льняную ткань до 140°C. На этот раз по их вычислениям датировка в 960–1070 лет увеличилась до 1210–1290 года, причем наблюдался явный изотопный обмен (304).

К сожалению, этот эксперимент нельзя было повторить, и, следовательно, нельзя с полной уверенностью утверждать, что пожар напо-

добие случившегося в Шамбери мог изменить содержание углерода в плащанице. Кроме того, вычисления, сделанные на основе анализа и призванные определить предполагаемое «омоложение», не корректны. Все это, по-видимому, достаточно ясно показал Жорж Сале, хотя и нет оснований предполагать, что он сомневался в подлинности плащаницы (305).

В столь долгим и бурным путешествии, которое выпало на долю Туринской плащаницы, на нее могло воздействовать и многое другое. Какой бы достоверной ни была радиоуглеродная датировка или другие способы датирования (тоже немного автоматические, как и она), необходимо учитывать и измерять степень всех возможных влияний. Иными словами, в этом конкретном случае было бы лучше вообще отказаться от такой системы датировки. Впрочем, как недавно заявил отец Ринодо, сам процесс, приведший к формированию образа на плащанице, мог способствовать обогащению ткани углеродом 14.

ФАЛЬСИФИЦИРОВАННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В конце концов, сегодня все специалисты признали, что эти исследования не отвечали требованиям необходимой научной точности и были очень пристрастными. В статье, опубликованной в журнале “Nature” в 1989 году (за подписью двадцати одного исследователя), предлагается два варианта: 1260–1313 или 1353–1384 годы. Но известно, что в этой же статье другие датировки приведены не были (306). «В это невозможно поверить, но это действительно так, — говорит профессор Реми ван Халст, — а теперь Британский музей просто отказывается отвечать». В этой связи преподобный отец Жувенру высказывается еще резче: «По-видимому, речь идет о подмене научной истины, чего в науке делать не следует» (307).

Впрочем, сами ответственные за проведение этих тестов в той же публикации признали (хотя и весьма сдержанно), что не очень уверены в ценности проведенной ими работы. На это, правда, не обратили внимания, и кардинал Баллестреро, к сожалению, тоже не принял это к сведению. Относительно проведенной датировки он заявил, что «ее достоверность составляет 95%». Но этот весьма высокий процент сопровождался «уровнем значимости», который составлял 5%. Тесты были проведены в одно и то же время, в одних и тех же лабораториях на трех образцах: на ткани, взятой с захоронения в Нубии, на мумии маленькой Клеопатры (умершей в одиннадцать лет в годы правления

Адриана (117–138 н. э.) и на фрагменте мантии св. Людовика Анжуйского. Во всех трех образцах опубликованные результаты имели «уровень значимости» соответственно 90%, 50% и 30%. Этот «уровень значимости» соответствует степени совпадения результатов, достигнутых различными лабораториями. Если результаты очень разнятся, делается вывод, что в ходе анализа что-то функционировало не очень хорошо или, быть может, какие-то внешние элементы, сказавшиеся на предмете исследования за все время его существования, исказили полученные результаты и, следовательно, окончательная датировка достоверна лишь в большей или меньшей степени. В случае с плащаницей нам говорят, что при 95 % достоверности мы имеем «уровень значимости» в 5 % (308). Но, сделав повторные вычисления с опорой на те же самые данные, которые были опубликованы в упомянутой статье за подписью, как мы уже говорили, двадцати одного исследователя, ответственного за анализ, инженер Эрнесто Брунати обнаружил, что их выводы ошибочны. На самом деле «уровень значимости» в случае с плащаницей не превышает 1, 04%! (309).

Это — как, впрочем, и многое другое — наверное, ускользнуло от внимания преподобного отца Мальдаме, который в 1998 году, т. е. через три года после опубликования материалов Римского симпозиума, по-прежнему заявлял, что «самой авторитетной» научной экспертизой, «проведенной по просьбе церковных властей, была радиоуглеродная датировка, выводы которой отвергают подлинность плащаницы, хотя, как во всяком научном измерении, остается допустимая ошибка, которая по данным лабораторий, проводивших экспертизу, составляет 5%» (310). Мы только что видели, что на самом деле «допустимая ошибка» колоссальная, и после тщетных попыток получить более подробную информацию Эрнесто Брунати задался вопросом, на самом ли деле проверявшиеся образцы были взяты из ткани плащаницы.

Обвинение в подмене образцов кажется невероятным: ведь в таком случае речь идет о вопиющей нечестности и непорядочности. Хотя... (311). Много вопросов остаются без ответа. Почему опубликованные измерения взятых образцов оказались ложными? (312). Почему «углеродники», т. е. специалисты в области датировки углеродом 14, яростно противились тому, чтобы волокна плащаницы подверглись физико-химическому анализу? Уже упоминавшаяся Мари Остервик-Гастуш следующим образом объясняет причину: «В действительности они лучше всех поняли, что могут обнаружиться загрязнители, наличие которых раз и навсегда положить конец и так уже спорному авторитету углеродного анализа, совершаемого под видом “хронометрии”» (313).

И действительно, в 1993 году профессор Гарса-Вальдес из Католического университета Сан-Антонио рассмотрел под микроскопом несколько образцов, взятых из ткани плащаницы в 1988 году. Он обнаружил вещество, образованное грибами и бактериями, причем сформировавшийся слой мог достигать от одного до пятисот микронов. За несколько веков он мог превратиться в сплошное покрытие, причем традиционное промывание образцов, принятое в радиоуглеродных лабораториях, не устраняет такого загрязнения. В результате проводимая датировка соответствует не столько возрасту ткани плащаницы, сколько возрасту таких грибов. Все это оказалось настолько правдоподобным, что Гарри Гоув, один из руководителей исследования, а также один из самых ярких противников подлинности плащаницы, сам начал сомневаться в достоверности полученных результатов и высказался за проведение новой экспертизы (314).

Да и сами статистические вычисления, опубликованные в знаменитом журнале "Nature", полны неоправданных обобщений и ошибок, а метод датировки вызывает самую суровую критику («необъективный подход, сообщение тканям их возраста прямо в лабораториях, отсутствие публикаций черновых результатов дозировки углерода 14, непоследовательность в методике вычисления и выборе статистической оценки, наконец, неоправданное упразднение всякой эпистемологической дискуссии» (315).

ОШИБЛИСЬ С ТКАНЬЮ!

Наверное, последнее объяснение этой злополучной датировки, освобождающее от всех прочих попыток как-то все это объяснить, заключается в довольно простом предположении: взятые для анализа образцы на самом деле были взяты не из ткани самой плащаницы, а из добавок, т. е. из того, что было в нее привнесено в ходе различных событий. Именно об этом на римском симпозиуме 1993 года и заявила Мария Сильято, археолог, специализирующийся по Средиземноморью и Ближнему Востоку. Согласно самым квалифицированным экспертам средний вес плащаницы составляет 25 миллиграммов на квадратный сантиметр, тогда как средний вес образца, взятого 21 апреля 1988 года, составлял 38, 89 миллиграммов на квадратный сантиметр, т. е. на 11, 89 миллиграммов больше. Но потом оператор подрезал образец, устраняя «некоторые неровности и свободные нити». В результате средний вес образцов, подвергшихся радиоуглеродной

датировке, составил 42, 85 миллиметров на квадратный сантиметр, т. е. на 17, 85 миллиграммов больше среднего веса плащаницы. За всю свою долгую историю плащаница подверглась многочисленным реставрациям. «Больше всего во время демонстраций плащаницы страдало и грубо реставрировалось как раз то место, откуда вырезался образец» (316). Это подтверждается и анализом химического состава волокон. Содержание соли в волокнах образцов гораздо концентрированное, чем в остальных волокнах плащаницы (317).

Такая ошибка в выборе той части плащаницы, из которой брались образцы, нисколько не удивляет, когда подумаешь, что после многолетних жарких дискуссий и трудных переговоров, которые велись между соответствующими лабораториями и архиепископами Турина и Ватикана, этот принципиально важный выбор делался в последний момент и без всякой подготовки. К тому же профессор Джованни Риджи, в задачу которого и входило взять образцы, имел доступ к плащанице уже в 1978 году, но он совершенно не разбирался в тканях (318). Необходимая подготовка была у профессора Франко Тесторе, и он мог избежать подводных камней, но на сей раз на выбор образцов, по-видимому, повлияло чрезмерное стремление не навредить плащанице (319). Последующие сообщения о весе и размерах образцов выглядят просто фантастически и постоянно меняются — порой в одном и том же докладе (320).

СКАНДАЛ В БРИТАНСКОМ МУЗЕЕ (321)

Но интереснее всего другое: как быстро и нагло некоторые люди воспользовались заявлением кардинала Баллестреро о том, что плащаница — средневековая подделка.

С 9 марта по 2 сентября 1990 года в Британском музее под заголовком «Подделка? Искусство обмана» проходила выставка, посвященная художественно-историческим фальсификациям. Выставка заняла два центральных музейных зала, и главным экспонатом был диапозитив Туринской плащаницы (4, 5 метра на 1, 2 метра), помещенный в секции под названием «Фабрикация и выявление подделок». В справке сообщалось: «Туринская плащаница [...] представляет собой льняное полотно [...]. Многие считают, что им был обернут Христос при его положении во гроб [...]. В 1988 году три лаборатории провели радиоуглеродный анализ образцов плащаницы и установили, что она была изготовлена в 1260–1390 годах, т. е. в среднике века».

Текст в каталоге начинался так: «Что такое подделка и зачем их изготавливают? Можно ли сказать, что тот, кто изготовил Туринскую плащаницу, и люди, сфабриковавшие “пилтдаунского человека”, имели одинаковые мотивы?».

Мимоходом отметим, что сравнение с «пилтдаунским человеком» особенно пикантно, если вспомнить, что большинство людей, сфабриковавших эту подделку, чтобы «подкрепить» теорию Дарвина, были из этого самого музея. Знать, здесь, в Британском музее царит какая-то особая тяга к фальсификациям! (322).

Международный центр по изучению Туринской плащаницы (323) отреагировал незамедлительно, потребовав от директора музея подтвердить:

«— что тенденциозное включение Туринской плащаницы в эту выставку было сделано без ведома дирекции Британского музея;

— что эта выставка не была задумана и не проводилась под контролем представителей радиоуглеродного анализа;

— что оскорбительные слова, содержащиеся в выставочном каталоге, были удалены, после чего экземпляр каталога должен быть переслан в Международный центр по изучению Туринской плащаницы».

В случае неполучения скорого подтверждающего ответа Центр обещал устроить грандиозный скандал. Ответ последовал незамедлительно. Директор музея оказался в отпуске, но за него ответил чиновник по связям с общественностью. «Речь не шла о том, — говорилось в ответе, — чтобы навязать представление, будто плащаница является подделкой [...]. Текст на обратной стороне каталога, который вы имеете в виду, не был авторизован и появился по недосмотру...». Потом тот же чиновник проследил, чтобы были исправлены все взывающие и тенденциозные надписи, однако в рассеянность сотрудников Британского музея верится с трудом.

Но на этом история не заканчивается. Выяснилось, что в марте 1990 года, т. е. в том месяце, когда эта выставка открылась, Эдвард Холл, заведующий оксфордской лабораторией, где проводилось датирование некоторых образцов, получил от сорока пяти знакомых ему бизнесменов «небольшую сумму» денег, а именно миллион фунтов стерлингов (приблизительно два миллиона франков) — за то, чтобы показать, что плащаница — всего лишь средневековая подделка. Деньги предназначались для развития археологической кафедры Оксфордского университета после того как мистер Холл выйдет на пенсию. Одна маленькая, но забавная деталь: преемником Холла на кафедре стал Тайт, директор лаборатории Британского музея

и координатор работы тех трех лабораторий, которые занимались датированием возраста плащаницы (324).

Можно ли, зная об этом, поверить, что в деяниях ученых мужей не было ничего предвзятого? И что думать о тех бизнесменах и всех прочих «друзьях»? Бывает, что чудеса расстраивают! Но заметьте: в каком-то смысле своими действиями эти люди, напротив, даже как бы почтили плащаницу — ведь если бы она ни была так значима, они не приложили бы столько стараний, чтобы эту значимость умалить. Эти люди, из науки и бизнеса, прекрасно поняли одно: плащаница почти доказывает нам, что Христос воскрес и что само это воскресение свидетельствует о его божественной природе. Их расстроило не столько само чудо, сколько то, что из него почти неизбежно вытекало: Божество Иисуса.

Не будем обманываться: такая борьба может стать жестокой. «Углеродники» подвергли кардинала Баллестреро самому настоящему шантажу: если он не принимает их условий, значит, Церковь — против науки, и ей есть что скрывать (325). Условия, однако, были простыми: все, что надо, они сделают сами. Кардинал Баллестреро, сам никогда не веривший в подлинность плащаницы (326), не оказал должного сопротивления, а Луиджи Гонелла, его советник по науке, ничего не смог сделать. «Это был просто антикатолический заговор», «они вели себя, как мафиози», — скажет он позднее, получив возможность свободно высказаться перед прессой. Вся эта историю с датированием образцов подробно рассказали два итальянца, получившие прямой доступ к источникам. Советую почитать и уверяю — не соскучитесь! Но каковы интриги, какая ложь из уст так называемых «людей науки»! Да, порой слепая страсть заставляет творить ужасные вещи! (327).

ДРЕВНИЕ ИКОНОПИСНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА ПРОТИВ УГЛЕВОДОРОДНОГО АНАЛИЗА

Я уже говорил, что пожар, случившийся в Шамбери в 1532 году, серьезно повредил плащаницу и что ее попытались отреставрировать монахини этого города. Но были и другие повреждения. С обеих сторон изображения, на высоте рук имеются четыре небольшие отверстия, причем три из них расположены по длине плащаницы, а четвертое — под прямым углом к ним, так что все четыре образуют нечто вроде буквы L. Этот рисунок воспроизводится все четыре

раза: два раза на фронтальном изображении и два — на дорсальном. В результате мы имеем шестнадцать отверстий на четырех рисунках довольно точной формы.

Эту столь характерную особенность мы обнаруживаем на рукописной миниатюре, которую можно точно датировать 1192–1195 годами. Это так называемый «Венгерский молитвенный кодекс», хранящийся в Национальной библиотеки в городе Будапеште (328). На этой миниатюре изображены две сцены: «положение во гроб» (тело Христа расположено так же, как и на плащанице, т. е. со скрещенными руками) и прибытие женщин к пустой гробнице. Ангел показывает им плащаницу схожего плетения, на которой можно разглядеть четыре отверстия, расположенные в той же самой форме (в виде буквы L).

У нас есть очень правдоподобная гипотеза о том, при каких обстоятельствах венгерский живописец мог узнать об этой особенности. Мы уже говорили, что в 1150 году в Константинополь прибыло венгерское посольство для переговоров о браке между дочерью императора и наследным принцем Венгрии, которому в ту пору было всего два года. Начиная с 1163 года он около десяти лет жил в этом городе, и, вероятно, именно тогда кто-то из членов посольства смог подметить столь характерную особенность плащаницы (329).

Судя по фотографиям, сделанным в 1978 году, эти отверстия соответствуют не столько прожженным местам, сколько пятнам крови. Этим, конечно же, объясняется и тот факт, что на многочисленных копиях эти знаки воспроизводились ярко-красным цветом (в Лиссабоне, Гвадалупе, Алькое, Наваретте, Риме и бельгийском Лье́ре). Копия из Лье́ра достоверно датируется 1516 годом, но надо сказать, что она воссоздает более древнее произведение, принадлежавшее кисти Альбрехта Дюрера или Бернарта ван Орлея и, к сожалению, утраченное. Копия сделана с помощью трафарета, а это значит, что можно говорить о серийном производстве в мастерской. Для нас, однако, важнее упомянутый «молитвенный кодекс», потому что он гораздо древнее датировок, полученных с помощью радиоуглеродного анализа (330).

Состояние научных исследований

ИЗУЧЕНИЕ ПОЛОТНА

Итак, речь идет о сотканном льняном полотне. Тип тканья — так называемый саржевый 3/1, где в числителе — количество основных перекрытий, а в знаменателе — количество уточных перекрытий, в результате чего на поверхности образуется диагональный узор из рубчиков, т. е. шевронный рисунок. Так ткали в Египте уже приблизительно с 3 400 года н. э., но в основном — циновки с довольно грубыми нитями (331). У нас до сегодняшнего дня нет примеров того, чтобы такой способ тканья применялся к льняной ткани: речь всегда идет о шерсти или шелке, а тот вид ткани, который являет собой плащаница до сих пор остается совершенно уникальным (332).

Пьетро Верчелли показал, что техника станка, на котором ткалась плащаница, находилась в зачаточном состоянии, но анализ ткани, сделанный под микроскопом, не обнаружил никаких следов шерсти. Еврейский закон (333) не позволял использовать на одном и том же станке материалы растительного и животного происхождения. Если же мы попытаемся объяснить отсутствие следов шерсти на станке, не ссылаясь на этот запрет, тогда нам придется признать, что станок, использовавшийся для тканья плащаницы, прежде никогда в работе не был, однако такое объяснение несостоятельно, потому что на той же плащанице обнаружили следы хлопка (причем даже можно назвать его вид: речь идет о так называемом *Gossypium Negraceum*, который выращивался именно на Среднем Востоке (334). Известно, что в этом регионе хлопок использовали уже в VII веке до н. э. В Европе хлопчатник не рос, и согласно Морису Пийе, одному из лучших специалистов в области древних тканей, почти наверняка известно, что такое полотно ткали именно на Среднем Востоке, точнее в Сидоне.

Недавние исследования выявили еще одну интересную особенность: размеры плащаницы точно соответствуют восьми еврейским

локтям на два локтя, что вполне понятно, если предположить, что речь идет о куске, сотканном в ту пору в Палестине.

В 1978 году плащаницу поместили в вакуум, чтобы высосать из нее пыль, копившуюся веками. В льняных волокнах было обнаружено значительное количество соли, и это объясняется распространенным по всему Востоку обычаем (пошедшим от египтян) посыпать тела умерших крупинками ароматизированной соли, а также сыпать соль на саван, куда их клали. Для своих мертвецов евреи привозили рафинированную соль из Египта (ее добывали в озерах долины Вади-Натрун), которую египтяне использовали для мумий. Вполне вероятно, что соль на плащанице — того же происхождения (336).

Известно, что плащаница пострадала от пожара 1532 года, устроенного протестантами в Шамбери. Монахини-клариссинки, находившиеся в этом городе, наложили заплатки на прожженные места и укрепили плащаницу, сделав подкладку из голландского полотна. Во время реставрационных работ 2002 года было удалено некоторое количество «пылевидных материалов», находившихся между подкладкой и упомянутыми заплатками. Были также удалены складки, образовавшиеся на полотне за все то время, когда плащаницу сворачивали после очередной ее демонстрации (337).

И, наконец, последняя интересная новость: 29 марта 2002 года “Daily Telegraph” сообщила, что израильский археолог Шимон Гибсон обнаружил в Иерусалиме гробницу I века, в которой находятся погребальные пелены и кости. Вот бы сравнить их с Туринской плащаницей!

ЗЕРНА ПЫЛЬЦЫ

Когда на плащанице обнаружили пыльцу, сильно надеялись, что именно она поможет определить происхождение плащаницы и подтвердит проделанный ею путь (если судить по историческим документам). Сегодня какие-то надежды еще остаются, но для прояснения ситуации понадобятся дополнительные исследования. В 1873 и 1978 годах Макс Фрай, бывший руководитель криминалистической лаборатории города Цюриха, взял пробы с плащаницы, используя клейкую ткань. После исследования пыльцы под микроскопом стало ясно, что она принадлежит пятидесяти восьми видам растений и полностью подтверждает происхождение плащаницы и проделанный ею путь.

К сожалению, Макс Фрай скончался, не успев опубликовать подробные результаты своих исследований. Ги Жалю, профессор ботаники Тулузского университета, подошел к этой проблеме более основательно. Он считает, что недостаточно просто знать о наличии той или иной пыльцы: необходимо учитывать частоту ее попадания на ткань (339). Некоторые виды пыльцы и особенно пыльца оливок, часто встречающаяся в регионах, которые пересекала плащаница (например, Франция или Италия), в списке Макса Фрая не упоминаются. Кто-то объясняет это тем, что опыление оливковых деревьев производится насекомыми, а не ветром, и потому отсутствие на плащанице именно этой пыльцы неудивительно. Можем ли мы говорить, что список Фрая полный или он упоминал только те виды пыльцы, которые показались ему интересными? Как бы там ни было, надо помнить и о том, что при каждой демонстрации, находясь в вертикальном положении, плащаница теряла значительную часть своей пыльцы. Такого мнения придерживается Марта Мариотти Липпи из Флорентийского университета, а профессор Сильвано Сканнерини из Туринского университета подчеркивает, что всем предыдущим исследованиям недоставало научной строгости (341).

Тем не менее работа, проделанная Максом Фраем, в последнее время вновь обрела весомость и значимость. В 1988 году все взятые им образцы были отправлены в Соединенные Штаты. Пыльца была изучена израильскими экспертами, которые утверждают, что она вполне соответствует растениям Палестины, а Авиноам Данин, профессор ботаники Иерусалимского университета даже заявил, что, судя по составу пыльцы, плащаница проделала путь через пустыню Негев до высокогорий Ливана (342).

ТЕНЕПОДОБНЫЕ ОТПЕЧАТКИ

Сообщается, что благодаря фотографическим снимкам плащаницы, выполненным в поляризованном и ультрафиолетовом свете, были обнаружены отпечатки цветов, полностью соответствующих тем, которые можно видеть в гербариях. Алан Вангер, заслуженный профессор Университета Дьюка, что в Северной Каролине, определил двадцать восемь видов цветов, причем все они цветут в Палестине между мартом и апрелем, а двадцать пять из них соответствуют пыльце, найденной Максом Фраем. «Это те растения, — утверждает Данин, — которые в своем подавляющем большинстве произрастают

только в Израиле, а некоторые — только в окрестностях Иерусалима» (343).

Понятно, что контакт плащаницы с этими растениями был недолгим, а на формирование их отпечатков ушли десятилетия. Профессор Волкрингер показал, что этот контакт мог быть довольно кратким: достаточно, чтобы он вообще имел место. Однажды начавшись, окисление целлюлозы далее продолжается самостоятельно (344). Будем надеяться, что новые объективные исследования подтвердят эту информацию.

На последнем большом конгрессе по Туринской плащанице, проходившем в апреле 2002 года, Алан Вангер, используя фотографии, показал, что можно разглядеть и следы некоторых предметов, причинявших страдания Христу. Кроме того, мы знаем, что по местному обычаю в саван мертвеца вместе с ним клали и орудия его казни. Говорят, что среди прочего можно разглядеть и следы двух терновых венцов, причем один как будто соответствует венцу, хранившемуся в Соборе Парижской Богоматери. Видевшие его всегда немного удивлялись отсутствию шипов. Говорят, что епископы и князья имели привычку делать из реликвий подарки, и, может быть, колючки и иглы просто со временем разошлись по разным аббатствам? А может быть, некоторые сами опали, когда венец совсем высох? Но когда шип вырывают, должна оставаться небольшая впадина. Реликвия, хранившаяся в Париже, была, вероятно, сделана из тростника.

Наличие двух венцов, наверное, можно объяснить. Первый был на Христе во время сцены осмеяния, когда ему вручали трость и облачали в багряницу. На этом венце не было никаких шипов. Второй же, надетый на него во время распятия, был, скорее всего, настоящей каской с длинными шипами, отпечатки которых можно рассмотреть на плащанице (345).

ИЗОБРАЖЕНИЕ

Мы уже знаем, что изображение Христа не было живописью. В 1980 году американский химик Уолтер Маккроун обнаружил на плащанице следы киноvari, и тогда некоторые решили, что все изображение — не что иное, как живопись, но вскоре проблема разъяснилась. Ничтожно малые следы киноvari действительно присутствовали, но не они формировали изображение (346). Они могли появиться от ткани, соприкасавшейся с плащаницей, например, от ленты, которой

натурали священный «столб бичевания» Христа. Позднее мы увидим, что есть и другие объяснения.

Итак, изображение на плащанице — не живопись. Вот что по этому поводу говорится в заявлении, сделанном в Нью-Йорке 9 октября 1981 года всеми членами STURP:

«На волокнах плащаницы не было обнаружено никакого пигмента, лака, никакой краски или пятен. Флюоресценция в X-лучах и микрохимический анализ исключают всякую возможность живописи в формировании изображения, а ультрафиолетовое и инфракрасное исследование только подтверждает эти результаты» (347).

Изображение не могло появиться и благодаря поту (в документах, которые я упоминал, такое предположение высказывалось). Да, небольшое количество пота действительно было обнаружено, но все-таки оно было очень незначительным. Изображение не могло появиться и от пролития мирры или алоэ, а также от разложения тела. Это также засвидетельствовал бы микрохимический анализ.

Изображение сформировано высушиванием волоконца: это даже не волокна льна, которые легко красятся, а только их волоконца. Вот почему само изображение находится как бы совсем на поверхности и не проникает собою материю. Его не видно на обратной стороне ткани, о чем стало известно 14 октября 1978 года. Это высушивание привело к легкому порыжению и пожелтению. Поскольку ткань представляет собой переплетение нитей льна, это порыжение появляется только там, где нити налагаются друг на друга, и исчезает, как только одна нить ныряет под другую. На большинстве фотографий контраст немного усиливается, и потому на них изображение выглядит четче. Сразу возникает вопрос: что могло вызвать это осушение и, следовательно, сформировать изображение тела? К этой проблеме мы вернемся чуть позже.

В 2000 году во время конгресса, проходившего в Овьето, Альдо Геррески обратил внимание на то, что под левым глазом Христа (на фотографии это правый глаз) имеются два своеобразных пятна. Здесь пожелтения не наблюдалось, т. е. в этих двух местах окисление льняных волокон, сформировавшее изображение, не происходило. Исследователь предположил, что на этих местах были слезы, точнее — две слезы (348).

Была замечена еще одна особенность, наверное, недостаточно исследованная: на правой руке имеется двойной отпечаток, причем он особенно четок на концах пальцев. Складывается впечатление, будто перед нами следы движения, быть может, соответствующего определенному периоду воскресения (349).

Наконец, отметим, что, согласно Адлеру, изображение «как будто имеет признаки нижележащего скелета, как на изображении в X-лучах» (350).

ТРЕХМЕРНОСТЬ ОБРАЗА

Если плащаница — ткань, тогда у нее только два измерения, и в развернутом виде она плоская. Однако вскоре заметили, что упомянутое пожелтение не везде было одинаково интенсивным. В 1902 году Поль Виньон высказал предположение, что причина тому — неодинаково плотный контакт тела с тканью по всей длине плащаницы, и там, где это соприкосновение было слабым, слабым оказывалось и пожелтение. Но на самом деле изменяется не цвет волоконца: все они имеют почти одинаковое пожелтение, а более четкий цвет обусловлен большим количеством окрашенных волоконца, приходящихся на один квадратный сантиметр (351). В 1913 году Габриэль Кидор, а затем в 1974 году Поль Гастино сумели получить рельефное изображение тела плащаницы, но только в 1976 году два американца, Джексон и Джампер, используя анализатор изображений “VP8”, применяющийся в NASA, получили наиболее основательные рельефные фотографии (352). Уточним, что теперь мы располагаем лицевым и дорсальным рельефным изображением.

Совершенно очевидно, что в данном случае мы имеем дело с необычным явлением, и воспроизвести его какими-то искусственными средствами совершенно не под силу никакому мошеннику или художнику. Но это еще не все. В июне 1998 года на Международном конгрессе в Турине канадский исследователь Жиль Пикар рассказал, что, изучая механизм формирования голограмм, он обнаружил, что некоторые из них могут одновременно функционировать как голограммы и как диапозитивы. Так в частности бывает с «контактными голограммами», получающимися тогда, когда пленка накладывается прямо на предмет фотографирования.

Голограммы — это трехмерные изображения, получающиеся благодаря лазерным лучам, т. е. когерентному свету. Живые клетки излучают когерентный свет, и к тому же известно, что после смерти человека его клетки умирают не сразу, а постепенно. Вполне возможно, что на плащанице мы имеем изображение, которое функционирует как обычная фотография в негативе. Но поскольку с предметом фотографирования, т. е. с телом Христа, и «фотографической пленкой», т. е. плащаницей, имелся контакт, образ на плащанице может функционировать и как голограмма (353).

ЗНАКИ В ВИДЕ БУКВЫ И

На фотографиях, воспроизводящих негативное изображение, можно различить две черные полосы вдоль щек и такую же черную поперечину под подбородком. То же самое повторяется (правда, не так четко) на некотором удалении от лица и, следовательно, как бы вокруг первого изображения. На самой плащанице эти геометрические формы имеют белый цвет, потому что она дает негативное изображение. Помню, что во время последней демонстрации плащаницы в 1998 году я был поражен четкостью этого рисунка.

Наиболее вероятное объяснение этому феномену дают археологические раскопки еврейских и христианских древних и средневековых захоронений, где были обнаружены приспособления, которыми обрамляли голову умершего. Впрочем, до сих пор не был найден образец второго обрамления, более широкого, в которое входило бы первое (354).

ЛИК НА ПЛАЩАНИЦЕ И ПЕРВЫЕ ИКОНЫ

Обстоятельно исследовав изображение Христова лица на плащанице, Поль Виньон определил пятнадцать его особенностей, а также выявил, что большинство из них встречается на самых древних его изображениях (мозаика, фрески, иконы, миниатюры, медали, шитье и т. д.). Тринадцать этих особенностей встречаются, например, в мозаичном изображении Христа-Вседержителя, находящемся в куполе монастыря Дафни близ Афин. Такое же исследование предпринял и Ян Вильсон (355), а недавно Моника Бланден-Хекар заявила, что, изучив изображение Христа-Вседержителя на так называемом «золотом алтаре» собора Сан-Марко в Венеции, она обнаружила характерные черты, полностью совпадающие с чертами лица на плащанице (356). Все это выглядит очень убедительно, тем более что сравнение проводится только между различными изображениями Христа и изображением на плащанице. Однако Диана Фулбрайт решила расширить сравнительный анализ на всю область нерелигиозного искусства (от изображений периода эллинизма до фаюмских портретов в Египте). Это стало темой на IV симпозиуме CIELT, проходившем в Париже в 2002 году. Доклад подкреплялся многочисленными фотографиями, и я должен сказать, что большинство этих особенностей встречается почти во всем Средиземноморье, причем и в дохристианскую эпоху.

Только нечто в виде буквы V между глазами кажется характерным именно для изображений Христа (357).

Некоторые исследователи, следуя начатому Полем Виньоном, расширяют поиск: например, Марио Морони привлекает для этого нумизматику, а Нелло Балоссино обращается к информатике (358).

СЛЕДЫ КРОВИ

По-настоящему удивляют обнаруженные пятна крови: их много и они довольно отчетливы. Следовательно, вопреки всем правилам тело перед погребением не омывали, но в определенных случаях еврейский закон именно это и предписывал. Итак, тело не омывали:

— если человек умер насильственной смертью с истечением крови (359) (в данном случае так оно и есть);

— если речь шла о приговоренном к смерти за религиозное преступление (как в данном случае);

— если речь шла об умершем, который был исключен из еврейской общины (как в данном случае).

— если речь шла о том, кто был убит не евреем (как в данном случае).

Итак, смерть Христа полностью подпадает под все четыре условия.

Был проведен последовательный анализ крови, давшей вполне определенные результаты. В ультрафиолетовых лучах железо, содержащееся в гемоглобине, слегка флюоресцировало. Наличие крови можно было выявить в каждой ссадине, обнаруженной на изображении тела. Нашли даже такие, которые прежде никак не отмечались. С помощью клейкой ленты были взяты образцы с тех участков, где наличие крови предполагалось: с запястий, ног, головы и бока. Спектрографический анализ показал наличие порфирина и метгемоглобина, а химическое исследование подтвердило, что речь идет о крови. Сегодня даже можно уточнить ее группу: АВ. Наконец, в самой крови обнаружили билирубин, появляющийся у тех, кого подвергали жестоким пыткам (361).

Отметим, что некоторые пятна были сгустками, т. е. свернувшейся кровью, смешанной с потом. Если бы ткань вырвали из-под тела или попытались вытащить его из плащаницы, некоторые сгустки и волокна непременно были бы сорваны, но ничего подобного не обнаруживается на всей поверхности плащаницы (362). Доктор Барбе в этом отношении более категоричен: «Когда, прикладывая ткань к сгустку,

отпечатывают его на этой ткани, а потом ее убирают, какая-то часть сгустка остается на этой ткани, а другая — там, где она и была раньше. В результате сам сгусток утрачивает свою целостность, но мы видим, что отпечатки плащаницы остаются совершенно нетронутыми, цельными, воспроизводя образ нормального сгустка. При сегодняшнем уровне наших познаний (о будущем я говорить не буду) научно это не объяснимо» (363).

Кроме того, медики заявляют, что все следы крови остаются совершенно четкими. «Как могло получиться, что снятие с креста и положение во гроб никак не сказалось на этой четкости?», — спрашивает доктор Жан Сола (364). Сегодня это никак не объяснить. Тело оставалось в плащанице недолго, потому что на ней не видно следов разложения, но оно вышло из нее так, как будто и не отделялось от полотна! Тело словно исчезло в самой плащанице! (365).

Но на этом тайна не заканчивается. Если в тот момент, когда тело заворачивали в плащаницу, вытекшая кровь уже засохла, она никак не отпечаталась бы на ткани, но если бы она была еще свежей, тогда ткань начала бы ее впитывать и никаких четких кровавых пятен не было бы. Мы же имеем совершенно правильную середину и вокруг нечто вроде ореола. Такое просто невозможно! «Для этого непременно надо было, — замечает профессор Антуан Легран, — чтобы (и в этом суть проблемы) контакт с телом прекратился в тот момент, когда кровь становится липкой (ее плотность сравнима с плотностью желе из смородины) и достаточно жидкой, чтобы запечатлеться на ткани, но все же не настолько жидкой, чтобы бесформенно расплыться по ней. Иногда такое сгущение крови действительно наблюдается, особенно у людей, обезвоженных длительной жаждой, но получить такой отпечаток можно только при условиях, которые очень трудно создать. По крайней мере, до сих пор медиками этого сделать не удавалось. Доктор Жан Сола завершает свое исследование такими словами: «При сегодняшнем уровне наших познаний невозможно объяснить, как на Святой Плащанице после смерти Христа появились эти столь реалистичные следы». С ним единоклубен и доктор Пьер Мера: «Перенос пятен крови на ткань в настоящее время никак не объяснить» (367). Обратим внимание на осторожные формулировки: «При сегодняшнем уровне наших познаний», «в настоящее время». Вполне возможно, что когда-нибудь, наконец, мы сможем это сделать, и тем не менее пока это остается чем-то совершенно исключительным, а значит, здесь можно усмотреть некий знак.

Более того, удалось обнаружить, что под пятнами крови изображение не продолжается и пожелтение льняной ткани не происходит.

Следовательно, можно предположить, что причина, сформировавшая это изображение, находилась внутри плащаницы, и именно она привела к тому, что сухие пятна отделились от тела и отпечатались на ткани одновременно с формированием изображения, даже если верно и то, что иногда эти пятна немного смещены по отношению к нему. Этого достаточно для того, чтобы отвергнуть гипотезу, согласно которой изображение появилось при наложении ткани на металлическую фигуру, разогретую до высокой температуры. Кроме того, имеются важные детали, которые надо учитывать при любой попытке объяснить формирование изображения. Известно, что в 2000 году, когда произвели частичную продувку плащаницы, выяснилось, что пятна крови видны и на ее обратной стороне. Когда же в июне-июле 2002 года благодаря реставрационным работам обратная сторона плащаницы была полностью освобождена, можно было удостовериться, что «вся кровь видна снизу, поскольку она прошла через волокна, причем так основательно, что можно было увидеть ее соответствие с изображением наверху». Обнаружили даже пятна пота и лимфы, которые не разглядели на лицевой стороне изображения. Но зато на обратной стороне изображения не было — за исключением двух прядей волос, да и то, наверное, благодаря тому, что на них были следы крови (368).

Отметим, что, согласно проведенному исследованию, пятна крови не могли быть нанесены художником, использовавшим для этой цели человеческую кровь. Кроме пятен, соответствующих ране на сердце, все остальные возникли из свежей, брызнувшей крови (369). «Кровь цельная: такая, какой она выходит из вен — без каких-либо манипуляций». Кроме того, было доказано, что — вопреки некоторым гипотезам — для «оживления красок» никакая живопись не использовалась.

Сегодня исследования продолжаются. В 1997 году на конгрессе в Ницце Карло Гольдони рассказал о свои попытках датировать следы крови (370), а в 1998 году на конгрессе в Турине другой исследователь заявил, что на плащанице имеется не только мужская кровь (с хромосомой XY), но и женская (с хромосомой XX). По-видимому, это только какие-то привнесения, а в целом речь идет о мужской крови. Может быть, одна из монахинь, штопавших плащаницу, уколола себе палец?

Более интересными оказываются находки Виктора Триона, генетика из университета Сан-Антонио. Он считает, что кровь на плащанице — мужская, но очень древняя. Она представляет только 323 пары оснований, тогда как последний образец ДНК содержит миллионы. Леонсио Гарса-Вальдес, микробиолог того же университета, попытался объяснить это тем, что более 90 % крови поглотили бактерии.

Что касается теорий Алана Адлера, то большинство из них грешат незнанием состава ткани.

Уже ведутся разговоры о воссоздании отобранных образцов (371), и что-то в этом направлении уже делает Леонсио Гарса-Вальдес. В 1978 году образцы крови были взяты из левой руки изображения; кроме того, 21 апреля 1988 года кровь была взята и из затылочной области. Три сегмента генов были клонированы (ген бетаглобина, ген X амелогенина и ген Y амелогенина (372). Однако Адлер отмечает, что недостаточно иметь изолированную ДНК: надо показать, откуда она происходит. На протяжении веков человеческие контакты с плащаницей были столь многочисленны, что риск загрязнения чрезвычайно велик. Это признает тот же Виктор Трион, сотрудничающий с Гарса-Вальдесом, а согласно Адлеру «вряд ли стоит удивляться тому, что церковные власти отказались признать значимость этой работы» (373).

Но есть кое-что, вселяющее еще большую тревогу: в двадцать пятом номере Международного обозрения по Туринской плащанице (*Revue internationale du linceul de Turin*) сообщается о статье, которая сначала была опубликована в мадридском “*El Mondo*”, а потом (9–15 января 2003 года) — в “*Courrier International*”. В статье сообщалось, что «многочисленные секты» хотя клонировать Иисуса. Особенно — как говорилось в статье — на это настроены участники проекта «Второе пришествие», разрабатываемого в протестантской конгрегации Беркли (Калифорния) (*Berkeley Second Coming Project*). Они хотят взять цельную клетку крови с плащаницы, выделить из нее образец ДНК и пересадить его в цитоплазму энуклеированной яйцеклетки, которая потом будет введена в матку девственницы. Таким образом, христианам больше не надо будет ждать второго пришествия Христа в конце времен: они получают его сейчас. Идея не только экстравагантная, но и нелепая, если вспомнить, что в любом случае у клонов сходства с их прототипом еще меньше, чем у настоящих близнецов между собой. Сам Гарса-Вальдес предостерегает от этих бредовых затей, подчеркивая, что десяток исследователей по всему миру уже имеют образцы крови с плащаницы!

Надо отметить, что исследования крови намечались и в совсем другом ракурсе: в связи с реставрацией надстройки над гробницей Христа в Храме Гроба Господня в Иерусалиме. Древние свидетельства сообщают о пятнах крови и ароматических веществах, следы которых можно было видеть на гробнице. Ян Вильсон предложил провести сравнительный анализ ДНК этих пятен и ДНК на плащанице. Обе реликвии подтверждают друг друга (374).

Недавно с такой же целью проводились другие исследования, нацеленные на то, чтобы через образцы ДНК доказать подлинность мощей св. Луки, хранящихся в Падуе и Праге (375).

РАНЫ

Отпечатки ран и ушибов обладают удивительной анатомической точностью. Вот что об этом говорит профессор Роберт Баклин, судебно-медицинский эксперт из Лос-Анжелеса: «На этой фотографии раны показаны с такой ясностью и в таких деталях, что стало возможным судебно-медицинское исследование... На правой щеке — опухоль, приведшая к частичному закрытию правого глаза. На носу — смещение и, вероятно, перелом носового хряща. На конце носа — ушиб, возникший, наверное, в результате падения, когда нос вошел в соприкосновение с каким-то твердым предметом. На коже головы — несколько кровавых пятен, причем кровь одного из них стекла на лоб, образуя нечто вроде числа 3. Пятна имеются не только на лбу и макушке, но и на задней части кожи головы. Они были сделаны остроконечными предметами, которые, разрывая кожу, вызывали кровотечение» (376).

Исследование показало, что Христа бичевали особым бичом, к рукоятке которого были прикреплены несколько узких ремней с двумя свинцовыми или костяными шариками на конце каждого из них. Следы, оставленные на плащанице, в ультрафиолетовом излучении кажутся более четкими, и даже можно сосчитать количество нанесенных ударов: приблизительно сто двадцать.

Было отмечено, что следы от бича на лопатках испытали внешнее воздействие чего-то тяжелого. Вполне возможно, что это поперечина от креста, который приговоренный сам должен был нести до места казни.

Кроме того, выяснилось, что в кровоподтеках на левом колене, пятке и носу, распухшем и окровавленном, есть немного земли, смешанной с кровью, а это скорее всего говорит о падениях по пути на Голгофу.

Удалось установить, что сгустки крови на голове находятся как раз там, где проходят поврежденные сосуды. Как показывает исследование Хорста и Гезины Гюисманс, правый глаз Христа был проткнут: вероятно, одним из шипов «тернового венца», который на самом деле был настоящей каской (проткнут во время одного из падений Христа на его крестном пути) (377).

Кровь, истекшая из большой раны на лбу, по-видимому, вытекла до наступления смерти, а кровь из бока брызнула уже после нее. Рана в боку полностью соответствует размерам римского копья (48 мм на 15 мм). Удар поразил сердце, но через правый бок (что вполне естественно для римского солдата). В сражении левый бок солдаты защищали щитом, а правой рукой наносили удар. Уязвимым, незащищенным оставался правый бок, и поэтому римские солдаты обычно атаковали противника справа. Копье скользнуло над шестым ребром и вошло в межреберное пространство. Восстановив траекторию копья, доктор Пьер Барбе пришел к выводу, что оно, вероятно, вонзилось в перикард, полный серозной жидкости, и в правое предсердие, еще полное крови (отсюда истечение крови и воды, о котором пишет евангелист Иоанн). Если бы удар пришелся слева, он пронзил бы желудочки (здесь на трупе нет крови), и пролилась бы лишь вода.

Учитывая все сказанное, понимаешь досаду тех, кто заявляет, что удар копьем в сердце — всего лишь выдумка. Они считают, что «автор четвертого Евангелия» (который для них, разумеется, не является апостолом Иоанном) просто выдумал эту деталь, чтобы навести читателей на мысль, будто Христос своею смертью исполнил Писание, а точнее говоря, исполнил пророчество Захарии, сказавшего: «И они воззрят на него, которого пронзили» (Зах. 12: 10).

НЕСЛОМАННЫЕ КОСТИ

В 1968 году во время раскопок впервые был обнаружен скелет распятого человека. Речь идет о молодом мужчине, казненном во время первой иудейской войны, приблизительно в 70-м году. Мы даже знаем его имя: Иегоханан. Внимательно изучив кости распятого, доктор Нику Хаас из Иерусалимского университета смог определить, как именно он был пригвожден ко кресту. Стало ясно, что гвозди, вбитые в руки, были вбиты в запястья. Об этом свидетельствуют следы трения на лучевой кости, рядом с запястьем. Впрочем, доктор Барбе предполагал это еще в 1930 году. Пронзив запястье в том месте, которое называется «пространством Дестота», гвоздь задел нерв, который автоматически дает команду большому пальцу прижаться к ладони. Вот почему на Туринской плащанице мы не видим больших пальцев (378).

Однако то, что кажется несомненным в случае с Иегохананом, не обязательно совпадает с тем, что касается Христа. На последнем международном научном конгрессе по Туринской плащанице, проходившем в этом же городе 5–7 июня 1998 года, один из его участников отметил, что обычно большие пальцы (если человек не собирает что-то рукой) находятся за указательными, и потому вполне естественно, что они не видны на плащанице. Другой участник заявил, что гвоздь вполне мог войти в лучевую кость, не вызвав разрыва руки под весом тела. В недавних исследованиях тоже говорится нечто похожее, и потому надо признать, что пока не ясно, куда именно вбивались гвозди: в ладонь или в запястье.

Кроме того выяснили, где именно должен был пройти гвоздь, который пронзил обе ноги на кресте. У Иегоханана обе ноги были пронзены гвоздем в области пяток. Это известно потому, что кости еще держатся на гвозде. Но у Христа (как, конечно же, и у многих других) ноги были наложены одна на другую «в подошвенном изгибе, т. е. находились в том положении, которое принимают танцовщицы, чтобы ходить на пуантах». В таком положении появляется проход, который легко позволяет гвоздю пройти, не ломая костей (379), и тем самым в буквальном смысле сбывается пророчество, о котором Иоанн упоминает в своем Евангелии: «Кость его да не сокрушится» (Ин. 19:36).

МОНЕТЫ НА ГЛАЗАХ

В результате очень серьезных исследований, проведенных профессорами Туринского университета Байма Болоне и Нелло Балосино, стало ясно, что во время погребения Христа на его глаза были положены римские монеты. На обычных фотографиях их почти не видно, но они отчетливо видны на объемных снимках, сделанных Джоном Джексоном при помощи видеокodeка VP 8 (NASA). Впрочем, в их наличии нет ничего удивительного: здесь мы имеем дело с обычаем, широко засвидетельствованным различными археологическими находками, и его смысл, наверное, в том, чтобы веки мертвеца оставались закрытыми. Говорят, что в России так делают и по сей день (380).

После этого первого открытия некоторые исследователи даже заявили, что смогли определить, о каких монетах идет речь. Фрэнсис Филас из Чикагского университета Лойолы полагает, что монета на

правом глазу — это дилептон, отчеканенный с именем императора Тиберия во время правления Понтия Пилата в 29–32 годах. Изображение довольно четкое, и даже видна опечатка: буква *C* вместо *K* в слове «кесарь». Потом археологи нашли две других похожих монеты с той же опечаткой. Используя технику наложения в поляризованном свете, Алан Вангер обнаружил семьдесят четыре точки соответствия между одной из этих монет и изображением на правом глазу Христа, тогда как для определения отпечатка пальцев достаточно лишь четырнадцати совпадений.

Что касается левого глаза, то здесь он же обнаружил семьдесят три точки соответствия с другой монетой, отчеканенной лишь в 29 году в честь Юлии, матери Тиберия.

Уже упоминавшиеся Байма Болоне и Нелло Балоссино обнаружили на левой брови небольшую монету шестнадцатого года царствования Тиберия, т. е. 29–30 год (381).

Другие исследования подтвердили эти находки. Уже существуют проекты, которые должны лучше определить, что же мы имеем на негативах (382). Совпадение датировок монет с предполагаемым временем смерти Христа уже является принципиальным хронологическим моментом, а их палестинское происхождение («при Понтийском Пилате») подтверждает и место. Надо отметить и другой важный момент: металл не мог так же реагировать на ткань, как клетки Христового тела, и потому любая попытка объяснить формирование изображения естественным отпечатком тела кажется несостоятельной. Более вероятной представляется гипотеза, согласно которой ткань пожелтела в результате какого-то излучения (383).

НАДПИСИ НА ПЛАЩАНИЦЕ

Здесь, пожалуй, речь пойдет о совсем недавнем открытии. Впервые предположение о том, что плащаница имеет какие-то надписи, появилось в восьмидесятые годы. На лице и вокруг лица распятого были замечены какие-то знаки. Впервые это обнаружили благодаря увеличенному контрастному фотокопированию, но сегодня цифровой метод позволяет пойти еще дальше.

Первым, наверное, следы от букв заметил итальянец Пьетро Уголотти, а отец Альдо Марастони из Миланского католического университета подтвердил это открытие. Исследования, проведенные позднее, не подтвердили наличие некоторых надписей, но позже стало

ясно, что причиной тому могло быть качество негативов, потому что при таком фотографировании очень большую роль играет уровень выбранного контраста. Зато сегодня вполне подтверждено наличие других, уже обнаруженных надписей, а спустя какое-то время были найдены еще одни, которые присоединили к первым. Все это было достигнуто благодаря замечательной работе Андре Мариона и Анн-Лор Кураж, которые начиная с 1994 года вели исследования в Институте оптики города Орсе (384).

Например, на левой стороне лица (т. е. на правой стороне изображения) можно прочитать заглавные буквы INNECE, которые можно истолковать как сокращение фразы IN NECEN IBIS, принятое в разговорном языке. Фактически эта надпись воспроизводит вынесенный приговор: «Ты пойдешь на смерть». Однако если такое прочтение вполне возможно, то сам характер письма не позволят сказать ничего определенного.

На той же стороне несколько букв как будто образуют слово «назарянин» — в латинской или греческой версии (большинство букв в обоих алфавитах похожи).

Были обнаружены и другие буквы, но латинские перемешаны с греческими, заглавные с прописными — и потому расшифровать их затруднительно. Тем не менее можно различить слово “ESOU”, которое здесь я передаю латинскими буквами и которое вполне соответствует слову “IESOUS”.

Надписи на плащанице сделаны не художником (как думали поначалу), даже если в их основе и могла быть живопись. На полотне мы имеем лишь отпечаток надписей, сформированный пожелтением, похожим на то, которое имеет изображение тела, но отличным по степени интенсивности. Некоторые из этих букв, поначалу обнаруженные с помощью микроденситометра, впоследствии можно было различить даже невооруженным глазом.

Отметим, что на фотографических позитивах надписи написаны справа налево, тогда как на негативах они появляются в нормальном направлении. Сначала можно было предположить, что причина этих надписей скрывалась поверх уже положенной плащаницы, т. е. на той стороне, которую мы не видим с тех пор, как была подшита подкладка. Но недавно эта подкладка была расшита, обратную сторону плащаницы можно было сфотографировать, и стало ясно, что на ней нет ни отпечатка тела, ни надписей (385). Следовательно, надписи были просто помещены на плащаницу, а не нарисованы на ней. Этим, наверное, объясняется и тот факт, почему их следы едва различимы. Другое, более странное

объяснение сводится к тому, что они были написаны в еврейской манере письма, хотя греческими и латинскими буквами. Наконец, они могли быть отпечатком надписей, сделанных в обычном направлении на опоре, находившейся под плащаницей, например, на рамке, о которой мы уже говорили и которая, вероятно, обрамляла лицо Христа.

Остается узнать, кем и при каких обстоятельствах они были сделаны. Некоторые исследователи увидели в этом работу римского «судебного исполнителя», который должен был наложить печати, однако пока речь идет только о гипотезах. Может быть, обнаружатся и другие надписи, и надо посмотреть, не являются ли они более четкими с другой стороны плащаницы и т. д. Поиски в этой области только начались.

Попытки объяснения

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ ОБЪЯСНЕНИЯ

Признаться, мне немного жаль тратить время и бумагу, чтобы опровергнуть измышления, о которых я собираюсь рассказать, но, к сожалению, всегда есть доверчивые читатели, которых смутят такие выдумки. Это немного похоже на все те «истинные жизнеописания» Христа, которые появляются в результате медиумических сеансов, путешествий за пределы собственного физического тела к так называемым «хроникам Акаши», в результате «автоматического письма» — одним словом, всех тех явлений, которые действительно существуют, но которыми легко злоупотребляют всевозможные шарлатаны и всяческие ясновидцы. Значит, об этом надо сказать хотя бы два слова.

Время от времени озвучивается одна особенно смешная гипотеза, а именно мысль о том, что Туринская плащаница — не что иное, как произведение Леонардо да Винчи. Эта глупость существует в нескольких вариантах. С точки зрения одного «искусствоведа», участвовавшего в исследовательской комиссии 1976 года, странности изображения на плащанице объясняются художественным приемом “sfumato”, который, как известно, очень любил Леонардо и суть которого заключается в растушевке всех контуров (386). Линн Пикнет и Клайв Принс считают, что Леонардо уже в свою эпоху открыл принцип фотографии и использовал его в Туринской плащанице, оставив нам не лик Христа, а свой автопортрет (387). Однако для всех этих гипотез существует одно затруднение: о плащанице знали уже в 1389 году (когда ее впервые стали показывать верующим), а Леонардо да Винчи родился только в 1452 году. Следовательно, надо выдумать историю с подменой, которую не заметили, а значит, надо признать, что плащаница, которую сегодня почитают в Турине, — не та, которую когда-то показывали в деревне Лире! По существу, нет совершенно никаких оснований отстаивать эту гипотезу, но как же можно сомневаться, что создателем плащаницы был Леонардо, если в сеансе

«автоматического письма», устроенного Линн Пикнет, он сам сообщил ей об этом, да еще и подписался — «Леонардо»?!

Есть еще одна проблема: если это действительно дело рук Леонардо, то как объяснить наличие пыльцы на плащанице, а также отпечатков растений, монет на глазах, сгустков крови и т. д.? Получается, что тогда Леонардо обнаружил и маленькие отверстия в форме буквы L в уже упоминавшемся нами «молитвенном кодексе» и понял всю их важность. Главный недостаток всех этих объяснений в том, что они частичны и не учитывают всей полноты выявленных особенностей плащаницы.

А теперь вкратце приведем несколько особенно забавных примеров, к которым мы обратились только ради того, чтобы показать, что не стоит слепо верить какому-нибудь очередному «исследователю». Уже давно известна гипотеза профессора Броха, который считает, что изображение на плащанице — это просто отпечаток, появившийся в результате наложения полотна на рисованный барельеф. Особенно «смачный» вариант этой гипотезы разрабатывает некто Маккроун, которого иногда называют большим американским специалистом по плащанице. Он считает, что отпечаток возник от живого человека, обрызганного охрой. Добавим, что Маккроун уже осрамился, когда карту канадского побережья, датированную приблизительно 1440 годом, т. е. задолго до путешествия Христофора Колумба, он сам датировал как подделку XX века и к тому же настаивал на справедливости этой датировки. Есть и такие, кто считает, что Туринская плащаница — это всего лишь простыня, появившаяся во время эпидемии чумы (389). Другие утверждают (разумеется, ссылаясь на некое абсолютно подлинное свидетельство какой-то внеземной цивилизации), что следы крови на плащанице говорят лишь об одном: на самом деле Христос не был мертвым, но переполошившийся Ватикан поспешил заменить настоящую плащаницу на копию. Третьи отмечают, что очертания кровавого пятна, возникшего после удара копья, в точности соответствует профилю Людовика XVI, а четвертые вдруг обнаружили, что прожженные места на плащанице и сделанные заплатки поразительно напоминают сатанинские личины! (390). Сразу видно, какие выводы из всего этого можно сделать.

СХОДНЫЕ СЛУЧАИ

Прежде чем перейти к рассмотрению серьезных гипотез формирования Туринского изображения, отметим, что в мире есть несколько редчайших примеров, очень похожих на Туринскую плащаницу.

В конце XIX века, ведя раскопки в Египте, археологи обнаружили в гробнице Антиноя льняное полотно, покрывающее лицо женщины, умершей две тысячи лет назад. На этом полотне сохранился очень четкий отпечаток ее лица, и было решено, что он, наверное, появился в результате воздействия на полотно ароматизирующих веществ.

О трех других весьма необычных случаях сообщает Артур Лот. В 1871–1872 годах в Булене (департамент Эндр) после смерти молодой женщины на подушке остался бледно-розовый отпечаток ее лица. 12 июня 1902 года об этом случае было напечатано в “*Journal des débats*”.

В 1869 году во время эпидемии желтой лихорадки, разразившейся на острове Тринидад, умер молодой ирландский миссионер. На следующий день его похоронили, а вернувшись с кладбища и войдя в его комнату, чтобы сжечь его постельные принадлежности, обнаружили «цветной отпечаток его тела на простыне, где он лежал мертвым. Это, разумеется, был лишь силуэт человека, потому что умерший лежал на спине».

В феврале 1871 года прусские солдаты расстреляли одного приходского священника, а гроб с трупом положили в братскую могилу. Через пять месяцев, когда гроб раскопали, чтобы воздать павшему подобающие почести, на внутренней стороне его крышки обнаружили «основные черты лица покойного».

Добавим к этим примерам еще один, столь же необычный: мы имеем в виду Шарбеля Махлуфа, знаменитого монаха с Ливанских гор. После его смерти на погребальной ткани запечатлелось его лицо, хотя надо отметить, что сохранившийся отпечаток далеко не такой четкий, какой мы имеем на Туринской плащанице (392).

И, наконец, подчеркнем, что ни в одном из приведенных примеров нет той совокупности необычных явлений, которую можно наблюдать на плащанице.

ПОПЫТКИ СЕРЬЕЗНЫХ ОБЪЯСНЕНИЙ

Сразу подчеркнем: чтобы быть объективным и непредвзятым в своем стремлении объяснить тайну плащаницы, необходимо учитывать не только изображение тела, но и изображение монет, а также механизм появления следов крови (появились ли они в результате одного и того же процесса или какого-то другого, в один и тот же

момент или потом). Однако на самом деле все до сих пор предлагавшиеся объяснения касаются только формирования самого изображения, и потому я вынужден ограничиться только этой проблемой, подчеркивая, что пока ни одно из объяснений не кажется удовлетворительным.

Кроме того, я должен предупредить читателя, что приведу лишь несколько попыток объяснения. Все исследователи признают, что Туринская плащаница — самый исследуемый археологический объект в мире. Число попыток объяснить тайну этого полотна просто невероятно. Количество наблюдений, громоздящиеся друг на друга гипотезы, конкретные попытки конкретных проверок — все это очень впечатляет, и понятно, что из всего этого изобилия здесь я мог обратиться только к некоторым примерам.

Однако во всех этих попытках мне особенно интересно, что все ученые, исследовавшие плащаницу, чувствуют, что находятся перед какой-то тайной. Не исключено, что однажды мы, наконец, пойдем, как это изображение сформировалось и даже каким образом на нем оказалась кровь, но даже тогда мы не перестанем удивляться тому редчайшему стечению обстоятельств, которое позволило, чтобы это произошло в одно и то же время с одним и тем же предметом. Плащаница все равно останется абсолютно уникальным, необычайным знамением, подлинным «чудом» в истинном смысле этого слова.

ЭВАПОГРАФИЯ

Это гипотеза уже довольно стара, имеет несколько вариантов, а суть ее в том, что формирование изображения было вызвано аммиачными испарениями из мочевины, содержавшейся в крови и поте, а также из ароматической мирры, алоэ и т. д. Первое возражение заключается в том, что такое испарение распространялось бы по всем направлениям, а изображение на плащанице предполагает ортогональную проекцию. Кроме того, при таком испарении изображение было бы в одних местах более четким, в других расплывчатым, в то время как мы имеем совершенно однородный образ. Вдобавок дорсальное изображение было бы четче фронтального, чего на самом деле нет, да и вообще изображение должно было бы быть гораздо менее четким. Наконец, изображение, сформированное таким образом, наверняка пропитало бы ткань.

НАГРЕТАЯ МЕТАЛЛИЧЕСКАЯ СТАТУЯ

Согласно этой версии речь идет о том, что плащаницу наложили на разогретый металл, что и вызвало следы ожога на ткани (это легко достигается разогретым утюгом). Однако если эти следы рассматривать в темноте в направлении источника света, то видно, что от них исходит розовое свечение: это верно, если мы имеем в виду те места плащаницы, которые пострадали во время пожара в Шамбери в 1532 году, но неверно по отношению к самому изображению (393). Добавим, что все попытки получить изображение через соприкосновение ткани с каким-нибудь рельефным предметом приводят к возникновению сильных искажений.

ОТПЕЧАТОК КАК В ГЕРБАРИИ

В 1932 году два французских исследователя, наложив льняную ткань на потную кожу человека, заметили, что по прошествии, по меньшей мере, трех лет начиналось потемнение, вполне сравнимое с тем, которое привело к формированию изображения на плащанице.

В 1942 году профессор Волкрингер опубликовал результаты собственных исследований, начатых в 1937 году. В них он пытался показать, что отпечатки на плащанице могли возникнуть в силу природных процессов. Он исследовал старые гербарии, датированные 1840-м, 1836-м и даже 1650-м годами (этот последний находится в Музее истории природы). Имеющиеся в них отпечатки содержат те же характеристики, что и отпечатки на плащанице: никаких красящих веществ, смутное очертание и в то же время большая точность деталей; фотографический негатив воспроизводит растение в позитиве; имеется возможность воссоздать рельефное изображение на компьютере; стойкость к воздействию теплоты и всех растворителей, отсутствие свечения в ультрафиолете (как и в случае с изображением на плащанице). Он даже обнаружил, что контакт с растением не обязательно должен быть долгим: растение можно убрать очень быстро, но изображение все равно постепенно начнет формироваться. Окисление, едва начавшись от контакта с кожей, потом продолжается самостоятельно, и эта особенность снимает возражение, которое годами выдвигается против данной гипотезы. Бернар Рибай помещал растения не между листами бумаги,

а между двумя льняными полотнами. В обоих случаях речь идет о клетчатке. Отпечатки начинают появляться, но не так быстро, как на бумаге (394). В 1981 году Самуэль Пелликори, сотрудник Исследовательского центра Санта-Барбара (Santa Barbara Research Center), продолжил анализ в этом же направлении, ускоряя процесс старения с помощью специальной печи, предназначенной для искусственного старения тканей, а также деревянных и прочих изделий. Результаты подтвердили данную гипотезу, и для археолога Марии Сильято они стали простым и окончательным объяснением тайны плащаницы. Она постоянно высмеивает все другие гипотезы и особенно те, в которых говорится о чуде (395).

Однако, как отмечает доктор Жан Сола (правда, не имея в виду именно эту гипотезу), «в запасниках музеев хранится много старых тканей, которых не показывает публике, поскольку они интересны только специалистам. Это длинные куски материи, которые могут иметь какие-то грязные отметины, неясные очертания, следы гниения, сукровицы или крови — как на перевязочных материалах. Но ни на одном из них нет фронтального и дорсального изображения человека как на плащанице» (396). Можно ли сделать вывод, что все эти ткани не льняные? И не лучше ли согласиться, что, даже если бы и выявили механизм формирования образа на Туринской плащанице, все равно надо было бы признать, что этот механизм функционирует так точно, что здесь вполне можно говорить о некоем знамении?

Есть немало исследователей, для которых эта гипотеза не кажется убедительной. Изображение на плащанице находится на самой поверхности ткани, тогда как отпечатки растений проникают до подложки. Кроме того, мы видели, что на плащанице на один квадратный сантиметр приходится огромное количество желтых волоконцев, которые создают впечатление более или менее окрашенных участков (что и позволяет глазу разглядеть изображение). Ничего такого нельзя сказать об отпечатках из гербариев. Кроме того, рельеф этих растений, сдавленных двумя листами, не имеет ничего общего с рельефом тела. Если, как считает Мария Сильято, сама плащаница находилась на ложе из ароматических растений, пересыпанных солью, и к тому же была покрыта, то, конечно, прилегание плащаницы к телу объясняется немного лучше, что она и пытается показать. Но даже там, где имеется изображение, расстояние от плащаницы до тела порой, по-видимому, достигало четырех сантиметров (397). Это особенно верно по отношению к лицу, если оно на самом деле было обрамлено дощечками для фиксации

положения (что сегодня кажется вполне вероятным) (398). И тем не менее окрашивание лица гораздо четче, чем тела. Кроме того, с такой гипотезой никак не увязываются отпечатки монет: ведь они должны были бы действовать как своего рода ширма и оставить только белые круги.

СИЯЮЩЕЕ ИЗЛУЧЕНИЕ

Эта гипотеза тоже не нова, и у нее есть много вариантов. Среди самых убедительных — опыты, которые проводит Себастьяно Роданте (399). Этот исследователь использовал фотографию негативного изображения лица на плащанице (которое производило впечатление позитива). С помощью небольших отверстий он определил светлые участки, соответствующие тем частям, которые были в прямом контакте с плащаницей, а затем наложил это фото (таким образом перфорированное) на льняную ткань, пропитанную водным раствором алоэ и мирры, и все выставил на солнечный свет. В результате он действительно получил негативное изображение на льняном полотне — точно такое же, какое мы имеем на плащанице. Однако если принимать эту гипотезу, тогда надо подчеркнуть, что причиной появления изображения в гробнице был не солнечный свет. Напрашивается мысль о том, что именно Христово тело, преобразившись в свет в момент воскресения, и запечатлело свое собственное изображение на плащанице, в которую было завернуто.

Главное, на что остается ответить, — почему эта проекция была только вертикальной и одинаковой вниз и вверх.

Решение этой проблемы недавно предложил Сергей Муравьев (400). С его точки зрения, изображение сформировалось не в гробнице после погребения, а до него, т. е. в результате солнечного света. Что касается фронтального и дорсального аспектов, то они сформировались не сразу, а один за другим (этим же объясняется и тот факт, что они не совпадают целиком и полностью). Благодаря тщательному исследованию стало ясно, что на фронтальном и дорсальном изображении положение тела не было одним и тем же. Своими лучами солнце пронизало плащаницу (известно, что она просвечивается при направленных на нее прожекторах). Часть этого света отразилась на внутренней стороне плащаницы, которая отреагировала как фоточувствительная пленка (поскольку благодаря

мире и особенно алоэ плащаница уже была подготовлена к такой реакции).

Слабость этой гипотезы в том, что она не подтверждается никакими документами, никаким известным нам еврейским обычаем. Почему апостолы решили выставить на солнце тело, завернутое в плащаницу, и спустя какое-то время перевернули его? И разве не смешались бы следы крови во время такого переворачивания?

Другие исследователи склонны говорить о некоем взрыве энергии, исходившей из самого тела уже в гробнице (например, так считает доктор Роданте, пытающийся объяснить, почему излучение происходило только в вертикальном направлении). Сходной точки зрения придерживается и отец Жан-Батист Ринодо. Он тоже считает, что фронтальный и дорсальный виды сформировались один за другим. «Гробница, “высеченная в скале”, во время грозы могла вести себя как электрический конденсатор. Между полом и потолком могло возникнуть электрическое поле порядка 30 000 вольт на квадратный сантиметр, что во время излучения протонов направило бы их вверх, способствуя формированию вентрального изображения». В своей статье он описывает механизм инверсии магнитного поля, позволившего сформироваться дорсальному изображению. Остается, продолжает отец Ринодо, решить «вопрос о происхождении энергии, создавшей такой феномен». Сам он подчеркивает, что она не могла исходить от трупа как такового, и, значит, тут вмешалась какая-то другая сила.

Эта энергия вызвала распад ядер дейтерия, содержавшихся в теле, высвободив протоны, сформировавшие изображение, и нейтроны, обогатившие ткань углеродом (401). Эта гипотеза в какой-то мере уже нашла свое подтверждение. Протоны вполне могли вызвать упоминавшееся нами пожелтение, а нейтроны обогатить ткань углеродом.

Тем не менее и эта гипотеза сталкивается со многими трудностями. Отец Ринодо меняет схемы своих рассуждений в зависимости от возражений, которые ему предъявляют другие исследователи, а профессор Эберхард Линднер тоже склонен считать, что изображение на плащанице было вызвано излучением, но он полагает, что это были электроны (402).

Если нам хочется думать, что тело исчезло, преобразовавшись в сгусток энергии, то здесь не мешает прислушаться к специалистам в области атомной физики, а они говорят, что такая энергия была бы равносильной бомбе, способной уничтожить весь Иерусалим!

ДРЕВНИЕ ОБЯДЫ

Все варианты гипотезы, согласно которой изображение на плащанице сформировалось в результате излучения, исходят из якобы очевидного постулата: это излучение шло вертикально. Однако некоторые исследователи отмечают, что нельзя говорить об одном лишь вертикальном излучении. Например, Патрик Хамон полагает, что отсутствие бокового изображения можно объяснить наличием тех досок, которые, вероятно, сжимали тело, чтобы оно лучше держалось в своем достаточно искусственном положении. Кроме того, есть гипотеза, что положение головы удерживалось специальной деревянной рамкой и на голову был надет убор, имевший подбородник. Некоторые боковые участки тоже не спроецировались, потому что были укрыты плитками ароматических веществ, плотно прижатых к телу. Вдобавок надо отметить, что если бы излучение шло строго вертикально, некоторые искажения в деталях изображения не возникли бы. К тому же нельзя не учитывать того факта, что следы крови часто смещены по отношению к ранам, которые были их причиной.

В таком случае надо думать, что изображение возникло в результате простого контакта тела с плащаницей, которая заранее (согласно древнему ритуалу) была пропитана водой, смешанной с пеплом рыжей телицы (403). Согласно этой гипотезе два изображения сформировались в одно и то же время.

Однако ничто не доказывает, что апостолы использовали эти древние ритуалы и что такая процедура могла привести к формированию четкого изображения. Автор этой теории занимается весьма тщательной и подробной реконструкцией того, что во многом оказывается совершенно необоснованным. Например, он обращает внимание на одну деталь, которая, однако, вступает в противоречие с данными других исследований. Речь идет о полосе материи вдоль плащаницы, которая, на первый взгляд, была отрезана, а потом снова пришита. Теперь мы знаем, что ничего такого нет, даже если на этом месте на самом деле есть шов (405).

Однако в данном случае меня прежде всего интересует тот факт, что в этой теории есть нечто общее с уже упоминавшимся эффектом гербария или с тем процессом, в результате которого могло появиться нечто странное, о чем я говорил в начале.

Если изображение сформировалось не в результате строго вертикальной проекции, тогда точка зрения доктора Роданте, а также отца Ринодо и профессора Линднера становится более правдоподобной.

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Начиная с 1999 года проводились сотни новых исследований, направленных на формирование какой-нибудь новой гипотезы. Как известно в Евангелии от Матфея сообщается о двух землетрясениях: одно произошло в момент смерти Христа, другое — тогда, когда женщины пришли к гробнице. Исследователи приступили к изучению сейсмически опасной зоны, находящейся в районе восточного Пьемонта. На льняной ткани поместили определенные предметы, причем два полотна материи были зажаты между двумя гнейсовыми плитами, параллельными почве, и все это было заперто в скалистой впадине, отчасти имеющей ферромагнитные свойства. Надо сказать, что некоторые изображения действительно сформировались в результате ортогональной проекции на два полотна ткани, но только при том условии, если они были пропитаны алоэ. Изображения были более четкими, если мирру не добавляли. Они имели три измерения, как и изображение на плащанице, а сформировались во время подземных толчков или даже за два-три дня до них. Четкость изображений зависела от их расстояния до льняной ткани (406). Если верить св. Матфею, то изображение на плащанице сформировалось в период между двумя толчками. И мне кажется, что это и способствовало формированию двух отпечатков.

Предварительный вывод

ВЕРОЯТНОСТЬ НА УРОВНЕ ФАНТАСТИКИ

Конечно, мы никогда не получим абсолютного, непреложного доказательства подлинности плащаницы. Как говорят некоторые исследователи, даже если мы найдем в ней рукопись самого Понтия Пилата, подтверждающую, что это на самом деле Христова плащаница, мы все равно можем сомневаться в подлинности этой рукописи, а значит, и плащаницы.

Но можно и по-другому подойти к проблеме, поставив вопрос так: «Возможно ли, что эта ткань — не плащаница Христа?». Несколько ученых-статистиков, решили просчитать такую вероятность. Они, конечно же, исходили из всего того, что уже известно о плащанице, и потому их расчеты предполагали несколько этапов. Они, например, подсчитали, какова возможность того, что в эту ткань (при всем том, что мы о ней знаем) не заворачивали мертвого человека. Затем они подсчитали вероятность того, что в данном случае речь не идет о распятом человеке, а потом — вероятность того, что терновый венец был надет на какого-то другого распятого; что кто-то другой с терновым венцом на голове после смерти получил удар копьём и т. д.

Конечно, оценки, в зависимости от принятых критериев, могут сильно меняться: они дают лишь порядок величины, но каждый раз эти ученые приходили к совершенно астрономическим цифрам. В начале этого века профессор и агностик Ив Делаж пришел к такому выводу: вероятность того, что Туринская плащаница не принадлежала Христу, не составляет даже единицы на десять миллиардов. Спустя некоторое время, когда мы знали о плащанице уже гораздо больше, Бруно Барберис, профессор математики из Туринского университета, заявил, что такая вероятность составляет лишь единицу на двести миллиардов, а Джулио Фанти, преподаватель из университета Падуи, утверждает, что она равна единице на десять со ста нулями (407).

СТРОГО НАУЧНАЯ ПРОБЛЕМА

Церковные люди довольно часто смущаются, говоря о том, что они верят в подлинность плащаницы. Нередко им кажется, будто они должны извиниться за это: раз уж они «верующие», значит, надо верить и в плащаницу. К счастью, в отличие от них многие исследователи не спешат извиняться: они гораздо квалифицированнее, чем, например, я, потому что у них, в отличие от меня, научная подготовка, и мне кажется, что здесь они правы. В плащанице содержится достаточно информации, чтобы она сама могла доказать любому честному исследователю (независимо от того, верующий он или нет), что она скорее всего была погребальными пеленами Христа. Признание ее подлинности — проблема строго научная, и она практически уже решена.

Остается объяснить, как тело вышло из плащаницы. Мы знаем, что в ней оно находилось недолго: от тридцати шести до сорока часов. Если меньше, тогда, наверное, не появились бы пятна крови, а если больше, тогда появились бы первые следы гниения. И напомним еще раз: если бы кто-то попытался отделить тело от плащаницы, на ней появились бы следы оторвавшихся волоконцев, а сохранившиеся сгустки крови просто потрескались бы и лопнули. На самом деле ничего такого нет. Тело недолго находилось в плащанице, а потом таинственным образом исчезло: растворилось, испарилось, преобразилось в чистую энергию или претерпело какие-либо другие изменения, но без разрушительного взрыва. Все, что говорит нам наука, в точности соответствует евангельскому повествованию и особенно тому, о чем сообщает св. Иоанн (Ин. 20: 6–7), рассказывая, как Петр и он сам на третий день утром, т. е. в воскресенье, пришли к гробнице.

«Петр видит одни лежащие пелены, одну плащаницу и плат, который был на голове Иисуса, не лежащий вместе с пеленами, но особо свитый на том же месте». Этот перевод, заимствованный мною из недавнего исследования (408), немного проясняет текст, но, как мне кажется, не передает его полностью. Греческий глагол “keimai” предполагает нечто растянутое, покоящееся, будучи оставленным. Плащаница больше не наполнена телом, она не повторяет его форму, в ней нет выпуклостей и округлостей: она просто лежит плашмя. Что касается «плата», который прежде был «на голове Иисуса» (но не на лице), то он в силу своей формы не мог быть так же разглажен и потому был «свитым».

Существуют и другие настоящие реликвии, о которых мы еще не говорили и которые только усиливают впечатление от поиска следов, издавна уготованных нам самим Богом, — уготованных для того, чтобы однажды в нужное время наша наука и техника сказали свое последнее слово, а пока они помогают нам шаг за шагом разгадывать Божий замысел.

СУДАРИЙ ИЗ ОВЬЕДО

Недавние открытия в исследовании Туринской плащаницы оживили интерес к другим реликвиям, тоже связанным с крестными страданиями Иисуса Христа, и здесь одной из самых важных является, конечно же, платок («сударий») из испанского города Овьедо. Здесь слово «сударий» на самом деле подходит: он немного напоминает сегодняшний платок. Им пользовались для того, чтобы вытирать или мыть лицо, а кроме того обычно таким платком закрывали лицо умершего (например, лицо Лазаря, см. Ин. 11:44). Считается, что сударий из Овьедо — это тот самый платок, которым покрыли лицо Христа, но вряд ли это был тот «сударий», о котором говорит св. Иоанн (и который находился в гробнице). Некоторые считают, что «сударий», о котором говорится в Евангелии, лучше было бы перевести «подбородником» или даже «головотяжем». Вполне возможно, что ткань, хранящаяся в Овьедо, закрывала лицо Христа, но лишь недолгое время: с момента снятия его с креста и до положения в гробницу. Известно, что обычай закрывать лицо умершего мог сильно варьироваться: иногда лицо человека, подвергавшегося казни, закрывали уже в момент его пригвождения ко кресту, иногда — когда он уже висел на нем, а порой только после его смерти.

Самый первый международный научный конгресс по проблеме судария состоялся лишь в 1994 году в городе Овьедо (29–31 октября). В его работе приняли участие сто сорок семь человек из различных стран и первые результаты сразу оказались очень важными (409).

ОБЩЕЕ ОПИСАНИЕ

Сударий представляет собой льняное полотно 84 на 53 сантиметра, и его нити по своему строению идентичны нитям плащаницы, равно как и толщина волокон. Они сплетены вручную так называемым Z-образным скручиванием, но ткань имеет прямой угол, и в этом его отличие от плащаницы.

Сейчас сударий пришит к белому полотну как своей основе, без какой-либо защиты. Все это находится в серебряном ларце.

Первое впечатление оказывается достаточно разочаровывающим — несмотря на исторические доводы и просто благочестивые чувства. Смотреть практически не на что: никакого лица Христа не видно, а видны только несколько пятен крови, и только возможности современной науки заставляют увидеть в них нечто важное.

Для точности исследования фотографический снимок обратной стороны судария был разделен на квадраты: сорок два квадрата один за другим в длину и последовательные линии от А до Z в ширину. По краям на два сантиметра в ширину были сделаны небольшие отверстия. Еще задолго до того как ткань была пришита на подложку, она имела в себе серебряные гвозди.

Особую важность для исследования имеют складки. Главная складка соответствует центральной оси, хотя она немного сдвинута, и в результате одна сторона немного несимметрична по отношению к другой, а значит, некоторые пятна, находясь на самом краю более длинной стороны, не появляются на другой. Но есть также много других складок, расплосканных по другим линиям. Одни горизонтальны, другие расположены по диагонали, и этим объясняется тот факт, что в одних местах мы имеем группы симметричных пятен, а в других некоторые пятна не имеют своего симметричного соответствия. Наконец (как будто для того, чтобы все усложнить), некоторые складки не соответствуют времени самого события, а относятся к позднейшей истории существования судария (410).

Уже сделано множество фотографий этого полотна: в обычном свете, в инфракрасном, в ультрафиолетовом, в боковом и т. д. Полученные изображения стали предметом электронного, динамического и прочих видов анализа. Чтобы показать масштаб этой работы, скажу, что только 24 мая 1985 года было сделано сто восемьдесят снимков в обычном свете и сто сорок четыре — в инфракрасном (411).

ИСТОРИЯ СУДАРИЯ

Одной из важных особенностей этой ткани является то, что ее история достаточно хорошо известна, причем начиная с довольно далекой даты. Тем не менее, как это всегда бывает, самые первые, принципиально важные годы ее существования имеют меньше всего свидетельств. Нам придется удовольствоваться достаточно древними

текстами, которые, однако, не так точны, как нам хотелось бы, т. е. не являют собой нотариальных актов.

Тем не менее согласно преданию (412), в основном записанному Пелагием (который в XII веке был епископом города Овьедо), в первые годы христианства апостолы хранили в кедровом ларце, или священном ковчеге (*Arca Santa*) некоторое количество реликвий, оставшихся от Христа и Девы Марии. Перед вторжением в Палестину персидского царя Хосрова II (614 год) священник Филипп перевез ковчег в Александрию, но когда персы вторглись в Африку, реликвии были отправлены на север, перебрались через Гибралтарский пролив и добрались до Картахены, где их принял епископ Фульгенций, вскоре передавший их Севильскому епископу Леандру. Его преемник, св. Исидор Севильский, хорошо известен историкам.

Поскольку самое первое свидетельство о сударии восходит всего лишь к XII веку, сомнение в возможности полного воссоздания его истории вполне законно. Однако в XVIII веке были обнаружены письма св. Браулио, епископа Сарагосы и друга Исидора. В одном из них, датированном 620–650 годами, автор намекает на существование «плащаницы, в которую было завернуто тело Христа». Именно в это время святой ковчег прибыл в Севилью, а св. Ильдефонс, ученик св. Исидора, ставший епископом Толедским, увез ларец с реликвиями, чтобы спрятать его в столице испано-визиготского царства. Присутствие ковчега в этом городе свидетельствуется VII веком.

В первой половине VIII века, опять спасаясь от мусульманского нашествия, ковчег переместился на север, в Астурию (согласно свидетельствам он прибыл туда между 812 и 842 годами). За это время кедровый ковчег был заменен на дубовый, но, к сожалению, мы не имеем никаких следов описи содержимого, которая могла быть сделана по этому случаю. Ларец оставался закрытым в течение нескольких веков: к нему относились с безмерным почтением, но не открывали. Тем не менее мы располагаем целым рядом текстов, относящихся к реликвиям и их хранителям (это 847, 906, 908, 1006, 1044, 1056 и 1128 годы) (414), а перед последним свидетельством (1128 год) произошло одно важное событие.

В 1075 году в Овьедо прибывает король Альфонс VI, и по этому случаю ковчег открывают и составляют опись его содержимого. Король повелевает обить ковчег серебром. На крышке ковчега отчеканена дата завершения этой работы — 1113 год (а также имеется список реликвий, среди которых упоминается «святой сударий Господа нашего Иисуса Христа»).

Потом было сделано еще несколько «инвентаризаций», списки которых мы имеем (и особенно той, которая была совершена в конце XVI века по повелению Овьедского епископа). Текст 1765 года ясно показывает, что для короля преемственность в существовании судария из Овьедо не вызывала никаких сомнений. Паломники, шедшие в Сантьяго-де-Компостелла, обычно делали небольшой «крюк», переходили Кантабрийские горы, чтобы почтить сударий, хранившийся в соборе Сан-Сальвадор города Овьедо. Сложилась даже пословица, из которой видно, какое значение имел сударий:

«Кто идет в Сантьяго, но не в Сальвадор,
Тот чтит слугу и пренебрегает Господом» (415).

Сегодня сударий хранится в ризнице собора. Для почитания его выставляют только в святую пятницу и в праздник Святого Креста.

АНАЛИЗ ПЫЛЬЦЫ

Можно было бы сомневаться в достоверности тех редких документов, которыми мы располагаем, но тут большую помощь оказывает пыльца, найденная на сударии. В 1979 году все тот же Макс Фрай, которому мы обязаны самым полным анализом пыльцы на плащанице, проделал такую же работу с сударием. Он обнаружил на нем пыльцу шести видов растений, следы которых можно найти и на плащанице, причем два вида пыльцы характерны для Палестины. Другие виды, на плащанице не найденные, соответствуют растениям Северной Африки. На сударии не обнаружилось ни одной пыльцы растений, произрастающих в Турции или Европе, в то время как ее довольно много на плащанице (416). Специалисты весьма критически настроены к работе Макса Фрая, но надо отметить, что потом таким же анализом занимались и другие исследователи, в частности Монтеро и Пинтадо, обнаружившие тридцать различных видов пыльцы, которые затем исследовал Кармен Гомес Феррерас (417). Все эти исследования, по крайней мере, подтверждают, что происхождение судария — средиземноморский бассейн. Если мы вспомним о том, что последние открытия, в конечном счете, подтвердили правильность выводов Макса Фрая относительно плащаницы, то можно надеяться, что в будущем такие же исследования подтвердят и полученные им результаты, касающиеся судария.

КАК ИСПОЛЬЗОВАЛСЯ СУДАРИЙ

Для того чтобы узнать, как и при каких обстоятельствах использовался сударий, потребовалась долгая и кропотливая работа. На первом этапе доктор Виллалаин, заслуженный профессор судебной медицины из университета Валенсии, доказал, что на сударии мы имеем пятна крови, что эта кровь — человеческая и что речь идет о группе АВ (418).

Второй этап заключался в том, чтобы определить природу этих довольно размытых пятен. После многочисленных попыток разжигать кровь на приблизительно таком же льняном полотне доктор Виллалаин выяснил, что пятна действительно представляют собой кровь в отношении 1/6, но в центральной части, которая приблизительно соотносится с носом и ноздрями, некоторые доли этих пятен имеют более плотный цвет. В этих местах истечение шло волнами одна за другой, хотя очертания пятен остаются довольно четкими. Следовательно, можно предположить, что, когда шли дальнейшие истечения, первые уже успевали высохнуть. Таких истечений было, по меньшей мере, четыре, что подтверждается денсиметрическими приборами (419). Самое большое составляет двадцать кубических миллиметров.

Постепенно удалось установить, что же происходило. Первый анализ (когда кровь была разжижена физиологическим раствором) оказался не окончательным, и процесс теоретического воссоздания произошедшего много лет назад продолжился. Известно, что распятые на кресте скорее всего умирали от удушья. В таких случаях происходил отек легких, сопровождавшийся формированием определенной жидкости. Если потом тело испытывало какие-то толчки, жидкость выходила через ноздри. Почти все пятна в этой центральной части судария соответствуют такой картине. Смешав свежую кровь с жидкостью, вытекающей из легких умершего человека (тоже пережившего отек легких, только по другой причине), доктор Виллалаин на этот раз получил вполне убедительный результат. В сформировавшемся ореоле имелись небольшие точки по направлению истечения жидкости, а также маленькие сгустки (точно такие же, как на сударии).

Обстоятельное исследование пятен позволило в точности определить местоположение кончика носа и форму ноздрей. Доктор Виллалаин считает, что по форме пятен, соответствующей последовательным истечениям, можно каждый раз определить, где именно находились пальцы, когда человек пытался остановить истечение.

Эти действия (когда человек любой ценой пытался остановить кровотечение) объясняются тем, что у евреев кровь одновременно связана с источником жизненной силы и нечистоты.

Продолжая исследования, доктор Виллалаин сначала использовал гипсовую голову, снабженную небольшими зондами, вставленными в рот и ноздри, а потом — стеклянную, тоже снабженную миниатюрной системой трубок, но установленную на металлическом основании и соединенную с шарниром, позволяющим поворачивать ее в любом направлении с проведением соответствующих точных замеров. Это хитроумная установка позволила ему определить, что пятна не могли сформироваться при одних и тех же обстоятельствах и в одном и том же положении головы.

Сначала голова Христа, уже умершего, была наклонена вперед и немного вправо, в результате чего кровь и плевральная жидкость, вытекшие из ноздрей, пропитали бороду и усы. Потом тело находилось в горизонтальном положении, ничком, лицом к земле, но также повернутым немного вправо. Тогда сформировались пятна вдоль носа, щек и лба на правой стороне (на левой стороне лба следов крови нет).

Следы от тернового венца не могли запечатлеться на сударии, потому что, когда венец сняли, кровь от шипов уже засохла. Однако внизу шеи образовалось несколько небольших прерывистых пятен, и причина их возникновения была, конечно же, другой. Первые попытки воссоздать ситуацию, в которой они появились, не увенчались успехом, и вскоре профессор Виллалаин понял, что кровотечение, вероятно, началось еще до смерти, и потому необходима свежая кровь. Профессор использовал свою, и на этот раз ему без труда удалось получить те характеристики, которые мы имеем на сударии. Стало ясно, что сударий накладывали на раны приблизительно через час после истечения крови. Происхождение других пятен можно объяснить только тем, что сударий накладывали на окровавленные волосы.

Из всего этого можно сделать вывод, что тело, уже мертвое, оставалось в вертикальном положении, т. е. продолжало висеть на кресте около часа (наклон головы вперед на семьдесят градусов и на двадцать градусов вправо, т. е. практически с упором на правое плечо; поскольку правая рука была вытянута вверх, сударий с этой стороны приложить к голове было невозможно). Именно тогда сформировались самые ранние пятна. Затем тело было снято с креста и, положенное на землю ничком, оставалось в таком положении еще около часа. Именно тогда возникли вторые отпечатки, а третьи, вероятно,

сформировались еще позднее, когда кто-то попытался остановить истечение крови и сыворотки из ноздрей. Наконец, тело перевернуло на спину. Последние отпечатки появились на сударии, вероятно, тогда, когда тело несли в гробницу.

СУДАРИЙ И ПЛАЩАНИЦА

Химический анализ судария выявил целый ряд неорганических привнесений, которые уже были обнаружены на плащанице: кальций, калий, кремний и сера. Это дает основание полагать, что обе ткани подвергались одним и тем же воздействиям (420).

Совпадают и характеристики лица: в обоих случаях речь идет о человеке с ярко выраженной еврейской внешностью. Длина носа в обоих случаях одна и та же — восемь сантиметров. Борода разделяется на два небольших клина, причем в обоих случаях левый гуще правого. Хрящ носа сломан как на сударии, так и на плащанице. На плащанице имеется большое кровавое пятно в форме перевернутой цифры 3 на лбу Христа, но на сударии его нет. Вероятно, кровь уже высохла, когда сударий прикладывали к лицу Христа на кресте. Мы видели, что так же обстоит дело с большинством ран, вызванных шипами венца, причем на плащанице их гораздо больше, чем на сударии.

Есть еще одна особенность, одинаковая для обеих тканей, но обычно она остается незамеченной, потому что, по правде говоря, ее можно разглядеть только на некоторых фотографиях. Речь идет о запекшейся крови на правой стороне бороды, и это объясняется тем, что еще на кресте Христос наклонил голову вправо (это тем более так, если мы, вслед за большинством специалистов, допускаем, что иногда он опирался на гвоздь в ногах, чтобы вздохнуть, а один раз даже для того, чтобы сказать определенные слова). Согласно Евангелиям Христос был распят вместе с двумя разбойниками, и «добрый разбойник» находился справа от него. Следовательно, здесь мы, наверное, имеем зримое запечатление того момента, когда, повернувшись вправо, Христос сказал ему: «Истинно говорю тебе, ныне же будешь со мною в раю» (Лк. 23:43).

Однако сравнение двух тканей далеко не закончено. Уже говорилось о совпадении многочисленных пятен крови, однако сударий был обернут вокруг головы умершего, тогда как плащаница была развернутой. Кроме того, судя по тому, что мы имеем на сударии, можно предположить, что поскольку участки вокруг ноздрей зажимались,

чтобы остановить кровь, платок, как только он был развернут, неизбежно увеличивал изображение лица. Эти различия в формировании изображений на сударии и плащанице позволили провести некоторые математические вычисления (422).

Наложив друг на друга поляризованные изображения на сударии и плащанице, профессор Алан Вангер смог конкретизировать это принципиальное открытие. Если брать только изображение лица на обеих тканях, то здесь совпадают более семидесяти пятен крови, а на черепе и затылке — более пятидесяти (423).

Напрашивается следующий вывод: обе ткани покрывали лицо одного и того же казненного, но изображения на них сформировались не в результате одного и того же процесса. Известно, что в пятнах крови на сударии нет той трехмерной информации, которую мы имеем на изображении плащаницы (424).

Добавим, что научные исследования судария на сегодняшний день далеко не полны. Завершая первый международный конгресс по изучению судария, его основные участники составили впечатляющий список проведенных экспериментов и тестов, и я уже сейчас считаю, что плащаница и сударий вполне однозначно дополняют друг друга.

ХИТОН ИЗ АРЖАНТЁЯ (425)

ОБЩЕЕ ОПИСАНИЕ

Самое лучшее описание этого хитона, или туники находится в протоколе от 14 сентября 1932 года, составленном по случаю подготовки к ее показу, который намечался в 1934 году. В своем рассказе я обращаюсь к труду Франсуа Ле Кере, но вынужден ограничиться лишь кратким изложением, в ходе которого мы увидим, что скорее всего речь идет о той тунике, в которую был облачен Христос во время бичевания и поношения. «Когда же насмеялись над ним, сняли с него багряницу, одели его в собственные одежды его и повели его, чтобы распять его», — повествует св. Марк (Мк. 15:20).

В своем нынешнем состоянии туника не целостна и имеет много дыр. Она пришита к белой шелковой ткани. Основная ее часть — это спина, ворот, плечи, рукава и нагрудник. Три других куса дополняют переднюю часть. Основная часть — от ворота до низа спины — составляет 0,95 метра, а между крайними точками рукавов — 1 метр. Сами рукава имеют в длину всего 10 сантиметров. Сохранившаяся часть переда очень небольшая: от шейного выреза до низа она составляет всего 31 сантиметр. Два куса по 35 сантиметров немного удлиняют переднюю часть по бокам. Между этими кусками отсутствует широкая передняя часть. Исходя из древних описаний туник, мы видим, что у имеющейся туники внизу недостает целой полосы — как спереди, так и сзади.

Туника соткана из шерсти, окрашенной в темно-коричневый цвет. Речь идет не о пурпуре, а о чем-то таком, что в ту пору было более привычным: марене или другом красителе. Более темные пятна — это, по-видимому, кровь.

Кропотливое исследование туники позволяет говорить о том, что она была цельнотканой, включая рукава, т. е. не имела швов. Речь идет об особом методе тканья, не утраченном на Востоке.

ИСТОРИЯ ТУНИКИ, ИЛИ ХИТОНА

Первый текст, в котором говорится о том, что у Христа был хитон, это, конечно, Евангелие от Иоанна: «Воины же, когда распяли Иисуса, взяли одежды его и разделили на четыре части, каждому воину по части, и хитон; хитон же был не сшитый, а весь тканый сверху. Итак сказали друг другу: не станем раздирать его, а бросим о нем жеребий, чей будет, — да сбудется реченное в Писании: “Разделили ризы мои между собою, и об одежде моей бросали жеребий» (426).

В древности действительно существовал обычай оставлять одежду приговоренных к смерти их палачам. Иоанн в первую очередь упоминает именно хитон и делает это потому, что, как он сам говорит, видит в этом исполнение библейского пророчества, но, может быть, еще и потому, что он знает: хитон не разорвали, его сохранили, и он хочет засвидетельствовать будущим поколениям происхождение этой одежды.

Скажем еще раз: наверное, когда-нибудь научные исследования позволят нам с достаточной достоверностью узнать, является ли эта реликвия подлинной, потому что, к сожалению, ее история очень туманна (по крайней мере, до ее появления в Аржантёе). Есть, конечно, некоторые древние документы, но все они перепутаны и лишены какой-либо целостности. Григорий Турский (умер в 594 году) рассказывает, что, по его сведениям, этот хитон находился в деревянном сундуке в предместье Галата, расположенном приблизительно в ста пятидесяти милях от Константинополя. С другой стороны, Фредегар Схоластик (умер около 658 года) утверждает, что хитон находился в Яффе, близ Иерусалима, и что несколько епископов торжественно перевезли его в Иерусалим. Получается, что кто-то из них не прав, потому что оба сразу правыми быть не могут. Может, Григорий Турский спутал Галату в Болгарии с Галатой — кварталом Константинополя, что лежит к северу от Золотого рога? В любом случае ясно одно: византийские императоры очень старались собирать в своей столице все реликвии, которые содействовали укреплению их авторитета.

Древняя предание гласит, что этот хитон или тунику Карл Великий даровал своей дочери Теодраде, настоятельнице монастыря в Аржантёе, а сам он якобы получил его в дар от императрицы Ирины Византийской. К сожалению, до сих пор не нашлось ни одного текста, который засвидетельствовал бы факт этого дара. Тем не менее это было вполне возможно: ведь мы знаем, что велись переговоры о возможном браке между Карлом и этой императрицей. В Константинополь

приезжали послы, а в апреле 803 года — как сообщают «Анналы королевства франков» — они вернулись, «нагруженные духовными дарами, напоминающими о Христовых страстях». Эйнхард, летописец царствования Карла Великого, уточняет, что император получил различные дары в Аахене, Зальцбурге и Риме. В старом мартирологе города Аржантёй говорится о ежемесячно совершаемом богослужении об упокоении души Карла Великого — «в памятование о тех благодеяниях, которыми он обогатил монастырь и особенно о нешвенном хитоне Господа нашего Иисуса Христа, принесенном из Рима».

Все это как будто косвенным образом подтверждается отрывком из хроники Джона Флета, который был настоятелем Вестминстерского аббатства в 1457–1465 годы. Перечисляя реликвии аббатства, Джон упоминает и частицу Святого Хитона из Аржантёя (подарок Карла Лысого).

Правда, тут возникает некоторая трудность, хотя, быть может, преодолимая. У нас есть текст 958 года, в котором говорится, что «почтенный хитон» находится в Константинополе. Речь идет о послании императора Константина Багрянородного своим воинам, в котором он, как мы уже видели, возвещает о том, что для их защиты появится освященная вода (благодаря его общению с различными реликвиями, среди которых называет плащаницу и «досточтимый хитон»).

Но что это была за вода? И это «общение» — не состоялось ли оно гораздо раньше? Или хитон, о котором говорится в этом тексте, был каким-то другим? Может это хитон, хранящийся в городе Трире, который, по-видимому, тоже мог быть подлинным, только не связанным с крестными страданиями?

Около 850 года викинги разрушили монастырь, и монахи были вынуждены его покинуть. Строения лежали в руинах до 1003 года, когда мать Роберта II Благочестивого начала восстанавливать аббатство. Монахи-бенедиктинцы стали возвращаться, но после набега норманнов больше о хитоне никто не говорил.

Именно в этом монастыре воспитывалась знаменитая Элоиза и именно сюда в 1120 году она возвратилась после драматической истории с Абеляром. В 1123 году ее избрали настоятельницей, но во время ее руководства монастырем устав св. Бенедикта соблюдался не слишком строго. В 1129 году монахинь сменили монахи, которые, вероятно, и обнаружили хитон.

В 1156 году архиепископ Руана Гуго в сопровождении многочисленных епископов, аббатов, сановников и в присутствии самого короля франков отправляется в Аржантёй. Там он торжественно учреждает чин поклонения святому хитону, однако тут мы сталкиваемся

с той же проблемой, что была и в случае с плащаницей. Реликвию признали таковой, но названа она была иначе. В латинском тексте говорится о «плаще отрока Господа Иисуса» и об «одеянии». Роберт де Ториньи, настоятель монастыря Мон-Сен-Мишель, пишет в своих «Хрониках»: «В предместье Парижа, в монастыре Аржантёй Божьим откровением был обретен плащ нашего Господа. Он цельнотканый и рыжеватый на вид. Найденные вместе с ним письма указывают, что он был сшит преславной Матерью Спасителя, когда тот был еще отроком». Добавим, что, как утверждает легенда, этот «плащ» «рос» вместе с отроком.

Как и в случае с плащаницей, несмотря на то, что вопрос о подлинности данной реликвии оставался открытым, ее почитание росло и ширилось. В 1544 году Франциск I разрешил городу возвести крепостные стены для лучшей защиты монастыря, «в коем покоится пресвятой и драгоценный реликварий с нешвенным одеянием Господа нашего и Искупителя Иисуса Христа».

Однако 12 октября 1567 года возведенные стены не смогли защитить от гугенотов, и на сей раз реликвия пострадала от кальвинистов. Монастырь был разрушен, городские церкви сожжены, церковные святыни и украшения разграблены. Но хитон сумел он них ускользнуть. Со временем Генрих III повелел восстановить монастырь.

Во время революции, а именно в 1791 году имущество монастыря снова было захвачено, но хитон успели спрятать в одной приходской церкви. В 1793 году в самый разгар революционных бесчинств приходской священник, стремясь надежнее упрятать святыню, разрезал ее на несколько кусков, которые раздал различным людям, а основную часть закопал. В 1795 году, выйдя из тюрьмы, он вернулся в свой приход и откопал ее, а в 1804 году хитону снова стали поклоняться. В 1844 году его поместили в новый реликварий, а в 1854 году по просьбе Пия IX, очень хотевшего иметь фрагмент хитона в Риме, от него была отрезана еще одна часть.

В 1892–1893 годах начались первые научные исследования хитона, а в 1932 году в преддверии его демонстрации, назначенной на 1934 год, было составлено его описание. Кроме того, епископ Версаля послал генерального vicaria в Коннерсройт к Терезе Нойман — показать ей частицу хитона. Один из ее особенных даров — это так называемый иерогнозис, т. е. способность через простое прикосновение к предполагаемой святыне определять ее подлинность и историю возникновения. Кроме фрагмента хитона vicарий привез три креста, считавшихся подлинными, но, прикоснувшись к ним, Тереза, осталась спокойной. Когда же ей в закрытом пакете предложили

фрагмент хитона, она сразу схватила его и прижала к сердцу, светясь от радости.

Последняя демонстрация реликвии состоялась в 1934 году, а следующую было намечено провести через пятьдесят лет, т. е. в 1984 году, хотя среди священников это не вызвало особого восторга. Когда между приходом и епархиальным начальством шли дискуссии об уместности такой демонстрации, приходской священник заметил, что однажды ночью реликвия пропала. Это событие получило огласку (причем не только во Франции, но и за границей), удивившую многих представителей духовенства, но после каких-то таинственных действий и тайных обещаний хитон был возвращен неповрежденным. Его демонстрация состоялась на святую седмицу 1984 года, и каждый день к нему приходило около одиннадцати тысяч паломников.

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научные исследования начались в конце XIX века и продолжались в начале XX века, но, к сожалению, потом были остановлены, несмотря на многообещающие результаты. В 1980 году две американские лаборатории (в Пасадене и Лос-Аламосе) предложили свои услуги по всестороннему изучению хитона, но ответа так и не получили. Тем не менее 14 ноября 1998 года состоялся первый круглый стол, организованный Комитетом святой туники из Аржантёя (COSTA), и научные исследования были возобновлены.

ТКАНЬ

Обычно хитон представлял собой нижнюю одежду, относительно короткую. Прядение и ткачество составляли значительную часть женской работы. В 1892 году были взяты первые пробы материала, проведен первый химический анализ и исследование под микроскопом (427).

Итак, волокна — шерстяные, причем речь идет о мягком и легком тканье. Нити практически одной и той же толщины, и это вызывает удивление, потому что речь идет только о ручной работе. Ткацкий станок, наверное, был очень примитивным, хотя результат просто

замечательный. Хитон имеет темно-коричневый цвет, появившийся в результате окрашивания. Все полностью соответствует тканям коптских христиан, найденным в захоронениях II-III веков нашей эры. Исследования проводились Союзом национальных гобеленовых мануфактур.

ПЯТНА КРОВИ

Итак, первые серьезные химические, микроскопические и спектроскопические исследования ткани были проведены в 1892 году Парижской лабораторией прикладных медико-гигиенических исследований. Здесь нас интересует лишь результат, а он гласит: «Обнаружено несколько кровавых телец. Число этих элементов и их характерная форма позволяют говорить о существовании кровавых пятен».

В протоколе 1932 года дается уже довольно точное описание этих пятен: «В дорсальной части святого хитона особенно явственно видны три больших пятна. Площадь одного из них, расположенного в двадцати пяти сантиметрах от ворота, составляет приблизительно пятнадцать сантиметров на девять сантиметров. ... Ниже, в районе поясицы, находятся два других пятна: одно — четырнадцать на десять сантиметров, другое как будто продолжает первое вправо и вниз. Его величина — девять на восемь сантиметров».

Имеются и другие пятна, меньшие по размеру и не столь заметные. «Также на правом плече можно насчитать четыре пятна, на левом — одно пятно, несколько других пятен — на дорсальной стороне одеяния и на правой части груди». Каноник Бретон, бывший в ту пору приходским священником, имел возможность созерцать тунику в свете множества осветителей во время ее фотографирования. Ему казалось, что пятен крови очень много, что все они различной плотности, а некоторые были очень черными. Медики говорят, что это возникло в результате раздавливания многочисленных кровавых сгустков.

Фотографирование в инфракрасном освещении позволило обнаружить мелкие пятна крови, соответствующие многочисленным ранам. В 1934 году каноник Парко, вместе с доктором Барбе и Антуаном Леграном занимавшийся плащаницей, опубликовал книгу с эскизами, на которых хорошо видно местоположение кровавых пятен.

После первых исследований появилась возможность провести и опубликовать точную картографию (428), в ходе которой пятна на хитоне наложили на пятна, которые видны на плащанице. Работу

проводили в Орсе, используя средства информатики, позволяющие сделать довольно точный анализ. Фотографические материалы были пронумерованы и оптимизированы на компьютере, после чего стало ясно, что «места, пропитанные кровью, оказались более многочисленными, более широкими, а некоторые по своему расположению слегка отличались от тех, которые были обнаружены в 1934 году».

Участки, пропитанные кровью, как будто образуют две прямые линии, пересекающиеся друг с другом под прямым углом, причем каждая в ширину имеет приблизительно двадцать сантиметров. Эти следы дают основание полагать, что — вопреки предыдущему мнению — Христос нес на себе весь крест целиком, а его вертикальная балка лежала на его левом плече. Вспомним, что и Евангелия просто и прямо говорят о едином кресте. Когда была произведена реконструкция, в которой участвовал человек, по своему телосложению похожий на того, кто изображен на плащанице, и использовался хитон, своими размерами сходный с хитоном из Анжантёя, можно было наблюдать, как во время несения примерно такого же креста на хитоне образуются складки. Это создало гораздо лучшие условия для наложения двух тканей друг на друга (плащаницу и хитон), и тогда совпадение ран, следы от которых присутствуют на обеих тканях, стало очевидным.

Конечно, всего этого еще недостаточно, но исследования продолжаются, и результаты могут быть самыми неожиданными.

ЧЕПЕЦ ИЗ КАОРА

ОПИСАНИЕ

Речь идет о другой реликвии, которую часто называют «платом» или более фамильярно «святым чепцом». По всей вероятности, это своеобразный подбородник, о котором пишут так: «Он имеет форму и размеры широкой головной повязки, охватывающей голову и оставляющей открытым только лицо: от лба до подбородка. На ощупь эта повязка подбита ватой. Она состоит из восьми очень тонких, наложенных друг на друга тканей, которые, будучи сшитыми, представляют собой нечто единое». Это две полосы ткани, которые закрывают уши и щеки, но оставляют открытым затылок. «На левой стороне видна небольшая пуговица, а на правой под подбородком должен располагаться петличный шнур, который исчез в прошлом веке; все это приспособление было предназначено для того, чтобы удерживать закрытым рот умершего. Судя по материи, форме, крою, окаймляющему сутажу и швам, эта вещь обладает всеми особенностями, которые характерны для погребальных головных уборов той эпохи, к которой ее относят». Уже в результате первого исследования, проведенного в 1640 году, когда этот убор сравнили с изображениями на древних медалях, стало ясно, что он в точности соответствует убору, которым евреи покрывали голову умершего, связывая под подбородком два конца ленты.

ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Увы, как это часто бывает в таких случаях, исторические документы отсутствуют почти полностью. Первое серьезное свидетельство о существовании этой реликвии и о ее присутствии в Каоре относится к 1239 году. Однако мы не знаем, как она оказалась в столице графства Керси.

Около 1150 года один английский паломник составил список реликвий, которые видел в Константинополе. Он говорит о том, что

«в часовне императора», среди реликвий Христовых находился «сударий, который был на его главе» (429).

В 1201 году, когда Николай Месарит защищал реликвии от мятежников, он упомянул о «сударии, бывшем на главе Иисуса». Итак, если реликвия, о которой мы сейчас говорим, и была этим «сударием», то, следовательно, в ту пору она еще находилась в Константинополе.

Скорее всего в 1204 году во время разграбления Константинополя ее вместе со многими другими реликвиями похитили крестоносцы.

ОТПЕЧАТКИ

Две эстампа, выполненные по фотографиям, показывают, что на внутренней стороне реликвии имеется большое кровавое пятно, а позади, на внешней стороне, — отпечатки малых пятен, а также один отпечаток рядом с правым ухом, внизу шеи. Восемь отпечатков находятся на правой стороне и пять на левой, если считать только явно заметные. Другие видны только под микроскопом. Согласно протоколу, составленному в марта 1839 года и опирающемуся на химический анализ, сделанный одним фармацевтом, речь, вероятно, идет о пятнах крови.

Любопытно, что после этих исследований, которые, конечно, были недостаточными, но все же не такими, чтобы на них можно было совсем не обращать внимания, Сезар Барта и Марк Гусен еще могли говорить о том, что отсутствие крови на этом головном уборе подтверждает их сомнения в его подлинности. С другой стороны, у них, конечно, были основания утверждать, что его наличие никак не могло помешать формированию изображения в пространстве, которое разделяет два образа, вентральный и дорсальный, сходящиеся на макушке черепа, потому что везде это изображение было лишь результатом строго ортогональной проекции.

В свою очередь Робер Бадине, опираясь на свои исследования в области византийского искусства, утверждает, что в некоторых его образцах, где изображается присутствие женщин у пустой гробницы, можно усмотреть образ Каорской реликвии, если иметь в виду то, как был сложен плат у гробницы. Однако с учетом искусства драпировки, которое можно наблюдать на иконах и которое унаследовано от классической греческой древности, такой аргумент не кажется убедительным. Такая форма встречается всюду в нижней части туники или в ее свободно ниспадающих частях (430).

Было бы очень интересно проверить, не сформировалось ли на внутренней стороне этого погребального головного убора негативное изображение, а также не мешало бы сделать химический анализ имеющих кровавых пятен и сверить их состав с составом той крови, которая имеется на Туринской плащанице и сударии из Овьедо. Научные исследования, проведенные в этой области, могли бы показать, какова подлинная историческая ценность этого головного убора.

СВЯТОЙ ЛИК ИЗ МАНОППЕЛЛО

Речь идет о ткани, которая в настоящий момент находится в Италии (в небольшой деревне провинции Абруццо) и о которой, как мы увидим, известно довольно давно. Тем не менее она еще не достаточно хорошо изучена (431). В сравнении со всеми другими эта ткань имеет для нас первостепенное значение, потому что здесь мы действительно видим изображение Иисуса, причем изображение позитивное и к тому же в красках! Вероятно, этим платом было покрыто лицо Христа в гробнице (под плащаницей или поверх ее). Эта ткань остается самой таинственной из всех, на которых засвидетельствованы Христовы страдания. Речь, по всей вероятности, идет о покрывале, которое в Риме почиталась под именем «плата Вероники».

ОБЩЕЕ ОПИСАНИЕ

Итак, ткань, хранящаяся в Маноппелло, составляет 17 сантиметров в ширину и 24 в длину. Она помещена между двумя стеклянными пластинами, заключенными в серебряную рамку на подставке. Имеющееся на ней изображение можно наблюдать с двух сторон. Сама ткань прозрачна, как диапозитив, и, вероятно, соткана из шелка или льна. Она так тонка, что, если ее выставить на свет, то в просвете ничего не видно, кроме рамки, а в середине виден лишь большой белый прямоугольник, напоминающий дыру.

Ткань очень простое: нити утка и основы пересекаются под прямым углом, однако тонкость ткани необычайная. «Через эту ткань можно без труда читать газету на расстоянии, и изображение на ней нисколько этому не мешает» (432).

На ткани виден лик Христа: с открытыми глазами, как на иконах. Проведя сравнительный анализ, монахиня Бландина Шлёмер выявила следующие соответствия между изображениями на иконах и платом из Маношелло:

- ассиметричное лицо;
- негустая борода (через которую виден подбородок), раздвоенная на две остrokонечные части;
- редкие усы;
- неравные ноздри;
- белки глаз видны только под радужной оболочкой;
- небольшой пучок волос прямо посреди лба.

Все эти особенности можно обнаружить на покрывале из Маношелло (433). От себя добавим: губы на покрывале имеют розоватую окраску, глаза — коричневые, один зрачок немного больше другого. Волосы «с отливом, как у естественных волос. Все изображение кажется светящейся тенью полностью озаренного и прозрачного лица. Никакая фотография не может передать вид оригинала» (434).

ИСТОРИЯ НАЧИНАЕТСЯ С ЛЕГЕНД

Сначала упомянем о западном варианте истории об Эдесском царе Авгаре V, который исцелился от своей болезни, прикоснувшись к образу Христа. В этой версии царь Авгарь становится римским императором Тиберием. Он тоже был болен и тоже, услышав об исцелениях, совершаемых Христом, отправил к нему своего посланника, который должен был привести Христа в Рим. К сожалению, посланник прибыл слишком поздно: Христа уже распяли. Тогда посланник заточил Пилата в темницу и, проведя расследование, узнал о женщине, у которой имелось чудесное изображение Христа. Женщину звали Вероникой, и, немного смешав греческий и латынь, это имя можно интерпретировать как *veram icon*, т. е. «истинный», или «подлинный образ». В других редакциях ее называют Береника, что, наверное, тоже самое, поскольку буквы *B* и *V* легко смешиваются. Согласно легенде именно она страдала кровотечением, от которого ее исцелил Христос (Мф, IX, 20). Она не захотела расстаться с хранившимся у нее изображением Христа и вместе с ним последовала в Рим, где исцелила императора.

Однако у этой легенды есть и другие версии. По-видимому, даже самые древние манускрипты заканчиваются VIII веком, хотя сама

легенда наверняка сформировалась гораздо раньше. Вероятно, авторы некоторых свидетельств, испытав на себе влияние рассказов о плащанице, попытались как-то связать оба изображения, и потому мы имеем версии, в которых говорится, что на изображении, принесенном Вероникой в Рим, было не только лицо Христа, но и все его тело. Далее повествуется, что Вероника покрыла этим полотном голое тело императора, наложив его руки и ноги на руки и ноги изображения.

Со временем легенда претерпела новое развитие: приблизительно в 1160 году Петр Маллий, каноник собора св. Петра, сообщает, что сам Христос, после тяжелого борения в Гефсиманском саду, запечатлел свой лик (на котором еще были видны следы кровавого пота) на платке той самой Вероники. Читатель, наверное, припоминает, что нечто подобное уже происходило в Эдессе, но только без упоминания имени Вероники. Тогда речь шла о том, чтобы объяснить возникновение так называемого мандилиона. Около 943 года эти тексты были переведены на греческий — еще до перенесения судария в Константинополь.

Существует несколько других легенд, которые, по-видимому, никак не связаны с преданием об Эдесском царе Авгаре. Самая первая и самая древняя, вероятно, появилась около 560–574 годов, и тут мы располагаем только сирийским текстом. В нем рассказывается о том, как некая язычница Гипатия на призыв одного из ее друзей стать христианкой ответила: «Как я могу почитать того, кто невидим и кого я не знаю?». И вот через какое-то время в роднике своего сада она обнаружила ткань с изображением Христа. Взяв ее, она обернула его в другую материю, на которой снова во всех деталях запечатлелся образ Иисуса. Одна из этих тканей долго хранилась в Кесарии Каппадокийской, а для другой Гипатия построила святилище. Позднее с одной из этих тканей была сделана копия, которая, в свою очередь, тоже была помещена в святилище. В этой версии первая ткань уже называется «нерукотворной».

Во второй версии, которую приписывают Григорию Нисскому, но которая на самом деле возникла гораздо позднее, говорится о том, что некая Васса, или Акилина, тоже бывшая язычницей, решила стать христианкой. В ту пору царствовал Диоклетиан, устроивший гонения на христиан, и эта женщина очень боялась своего мужа, правившего городом. Его звали Камулосом, а сам город — Камулией, или Камулианой. Христос решил помочь женщине. Ей надо было лишь приготовить стол с белой скатертью и поставить на нем прозрачную чашу с водой. Ночью в окружении ангелов явился Христос. Омочив

свой лик в воде, он вытер его скатертью, оставив на ней его отпечаток. Акилина спрятала скатерть в доме, но перед смертью записала все произошедшее и замуровала ткань вместе с рассказом. Позднее об этом узнал св. Григорий: он нашел тайник, а в нем — скатерть, текст, написанный Акилиной, кадило и даже зажженную свечу. Все это он переправил в Кесарию Каппадокийскую, и здесь вторая версия совпадает с первой. Однако кроме этих легенд у нас нет никаких современных той эпохе свидетельств, подтверждающих, что в Камулии или в Кесарии находилась ткань с изображением Христа, потом оказавшаяся в Константинополе.

Третья легенда восходит ко второй: одна больная женщина завладела тканью с изображением Христа, надеясь с ее помощью исцелиться. Она положила на нее другую ткань, на которой снова запечатлелось изображение Иисуса, причем посреди языков пламени, в которых обе ткани не сгорали. Эту женщину как будто случайно звали Марией. Образ огня, который не сжигает, конечно же, восходит к библейскому образу неопалимой купины и ясно означает рождение, не нарушающее девственности. Далее в этой легенде тоже говорится о том, что позднее эта чудесная ткань была привезена в Константинополь (435).

ИСТОРИЯ ВЫХОДИТ ИЗ ЛЕГЕНД

Можно с уверенностью говорить о том, что в 574 году ткань, на которой был изображен Христов лик и которая по месту своего происхождения называлась «Камулиана», действительно прибыла в Константинополь. Георгий Кедрин, повествующий об этом событии, называет это изображение *achiropoiete*, т. е. «нерукотворным» (436). Эта ткань была драгоценной реликвией, которую брали на поля сражений. Например, в 586 году во время битвы на реке Арзамон, в двухстах километрах от Эдессы, она вдохновила византийцев на победу, и они одержали ее. По словам Феофилакта Симокатты, воспевшего это сражение, «с давних пор говорят, что образ сей есть творение божественного искусства, не сотканное и не написанное».

В 622 году византийцы взяли это изображение с собой, отправляясь в поход против персов. Другой греческий поэт, Георгий Писида, тоже таким же возвышенным слогом рассказывает о его действительной помощи в битвах. О нем также упоминают Феофан, Георгий Монах и прочие (437).

Однако можно предположить, что уже к 705 году этой реликвии не было в Константинополе, потому что после этой даты о ней ни разу не упоминается. Из более поздних свидетельств становится ясно, что патриарх Герман морем доставил ее в Рим. Кроме того, мы знаем, что в том же 705 году папа Иоанн VII построил и украсил мозаикой часовню в соборе св. Петра, дабы отныне там обитало покрывало, известное под именем «плата Вероники».

Теперь становится понятнее, что, смирившись с утратой, византийские императоры хотели возместить ее другим «нерукотворным» изображением, а именно мандилионом из Эдессы.

В 1608 году старый собор св. Петра был снесен (включая упомянутую часовню), чтобы подготовить место для строительства нового. Мы располагаем инвентарной описью 1618 года, в которой перечисляются все предметы, вывезенные из собора. В ней упоминается и описывается и «плат Вероники», причем с одним важным уточнением: на имеющемся изображении глаза у Христа открыты, тогда как на некоторых копиях, сделанных с него и признанных подлинными, глаза закрыты.

В Риме существовало и другое изображение Христа, хранящееся в капелле Санкта-Санкторум Латеранского дворца и тоже называвшееся «нерукотворным». О его существовании доподлинно известно, по меньшей мере, с 753 года, когда папа Стефан II сам нес эту реликвию, участвуя в процессии, направлявшейся от Латеранского дворца к базилике Санта-Мария-Маджоре. Однако сегодня изображение полностью истерлось. В XII веке папа Иннокентий III повелел покрыть его рисованной тканью, воспроизводящей мандилион из Эдессы (прямоугольная горизонтальная ткань с изображением Христа в центре, которое как будто немного теряется в этом огромном прямоугольнике). Причина вполне понятна: создать видимость, что обе реликвии находятся в Риме.

Что же мы имеем в итоге? Получается, что, по меньшей мере, начиная с VIII века две ткани, одинаково считавшиеся «нерукотворными» и имевшие «подлинное» изображение Христа, находятся в Риме. Надо признать, что при таком смешении традиций об истинном происхождении плата из Маношелло говорить затруднительно. Кроме того, я должен признать, что, рассказывая эту историю, я во многом ее упростил, не упомянув о множестве копий, в большей или меньшей степени соответствовавших оригиналам, которые сами оставались весьма неясного происхождения. Поэтому скажем еще раз: только серьезные научные исследования смогут дать какую-то гарантию подлинности этой реликвии и в какой-то мере прояснить тайну ее изображения.

Но попробуем, как говорится, подойти с другого конца: вернемся еще раз в Манопелло — ведь именно там сегодня находится это покрывало: вернемся и попробуем узнать, как оно туда попало.

Около 1620 года в небольшой долине рядом с Манопелло, недалеко от дороги, которая вела к морю в Пескаре, обосновались монахи-капуцины. В 1638 году они получили в дар от некоего Донато Антонио де Фабритийса таинственный плат с изображением Христова лица, а в 1640 году монах-капуцин Донато де Бомба в общих чертах воссоздал его историю.

Вот что он рассказал. В 1507 году у местной церкви появился незнакомец со свертком в руках: увидев Джакомо Антонио Леонелли, одного из жителей деревни, сидевшего тут же на скамье, он отдал ему этот сверток. Леонелли вошел в церковь, развернул сверток, а когда хотел поговорить с незнакомцем, оказалось, что тот исчез. Целое столетие реликвия оставалась в семье Леонелли, а потом даже стала частью приданого Марции Леонелли. Однако когда ее мужу, Панкратио Петруччи, почему-то не удалось получить эту реликвию, он украл ее у своего тестя. Через десять лет, когда во время войны он попал в заключение, жена, чтобы освободить его, продала этот плат Донато де Фабритийсу. Это было в 1618 году, а через двадцать лет Донато подарил его капуцинам.

Мы видим, что в этом рассказе есть две ключевых даты, с которыми мы уже сталкивались, и это, вероятно, не случайно. В 1608 году старый собор Св. Петра, в котором хранился «плат Вероники», был снесен. В 1618 году проводилась опись его имущества, в котором эта реликвия упоминалась в последний раз. В этой связи мы заметили одну интересную деталь: на ее копиях глаза у Христа закрыты, тогда как на оригинальном изображении они открыты. Можно ли говорить о подмене? По крайней мере, тогда можно было бы предположить, что в результате всего этого настоящий «плат Вероники» появился в затерянном городке Манопелло.

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Еще раз повторим: остается лишь пожалеть о том, что и эта важная реликвия исследована довольно мало. Может быть, это уберегло ее от повреждений, которые наносят агрессивные и не очень результативные методы исследования, но, наверное, настало время,

чтобы и она сообщила нам свою весть. Мы ждем более подробной информации на этот счет, а пока можно процитировать то, что уже известно.

Итак, «в зависимости от освещения и природы света ткань из Маноппелло выглядит по-разному. В ультрафиолетовом освещении видно много пятен, но изображение остается очень тонким. Если дневной свет падает немного со стороны, ткань становится очень плотной, цвета зеленоватой охры, и на ней хорошо видны глаза и волосы, но если дневной свет напрямую пронизывает ее, различить цвет становится практически невозможно. Покрывало становится прозрачным, белым, очень тонким: его ткань чрезмерно легка. Фотоснимки, сделанные в ультрафиолетовом свете, имеют зеленоватый цвет, потому что покрывало флюоресцирует» (438). «В свете от лампы Вуда изображение не видно, оно также полностью исчезает в ультрафиолетовых лучах, и это говорит о том, что перед нами не живопись, т. е. не какая-то композиция, осуществленная художником путем нанесения красок на ткань с помощью какого-нибудь инструмента. Вооружившись лупой, я искал следы краски на каждой нити, но не обнаружил ничего. Это говорит о том, что имеющееся изображение, вероятно, возникло в результате какого-то внутреннего изменения в волокнах, приведшего к тому, что они, отражая свет, вызывают у зрителя ощущение цвета. Кроме того, цвет меняется — от коричневого до серого или розового — в зависимости от того, где находится зритель или источник освещения» (439).

Уточним, что Х. Пфайфер, на которого мы здесь ссылаемся, как никто другой сведущ в этой области: он является профессором иконографии и истории христианского искусства в Григорианском университете.

Он в частности отмечает, что радужная оболочка глаза четко выделяется на фоне белка: и здесь, разумеется, речь идет об изогнутой линии. Если бы она была нарисована, тогда краска, с помощью которой была бы прописана радужная оболочка, пропитывала бы некоторые волокна ткани, но здесь ничего такого нет. При большом увеличении видно, что контур идет вверх, и, значит, здесь нельзя говорить о работе кисти, которая неизбежно следовала бы за закруглением оболочки.

Нельзя говорить и о том, что изображение возникло в результате тканья: ведь тогда необходимо, чтобы каждое волокно было окрашено еще до начала работы, причем так, чтобы их длина, а также краски заранее в точности соответствовали появляющемуся во время работы

изображению, ничуть не отступая от того, как оно было задумано. Но такая точность просто невозможна (440).

Следовательно, остается только признать, что образ сформировался без помощи известных на сегодняшний день технических средств. Тем не менее совершенно очевидно, что гораздо более полные научные изыскания совершенно необходимы. Они помогут нам лучше понять, при каких условиях изображение отпечаталось на ткани. Вероятно, оно связано с крестными страданиями Христа, но как именно и в какой момент возникла эта связь?

На реликвии из Маноппелло видны пятна, которые похожи на кровь, причем их гораздо меньше, чем на плащанице. До сих пор научно не установлено, идет ли речь о человеческой крови и если да, то к какой группе она принадлежит. Тем не менее благодаря наложению прозрачных фотоснимков между плащаницей и «платом Вероники» были выявлены некоторые соответствия. На симпозиуме, проходившем в Риме в 1993 году, об этом говорила уже упоминавшаяся нами монахиня Бландина Шлёмер, а я, в свою очередь, вспоминаю, как во время симпозиума в Ницце она накладывала снимки «плата Вероники» на большой, в натуральную величину, диапозитив плащаницы (442). Нет никакого сомнения в том, что изображения похожи друг на друга: тот же сломанный нос, распухшие скулы и т. д.

Тем не менее все, кто изучал «плат Вероники», не скрывают, что между двумя лицами (на плащанице и на плате) есть и серьезные различия. Глаза на плате открыты, а на плащанице закрыты. Рот на плате приоткрыт, а на плащанице закрыт. Трудно согласиться с сестрой Бландиной Шлёмер, когда она утверждает, что глаза на плащанице тоже открыты (несмотря на то, что на них лежат монеты). Монеты якобы лежат на зрачках и радужной оболочке, что, в принципе, возможно, но все равно доказать это довольно трудно, тем более что на плащанице ясно видно: глаза закрыты.

Кроме того, трудно согласиться и с точкой зрения отца Пфайфера и сестры Бландины на то, как использовалась ткань из Маноппелло. Если ее положили прямо на лицо Христа в гробнице, причем положили под переднюю часть плащаницы, в которую он был обернут, тогда изображение лица на самой плащанице не смогло бы сформироваться (по крайней мере, таким, каким мы его видим). Пятна крови появились бы на плате, а не на плащанице. Трудно согласиться и с тем, что плат могли положить на лицо Христа уже поверх плащаницы. Во-первых, непонятно, какая от этого польза, а во-вторых, изображение на плате возникло в результате совсем

другого процесса, никак не похожего на тот, вследствие которого появилось изображение на плащанице: ведь изображение на плате — не негативное (как на плащанице), а позитивное и к тому же цветное. Наконец, на плате из Маноппелло никак не запечатлелись отпечатки упомянутых монет.

Мне кажется, у каждого изображения своя история возникновения. Если они не похожи друг на друга, значит, они формировались при разных обстоятельствах. Лицо на плащанице было обрамлено деревянной рамкой и длинным чепцом, который одновременно служил подбородником. Судя по лицу на плате из Маноппелло ни о чем таком говорить нельзя, и тем не менее он наверняка тоже как-то связан с крестными страданиями Иисуса.

На четвертом симпозиуме CIELT отец Андреас Реш, основатель и руководитель Исследовательского института в Инсбурке, сделал важный доклад, в котором на конкретном материале показал полное совпадение двух изображений лица — на плащанице и на плате из Маноппелло. Продемонстрированные соответствия столь разительны, что у него больше не остается никаких сомнений: в основе обоих изображений — одно и то же лицо (443).

Но о каком Христе тогда идет речь: о воскресающем или воскресшем? Понятно, что «духовное» тело Иисуса, тело, «преисполненное славы», ускользает от нашего земного измерения, но когда Христос желал этого, он являл себя вполне конкретно, например, позволив апостолу Фоме вложить персты в его рану на боку или вкушая рыбу, которую ему предложили апостолы. Нельзя ли предположить, что, уже воскреснув, Христос мог запечатлеть свой лик на каком-нибудь плате, который ему дали? А может, такое изображение появилось даже без его присутствия?

Тогда это в какой-то мере походило бы на то, что произошло в Гуаделупе, в Мексике. Явившись несколько раз одному бедному индейцу (как Христос — апостолам), Богоматерь Мария затем оставила свое изображение на ткани, причем в момент его формирования ее саму никто не видел. Правда, здесь речь идет о совершенно фантастическом, просто ошеломляющем чуде, которому в другой своей книге я посвятил целое исследование (444). Как часто бывает в таких случаях, это необычайное чудо вызвало полемику: одни его признавали, другие отвергали — как в Церкви, так и в науке. Надо сказать, что в обеих тканях есть много таинственного, что странным образом совпадает.

Вполне возможно, что однажды, когда раскроется характер взаимодействия наших земных законов с теми силами, которые при-

ходят из иных измерений, механизм формирования этого изображения станет понятен (как и всего другого, что касается крестных страданий Христа). Когда мы лучше поймем природу этого взаимодействия (даже вне религиозного контекста), оно, наверное, перестанет быть непостижимым и чарующим чудом. И тем не менее (надо ли еще раз повторять очевидное?) непреложным останется одно: удивительная цепь редчайших явлений, поразительное сцепление совершенно исключительных обстоятельств, которое мы наблюдали, по-прежнему пребудет потрясающим знамением, необычайным чудом.

ЛАНЧАНСКОЕ ЧУДО

Мы уже видели, как некоторые мистики по Божьему произволению могли воссоздавать Христовы страдания — вплоть до появления стигматов на теле. Но Христос оставил нам и другую возможность приобщиться к тайне нашего спасения: участвовать в литургическом совершении его жертвы и воскресения, актуализируя всю его жизнь вплоть до возвращения во славе, даруемого таинством евхаристии. Когда он сказал, что дарует нам свою плоть, дабы мы вкушали ее, и свою кровь, чтобы мы ее пили, многие ученики, решив, что это слишком тяжело для их разума, оставили его. «Я — хлеб живой, спешивший с небес: ядуший хлеб сей будет жить вовек; хлеб же, который я дам, есть плоть моя, которую я отдам за жизнь мира... Истинно, истинно говорю вам: если вы не будете есть плоти Сына Человеческого и пить крови его, то не будете иметь в себе жизни. Ядуший мою плоть и пьющий мою кровь имеет жизнь вечную, и я воскрешу его в последний день; ибо плоть моя истинно есть пища и кровь моя истинно есть питье; ядуший мою плоть и пьющий мою кровь пребывает во мне и я в нем... Многие из учеников его, слыша то, говорили: какие странные слова! Кто может это слушать?» (445).

За возвещением следует осуществление: «Примите, ядите: сие есть тело мое» и «примите и пейте: сие есть кровь моя».

Христос не оставил нам богословского трактата, в котором говорилось бы, как именно надо понимать его слова и каким образом возможно то, о чем он сказал. Все теории о том, как в момент освящения Святых Даров субстанция хлеба упраздняется и замещается субстанцией Христова Тела, а субстанция вина, в свою очередь, тоже упраздняется и ей на смену приходит Кровь Христа, — все это не что иное, как досадные бредни. Но, с другой стороны, не стоит и сводить слова Христа к простым символам. Я предпочитаю формулу, принятую у православных. Ее можно резюмировать следующим образом: так как освященная просфора или облатка сохраняет свою форму, вес, цвет и вкус, значит, передо мной именно хлеб (и исследование под микроскопом или химический анализ это подтверждают). Но в то же

время я говорю, что этот хлеб стал Христовым Телом. Как? Не знаю. Это ведомо одному лишь Богу!

Здесь мы не станем вдаваться в подробности — это не цель нашей книги. Очевидно, когда Христос пребывал на земле, его тело постоянно изменялось: на уровне молекул, а еще быстрее — на уровне частиц. Сейчас оно пребывает во славе и больше не подчиняется непреложным законам. Впрочем, я не уверен, что такие рассуждения нам очень помогут: я считаю, что лучше относиться к этой тайне с почтением.

Однако иногда Богу угодно через какое-нибудь чудо дать нам знак его «реального присутствия» в Святых Дарах, и одним из таких чудес является, конечно же, чудо, свершившееся в VIII веке в маленьком итальянском городе Ланчано (446).

Предание гласит, что оно произошло в небольшой церкви, освященной в честь святых Легонтия и Домициана, христианских мучеников, почивших в провинции Къети, в Абруццо. Эта церковь находилась примерно в трех километрах от города Ансанум, который в начале XIII века стал Ланцанумом. На его гербе изображено копьё — в знак того, что его жители участвовали в крестовом походе за освобождение гроба Господня, но прежде всего как напоминание о римском сотнике Лонгине, который своим копьём пронзил бок Иисуса после его смерти: считалось, что он был уроженцем города Ланчано. Город был разрушен, а потом восстановлен, и средоточием восстановления стала эта старинная церковь и монастырь. Позднее на этом же месте выстроили другую церковь, освященную в честь святого Франциска, но в VIII веке, еще в старой церкви, богослужение совершали греческие монахи-вазилиане (447), придерживавшиеся латинского обряда, однако в таинстве евхаристии использовавшие опресноки круглой формы.

И вот как-то во время богослужения, а точнее в момент освящения Даров один монах усомнился в истинности этого таинства, и тут внезапно облатка на его глазах превратилась в плоть, а вино — в кровь. Ужаснувшись, но вскоре опомнившись, он решил показать это чудо верующим, и с тех пор частица плоти в форме облатки и кровь, свернувшаяся в пять небольших сгустков, хранятся и почитаются в Ланчано.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИЗЫСКАНИЯ

Как всегда мы не располагаем протоколом, который был бы составлен местным чиновником, да еще в тот же день и час и на том же самом месте, где совершилось чудо. Впрочем, если бы он у нас был,

этого все равно было бы недостаточно, чтобы убедить нас в истинности всего произошедшего. Мы можем лишь сказать, что сохранившееся предание в общем и целом соответствует всему тому, что мы знаем об этой эпохе. В 537 году византийский полководец Велизарий в сражениях с готами завоевал Апулию, Калабрию и Абруццо, которые перешли в юрисдикцию Константинопольского патриарха. Мы знаем, что в ту пору в этих регионах богослужение совершали греческие священники, но по латинскому обряду. В 401 году Руфин Аквилейский учредил в одном из итальянских монастырей устав Василия Великого, переведенный на латынь.

У нас есть несколько свидетельств, касающихся этих очень древних и, к сожалению, утраченных документов. Об этом чуде рассказывали фрески, а историк Беллини утверждает, что в 1258 году реликвии этого чуда были перенесены в новую церковь, освященную в честь св. Франциска. До нас дошло нотариальное свидетельство 1566 года, в котором говорится о том, куда они были спрятаны, когда возникла угроза турецкого нашествия. Фелла (в своем труде, опубликованном в 1734 году (т. е. спустя много лет после смерти) и посвященном истории города Ланчано) рассказывает, что в церкви св. Франциска, где уже хранились реликвии, находилась «очень древняя рукопись на пергаменте, написанная на греческом и латыни и покрытая двумя пластинами, из чего можно сделать вывод, что это был оригинальный документ, свидетельствующий об этом чуде». К сожалению, продолжает Фелла, «много раз преподобные Антонио Скарпа и Анджело Сило говорили мне, что семьдесят лет назад... в нашем монастыре появились два монаха-василианина, которые однажды на рассвете, ни с кем не поздоровавшись, исчезли, унеся с собою рукопись на пергаменте, покрытую двумя пластинами и написанную на греческом и латыни, каковую накануне вечером хранитель названного монастыря и прочие братья дали им на прочтение. Те же отцы утверждали, что в этой рукописи говорилось о чудесном превращении хлеба в Плоть и вина в Кровь, совершившемся в древние времена в церкви св. Франциска, в которой тогда служили монахи-василиане, и что никому так и не удалось узнать, куда исчезли оба беглеца».

Начиная с XVI века число документов на эту тему постоянно растет, их становится очень много, но в них нет ничего нового, потому что они лишь повторяют сказанное в предании. Назовем, к примеру, длинную надпись в одной из церквей, которую видели еще в начале XVI века, текст Пьетро Ридольфи 1586 года, надпись на камне 1636 года, которую можно видеть и сегодня, а также текст отца Угелли

1659 года, в котором, как говорит сам автор, просто пересказывается сказанное гораздо раньше, и т. д.

Церковь официально подтверждает важность этого предания. В 1515 году папа Лев X учреждает в Ланчано епископство, которое напрямую зависит от Святого Престола, а в 1562 году Пий IV возводит епископа этого города в сан архиепископа (исходя из значимости хранящихся там реликвий и несмотря на немногочисленность местных жителей). В 1636 году в церкви возводят новый алтарь, а 14 октября 1751 года папа Бенедикт XIV наделяет его «преимуществом» в сравнении с другими. Официальное признание ширится и крепнет, и это свидетельствует о том, что Церковь считает подлинным предание, рассказывающее о происхождении реликвий.

В настоящее время реликварий представляет собой изделие из цельного, массивного серебра. Он состоит из цоколя, на котором находятся два коленопреклоненных ангела: они стоят по обе стороны расширяющейся хрустальной чаши высотой в десять сантиметров (не считая основания); она имеет пять сантиметров внизу и шестнадцать в верхней части. Крышка тоже хрустальная. Золоченные ленты, которые держат ангелы, поддерживают дарохранильницу, в центре которой два стеклянных диска диаметром шестьдесят девять миллиметров: в них находится облатка «плоти»; диски и облатка окружены «славой Божьей», и над всем этим возвышается крест.

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В 1970 году по настоятельной просьбе местного архиепископа были проведены некоторые научные исследования. 18 ноября в присутствии членов ученого собрания Одоардо Линоли, профессор анатомии, патологической гистологии, химии и клинической микроскопии, взял пробы с облатки и сгустков крови, а 4 марта 1971 года сообщил о результатах исследования представителям науки и духовенства.

Частица «плоти» сохранила круглую форму, характерную для облатки, но похожа не на диск, а на кольцо неравной плотности. Вид у нее волокнистый, цвет коричневый, но перед источником света она становится розовой. Диаметр «кольца» варьируется от пятидесяти пяти до шестидесяти миллиметров. В центре кольца — пустое пространство диаметром от семнадцати до тридцати пяти миллиметров. Я не буду воспроизводить все подробности научного описания, сделанного под микроскопом, и не стану пересказывать все аналитические

процедуры. Скажу только, что профессор Лиоли и другие ученые, особенно Руджеро Бертелли, заслуженный профессор гистологии Сиенского университета, осуществив поэтапное исследование, пришли к бесспорному выводу, согласно которому речь идет об «изрубцованной мышечной ткани миокарда» (448).

Что касается кровяных сгустков, то они весят 15, 85 грамма. Они различной формы; самый большой представляет собой два сгустка, как бы спаянные между собой. Образцы крови были подвергнуты целому ряду процедур: за анализом под микроскопом последовал другой микрохимический анализ, но определяющим стало хроматографическое исследование. «Обстоятельный хроматографический анализ со всей достоверностью показывает, что твердый материал, называемый “Кровью евхаристического чуда в Ланчано”, есть настоящая кровь, и такое утверждение является окончательным и бесспорным ответом на поставленный вопрос».

Но о какой крови идет речь? Благодаря применению нескольких иммунологических методов стало ясно, что мы имеем дело с человеческой кровью.

Были проведены другие анализы имеющейся плоти и крови — для того, чтобы, в частности, установить группу крови. Заключение гласит: «Обстоятельное иммуногематологическое исследование со всей объективностью и достоверностью позволяет утверждать, что “Кровь” и “Плоть” евхаристического чуда в Ланчано принадлежат к одной и той же группе АВ».

Надо подчеркнуть еще один момент: согласно этим выдающимся профессорам говорить о подделке, совершенной когда-то в прошлом, почти не приходится. Применительно к миокарду для этого потребовалась бы такая точность, которой в ту пору практически не было, а что касается крови, то если бы она была взята у трупа, она «тотчас изменилась бы в результате разложения».

В итоге я прихожу к выводу, что кровь, появившаяся в чаше перед глазами того самого монаха-василианина, была свежей кровью!

Как всегда в данном случае речь не идет о каком-то принудительном доказательстве, которое заставляет уверовать того, кто прежде не верил, но в то же время мы видим, что перед нами явное знамение, в котором каждый для себя может усмотреть истинное доказательство, если, конечно, захочет сделать это.

БИТВА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

А теперь пришло время разобраться, почему так много наших богословов совершенно не видят всех этих знаков божественного присутствия и его любви, равно как не замечают и знаков сатанинского вмешательства в наш мир. Разбираться в этом все равно что исследовать удивительную тайну!

Сначала посмотрим, каковы последствия этого ослепления. Обнаруживая, какую катастрофу оно готовит для нашей Веры, мы не сможем не признать, что силы Зла торжествуют. И дело, конечно, не в том, чтобы, говоря об этом, кричать, что многие наши собратья — явные «приспешники Сатаны»! Нет, прежде всего речь идет о медленно совершающихся переменах в сознании наших современников: сначала всех тех, кто уже давно покинул Церковь и, став добычей узкого рационализма, просто замкнулся для всего сверхъестественного, а потом и тех, кто искренне пытался отстоять существо своей веры, но шаг за шагом отступал перед все тем же рационализмом — отступал до тех пор, пока не утратил то самое существо, которое хотел спасти.

Видя это, мы попытаемся постепенно добраться до глубоких причин этого ослепления — ведь чтобы помешать этой тенденции, надо рассмотреть глубинные причины зла.

КРУШЕНИЕ ВЕРЫ

Сегодня всякий уважающий себя интеллеktуал громко восклицает: «Что до меня, то я уверую скорее вопреки чудесам, чем благодаря ним». Ах, как это прекрасно звучит! Какая благородная позиция! Одна беда: этот самый «интеллектуал» (или тот, кто считает себя таковым) на самом деле больше вообще не верит ни во что великое. Да, он, пожалуй, на самом деле пытается отыскать путь к Богу, но при этом упорно не хочет видеть те Божьи знамения, которые Бог установил на этом пути. Интеллектуал допускает, что чудеса могут помочь «простым людям», но он-то сам далеко не прост, он бесконечно выше всего этого! Интеллектуал — особенно если он чему-то учит — не нуждается в Божьей помощи, чтобы его найти (если, конечно, допускает, что Бог на самом деле существует). Он считает (в известных случаях), что должен найти его в одиночку, как человек далеко не заурядный, найти, обратившись к Хайдеггеру, Альтюссеру, Лакану, психологической социологии или структурализму (впрочем, куда делся этот последний? О нем больше не говорят). Во всяком случае, какими бы ни были его учителя, ясно одно: поиск должен совершаться на уровне идей и никогда — на уровне фактов, а потому Бога сразу начинают искать в буддизме, искать бога философов, совершенно не думая о Боге, который воплощается в нашем мире и нашей Истории. Если, в конце концов, удастся отыскать возможность Бога — это хорошо, но если ничего не находят, тогда еще лучше. Это доказывает, что тем самым мы достигли уровня высшей рефлексии. Лучше пробираться ощупью в темноте, лучше закоснеть в собственных потемках, чем принять огоньки, которые Бог посылает нам. Принять помощь Бога, да еще в виде чудес — нет, это как-то заурядно. Схватиться за протянутую нам руку, когда мы тонем в собственном отчаянии? Фу, как пошло! Гораздо прекраснее совсем в нем утонуть — по крайней мере, это мощно, это благородно, одним словом, интеллектуально!

К большому сожалению, сегодня именно так и ведет себя все наше общество, и здесь Франция еще может прокукарекать громче остальных. Ведь она на самом деле остается во главе всех стран — по атеизму. Уже который год первой или второй причиной ухода из жизни

в возрасте 15–25 лет здесь является самоубийство! Не несчастные случаи, не болезни, даже не наркотики, которые, правда, стали другой формой самоубийства. Дьявол только и стремится к тому, чтобы вызвать это пренебрежение к чуду: ведь если нет Божьего чуда, то нет и дьявольских «чудес».

И какая нехватка воображения! Как можно оставаться пленником одних лишь своих чувств? «Я верю только в то, что вижу!» — такова часто встречающаяся и несколько заторможенная реакция некоторых неверующих. Но как — в век квантовой физики, в век элементарных частиц, когда материя все больше ускользает от нас, — как наши «интеллектуалы» еще могут говорить такие слова? Они глухие, но могли бы слышать лучше, они слепы, но наверняка могли бы видеть и, в конце концов, они могли бы понять, что — как говорил Сент-Экзюпери — «самым важным оказывается то, чего мы не видим».

И с какой презрительной снисходительностью наши «интеллектуалы», «богословы», «ученые», да и вообще «наставники» всех мастей, — с какой презрительной снисходительностью они относятся к «простым людям», как они сами их называют! Я знаю, что многие из моих собратьев-священников, а также мои светские друзья с такой же снисходительностью относятся и ко мне — ведь уже много лет я интересуюсь паранормальными явлениями, переживаниями на грани жизни и смерти, а вот теперь — чудесами, феноменами одержимости, мистическими переживаниями — одним словом, всем тем, что помогает людям обрести веру. И вот, имея возможность заниматься этим многие годы, я знаю, сколько глупостей и просто чудовищных нелепостей на протяжении многих веков говорили интеллектуалы всех мастей — теологи (449), ученые и философы. И как после этого смотреть на их снисходительное отношение к «простакам»? Что касается меня (и вы об этом уже догадались), то я самым решительным образом отношу себя к числу этих «простаков», потому что именно их и пришел спасти Христос, Сын Божий.

Презирая чудеса, так называемые интеллектуалы поступают гораздо хуже, чем если бы просто отрицали их. Ведь когда мы пытаемся доказать, что чудес не бывает, мы рискуем в один прекрасный день все-таки найти истину, и тогда нам придется ее признать. Но когда мы презираем чудеса, мы с самого начала ставим себя вне области Божьих знамений, которые он может нам дать. Пусть Бог, если он существует, делает все, что угодно, — мы этого даже не заметим!

Уже много десятилетий западная теология порабощена рационализмом. Я вовсе не о том, чтобы не использовать разум в стремлении

лучше понять наш мир, узнать все, что на самом деле происходило в жизни Христа или отличить истину от лжи во всех паранормальных явлениях, которые на каждом шагу встречаются в жизни святых и даже в обычной жизни.

Когда я говорю о «рационализме», я имею в виду систематическое, априорное неприятие реальности всего того, что мы не можем объяснить нашими сегодняшними знаниями, того, что нам кажется чудесным (450). Я думаю о той реакции, которую часто встречал у людей, совершенно не желавших бросить даже мимолетный взгляд на феномен общения с потусторонним миром. «Но ведь это невозможно! — говорили мне они. — Это совершенно, радикально и окончательно невозможно. На это не стоит тратить даже минуты».

Итак, сначала мы постараемся показать, до чего доходит стремление современных богословов не признавать ничего сверхъестественного, не видеть никаких чудес или же проявлений дьяволизма, а затем посмотрим, как узкий рационализм сказывается на нашей вере.

ТЕОЛОГИ БОЛЬШЕ НЕ ХОТЯТ ЧУДЕС

В диссертации, защищенной на факультете права Свободного университета Берлина, Гаральд Грохтман (451) попытался выяснить, не бывает ли так, что при определенных обстоятельствах суды в качестве вещественного доказательства используют свидетельства паранормального происхождения (как это было недавно в Бразилии). Это стремление вполне естественно привело его к исследованию материалов Католической Церкви — того института, который имеет тысячелетний опыт в данной области: ведь при беатификации или канонизации святых его судам приходится устанавливать подлинность чудес, наличие которых просто необходимо для такой процедуры.

Однако ему пришлось узнать и кое-что другое: подавляющее большинство экзегетов и богословов западной Церкви (как католической, так и протестантской) сегодня не признает реальности тех чудес, о которых говорится в Писаниях, причем не только чудес ветхозаветных (что нередко вполне оправдано), но и евангельских чудес, относящихся к жизни Христа. Автор упомянутой диссертации сначала приводит список теологов, которые сразу заявляют, что в Евангелиях нет ничего, что противоречило бы законам природы и, следовательно, там нет и чудес (452). По их мнению, это просто невозможно. Затем он приводит перечень богословов, которые признают, что, по крайней мере, Христос, будучи Богом, мог сотворить какие-то чудеса. При этом каждый раз они добавляют, что все рассказы об исцелениях, хождении по водам, умножении хлебов и пророчествах — не что иное, как повторение всего того, что можно найти и в языческой литературе, написанной до Христа. Следовательно, чудеса, о которых рассказывается в Евангелиях, признаются теоретически возможными, но в то же время в высшей степени невероятными. Наконец, в третьем списке, очень коротком, перечисляются те, кто, якобы несколько заблуждаясь, считает чудеса реальностью (453).

Об этой тенденции я говорил со священниками разных стран, и все мне отвечали, что в их семинариях и на богословских факультетах ситуация совершенно такая же. Недавно мне сообщили, что преподаватели теологического факультета Парижского католического

института заявили своим ученикам буквально следующее: сегодня богословы и экзегеты почти единодушно пришли к мнению, согласно которому никаких чудес никогда не было. Значит, Лазарь не воскрес, Иисус не ходил по водам, не умножал хлебы, не исцелил слепорожденного и т. д. Обратите внимание: речь идет не о личном и, быть может, почти конфиденциальном отношении какого-нибудь священника к «продвинутым» идеям — того священника, которого все равно оставляют на своем месте, потому что, с другой стороны, он сделал много хорошего. Нет! Речь идет о профессоре, которого вышестоящее руководство наделило всяческим авторитетом и который, говоря такие слова, конечно же, не стремится к скандалу: ведь, по сути дела, он всего лишь выражает точку зрения, широко распространенную среди его коллег.

Однако такая позиция приводит к чудовищным последствиям.

БЕЗОСНОВНОСТЬ ЧИСТОЙ ВЕРЫ

При таком подходе Бог все больше начинает напоминать Бога «в отставке», никак не влияющего на наш мир. С точки зрения таких теологов Бог если и играл какую-то роль, то только до Большого взрыва (потому что туда ученые не могут сунуть своего носа и, значит, у верующего появляется возможность спокойно говорить то, что он хочет), а если у будет играть какую-то роль, то только по окончании времен, т. е. после Большого бума (потому что и тут ученые ничего сказать не могут). В намеченный же промежуток между ними Бог никак не вмешивается. Таким образом, если иметь в виду период нашей земной жизни, то здесь мировоззрение таких теологов практически никак не отличается от мировоззрения атеистов. Они допускают Божьи деяния только в те периоды, когда богословие не может вступить в конфликт с наукой, но тем самым они полностью выходят за пределы не только традиционного христианства, но и иудаизма, ислама и всякой другой религии.

Это значит, что рушатся сами устои христианства. Как это происходит? Это происходит в несколько этапов.

Первый этап: при таком подходе, конечно же, становится необходимым по-новому осмыслить все евангельские рассказы о чудесах. Если их не было, то, значит, их просто выдумали, но тогда кто и почему? Теперь они имеют лишь дидактическую ценность. Нам говорят, что это метафоры, притчи, и даже всюю рассказывают о том, сколь гениальны были люди, постепенно изобретшие такой язык, — рассказывают о своем восхищении ими, но лишь для того, чтобы заставить нас смириться с ужасным фактом утраты смысла. Например, восхищаются рассказом об умножении хлебов, обращают внимание на его простоту, его поэзию, чтобы мы как следует оценили всю значимость этого доброго поступка, и, смещая акцент, надеются, что верующие не очень заметят, как на самом деле пытаются разрушить их веру в таинство евхаристии, предвосхищением которого и является это чудо.

Второй этап: выработка основ вероучения не могла совершиться за несколько дней — это результат долгой традиции, которую складывала вся христианская община на протяжении нескольких поколений.

Нет никакого сомнения в том, что в течение долгого времени существовала только устная передача основных положений. Каждый рассказчик что-то добавлял, и потому повествование ширилось, а чудеса становились все более впечатляющими. Появлялись новые эпизоды, в которых Христу приписывалось то или иное слово, и потому, как нас уверяют, совершенно очевидно, что Евангелия не были написаны непосредственными очевидцами жизни Христа, т. е. апостолами и учениками: на самом деле они были созданы позднее.

Третий этап: как только это якобы доказано, приходится делать соответствующие выводы. Итак, если Евангелия были написаны позднее, значит, в них нельзя искать точных слов и дел Иисуса Христа, причем не только в отношении чудес, но и прочих действий и поступков.

В результате вся историческая ценность Евангелий оказывается подорванной, а тем самым полностью рушатся сами основы христианства.

ТОНКОСТИ ЭКУМЕНИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА БИБЛИИ

А теперь в качестве примера приведем небольшой «шедевр», который представляет собой введение в Евангелие от Иоанна в экуменическом переводе Библии.

Сначала отмечается, что, согласно преданию, четвертое Евангелие, вне всякого сомнения, было написано Иоанном, а потом идет оговорка, что епископ Папий «оставляет место для некоторых колебаний» на этот счет. Далее следует цитата из этого епископа, в которой он упоминает всех, у кого прямо или косвенно черпал сведения по этой теме: «Если же приходил человек, общавшийся со старцами, я расспрашивал об их беседах: что говорил Андрей, что Петр, что Филипп, что Фома и Иаков, что Иоанн и Матфей или кто другой из учеников Господних; слушал, что говорит Аристион или пресвитер Иоанн, ученики Господни» (455). Итак, мы видим, что Папий знал и другого Иоанна, которого называет «пресвитером Иоанном», но он ни словом не намекает на то, что этот Иоанн мог быть автором четвертого Евангелия. Да, он называет его «учеником Господним», но так же он называет и некоего Аристиона, отличая их обоих от первого перечня «учеников», в котором действительно одни апостолы. Папий никоим образом не противопоставляет себя преданию, согласно которому автором четвертого Евангелия был апостол Иоанн. Самое большее, что можно сделать в такой ситуации, — предположить (это, собственно, и делает Евсевий Кесарийский), что автором Книги Откровения был тот самый «пресвитер Иоанн». Однако даже Евсевий не видит в нем автора четвертого Евангелия, и потому я совсем не понимаю, каким образом Папий «оставляет место для некоторых колебаний». Тем не менее сомнение в уме читателя уже посеяно, и теперь легче заставить его согласиться с напрашивающимся выводом, а он таков:

«Нельзя полностью исключить той мысли, что Евангелие написал сам Иоанн, но большинство критиков исключает эту возможность. Одни отказываются назвать имя автора, говоря, что это какой-то христианин, писавший на греческом, живший в конце I века и принад-

лежавший к азиатской церкви, где во взаимном противоборстве находились различные течения еврейского мира и эллинизированного Востока; другие вспоминают “пресвитера Иоанна”, о котором говорит Папий, наконец, третьи считают, что автор имел отношение к традиции, связанной с апостолом Иоанном».

Итак, согласно некоторым экзегетам автором четвертого Евангелия был (еще раз процитируем для точности) «какой-то христианин, писавший на греческом, живший в конце I века и принадлежавший к азиатской церкви, где во взаимном противоборстве находились различные течения иудейского мира и эллинизированного Востока». Иными словами, для них речь идет о некоем интеллектуале, живущем на стыке двух культур и сочиняющем в своем кабинете произведение весьма необычное, спору нет, но не слишком связанное с тем, что на самом деле могло произойти в Палестине.

Другие вспоминают «пресвитера Иоанна» — непонятно, по какой причине, ибо ни один древний автор, даже Папий и Евсевий, по-видимому, не связывали его с этим Евангелием.

Наконец, для третьих, вероятно, самых консервативных, автор «имел отношение к традиции, связанной с апостолом Иоанном»! Он не принадлежал к самой традиции, нет! Он лишь «имел отношение» к ней. Он не имел отношения к самому апостолу, нет! Он «имел отношение» (звучит довольно смутно) к традиции, «связанной» (опять звучит не очень ясно) с апостолом Иоанном.

Здесь, конечно же, речь не идет о том, чтобы полностью отрицать личностный фактор каждого из евангелистов. Каждый из них понимал благовестие на свой лад, каждый имел свою аудиторию и каждый стремился акцентировать тот или иной аспект в учении Иисуса. Вся работа экзегетов, направленная на то, чтобы выявить эту сторону дела, совершенно законна, необходима и даже благотворна, потому что помогает нам лучше понять все аспекты Христовой жизни и вести. Я сам в какой-то мере знаю этот вопрос, потому что много лет занимался этими проблемами. Но все эта работа с самого начала никуда не годится, если мы исходим из предубеждения, не считающегося с историей: ведь с такими предпосылками нельзя адекватно оценить благовест Христа. Мы просто будем находиться где-то в стороне, придавая значение только своим собственным интеллектуальным конструкциям.

В этой бедной Католической Церкви, с этим папой, который всегда непогрешим, все рухнет, но вот, например, православные, где нет непогрешимого папы или патриарха, умеют хранить веру. Поэтому в начале экуменического перевода Библии они не преминули сделать все свои оговорки:

«В такой работе трудно уйти от необходимости некоторого выбора, и если в каких-то случаях речь идет лишь о деталях, то в других дело касается весьма принципиальных вещей, например, в вопросе подлинности того или иного новозаветного повествования. Именно в этой области высказываются точки зрения, которые православная богословская комиссия не считает возможным принять в их распространенном изложении».

Ключевое слово здесь звучит резко, но тем не менее вполне оправданно: именно «подлинность» самих новозаветных текстов ставится под сомнение, когда речь идет об их авторах.

Однако непризнание их авторства не выглядит обоснованным. Если мы проведем строгое исследование и будем исходить не из априорных философских предпосылок, а из анализа Евангелий в их историческом контексте, нам придется признать, что все эти интеллектуальные конструкции оказываются несостоятельными. Мы с удовольствием ссылаемся на работы Б. Герхардсона, в которых автор говорит о том, сколь строгой была изустная передача учений в раввинском иудаизме и раннем христианстве (456). Интересны также исследования Р. Линдси (457), Робинсона (458), Флюссера (459), Тремонтана (460) и отца Жана Карминьяка (461). Во всех этих работах возникновение Евангелий рассматривается в их иудейском контексте, и точно так же (и, на наш взгляд, очень убедительно) делает Жаклин Жено-Бисмут, которая именно Евангелие от Иоанна исследует в свете ее собственной еврейской традиции. Благодаря исключительно глубоким познаниям в области древнего иудаизма и раввинской литературы, она имеет возможность провести конкретную параллель между текстом апостола Иоанна и законами и обычаями той эпохи и, поступая таким образом, она ясно показывает, что Евангелие от Иоанна (начиная с замечаний, сделанных на еврейском языке) было написано, что называется, «по горячим следам» жизни Христа (462). «Только глубоко укоренившимися богословско-экзегетическими предрассудками можно объяснить стремление отвергнуть очевидное, причем отвергнуть с такой неистовой злобой и страстью, которые с головой выдают наличие каких-то иных мотивов, не имеющих ничего общего с интеллектуально-научными». Увы, но так и есть! Ведь иначе под угрозой окажется прекрасная университетская карьера.

В работе Франсуа Ле Керра (463), которая вышла еще позднее и с которой солидаризуется исследование Жана Кольсона (464), хорошо показано, что Евангелие от Иоанна скорее всего было написано очень рано, где-то около 50-го года (это же допускал уже Робинсон, и, наконец, эту точку зрения принял и Оскар Кульман) (465). Доба-

вим, что один из наших лучших экзегетов пошел еще дальше: Андре Поль говорит, что почти в эту же пору римляне изобрели нечто вроде небольших «блокнотов», ставших прообразом наших будущих книг: они были гораздо удобнее свитков, которые приходилось постоянно разворачивать и сворачивать. Это очень простое изобретение было известно и в Палестине, и потому вполне возможно, что апостолы (а они, как мы помним, умели писать) постоянно заносили в такие книжки все самое впечатляющее из сказанного и сделанного Христом (так считает и Жаклин Гено-Бисмут). Андре Поль даже утверждает, что такие книжки, переведенные на греческий, вполне могли иметь хождение в тех регионах, где на арамейском больше не говорили (466).

Пусть читатель простит меня за столь долгое перечисление имен авторов, но я просто хотел показать, что в этом вопросе я не кажусь одиноким и несколько фантастическим исследователем. Речь идет о готовящейся радикальной перемене взглядов, которой, конечно же, многие воспротивятся: ведь если Евангелия были написаны прямыми свидетелями происходившего, значит, в рассказах о чудесах больше нельзя усматривать одну лишь педагогику, выработанную несколькими поколениями. Значит, все «чудесное», что есть в Евангелиях, надо снова воспринимать всерьез и, следовательно, по-новому воспринимать саму весть о Христе и его жизни.

ГЛУБИННЫЕ ПРИЧИНЫ РАЦИОНАЛИЗМА

Итак, речь идет о «причинах» — во множественном числе. Эти причины, конечно, связаны между собой, но первую определить не легко.

НАУКА КАК ЕДИНСТВЕННЫЙ ИСТОЧНИК ПОЗНАНИЯ РЕАЛЬНОСТИ

Теология и наука — это как два языка, которые, используя свои собственные подходы, сильно отличающиеся друг от друга, пытаются объяснить наш мир. Наши научные познания настолько расширились и углубились, что все этим просто очарованы. Что касается богословских положений, выдвигаемых людьми Церкви, то их никогда нельзя проверить опытным путем, и к тому же они не обладают оперативной действенностью. Научные теории, разрабатываемые нашими исследователями, заявляют о себе только после того, как прошли успешную проверку на экспериментальном уровне, оставаясь открытыми для возможных исправлений и согласований в соответствии с ростом наших знаний. Яркое подтверждение своей правоты они находят в прикладной области.

Да, наука все меньше и меньше наделяет нас смыслом вещей, смыслом существующего мира и нашего собственного существования: она просто описывает реальность и не более того. Словно пользуясь этой слабостью науки, теология дает нам то, что наука дать не может: она открывает нам смысл мира и нашей жизни.

Однако складывается впечатление, будто именно наука познает реальность, а не Откровение и теология, и потому этим последним если и надо искать смысл, то только в этой реальности и больше нигде. Такая установка — даже будучи неосознанной и, быть может, именно потому, что она не осознается — приводит к тому, что мы больше не верим в существование другой реальности, отличной от той, которая открыта перед наукой, т. е. той, которую мы познаем лишь нашими

физическими чувствами, вооружив их всеми техническими приспособлениями, которые только мог изобрести человеческий гений.

Однако реальность, втиснутая в ужасно узкие рамки этого эфемерного мира, не имеет никакого смысла. Смысл можно найти только тогда, когда мы выходим за пределы этой реальности, когда воспринимаем этот мир и свое существование в нем в гораздо более широком контексте, когда видим все это в ракурсе той высшей реальности, которая недостижима для науки. Все религии говорят о других уровнях реальности, о других возможностях существования, отличных от того, что мы имеем и знаем сейчас. Эти уровни могли существовать до появления нашего мира, могут существовать после его исчезновения, но также могут существовать параллельно той реальности, которую мы воспринимаем нашими чувствами, а иногда, вероятно, даже вступают с ней во взаимодействие. Тем не менее эти уровни не могут быть объектом научного познания, но открыты лишь для веры, а сама вера и предполагаемый смысл этого мира возможны только в соотношении с ними.

Ясно и недвусмысленно утверждая, что эти уровни реальности существуют, хотя и недоступны науке, вера вступает в прямой конфликт с наукой, по крайней мере, с той ее формой, которая в настоящее время господствует, т. е. с узким позитивизмом и материализмом. Этот конфликт неизбежен, и, пытаясь от него уклониться, наши теологи не помогают вере, а попросту отказываются от нее. Этот отказ тем более не простителен, что у нас есть много свидетельств в пользу существования этих иных уровней, и некоторые ученые, в конце концов, начинают ими интересоваться. По сути дела, наши богословы преклоняются перед сциентизмом XIX века, который сегодня полностью преодолен.

Именно это и имеет в виду профессор Реми Шовен, когда в своей книге, с иронической смелостью озаглавленной им как «Дьявол в кропильнице», с тревогой пишет:

«Вслед за многими другими автор [т. е. сам Реми Шовен] стремится найти причины крушения католицизма. Он объясняет это отсутствием научной культуры у экзегетов, которые, не зная настоящих наук, одержимы памятью о том, с каким презрением наука относилась к религии в XIX веке. Это заставляет их идти на уступки, которых наука XXI века, гораздо более развитая, совсем не требует. В результате это привело к резкому падению духовного призвания и духовной практики. Если на самом деле три четверти Евангелий — всего лишь какие-то послепасхальные легенды, если Христос воскрес только в духе апостолов, а не на самом деле, если сегодня об этом говорит сама

теология (в то время как раньше, на протяжении двух тысяч лет, она говорила прямо противоположное), то как же теперь верить тому, что говорилось раньше?

Стремясь к тому, чтобы как-то поладить с уже, по сути дела, устаревшей формой науки, экзегеты считали необходимым гармонизировать отношения между нею и Евангелием, ничего при этом не приобретая. Однако научная атмосфера очень сильно изменилась, потому что наука ушла далеко вперед. Сегодня многие учение, не будучи христианами, благосклонно относятся к области духа, и может случиться так, что произвольные уступки, сделанные прежней науке, окажутся бесполезными и губительными, а все дело в том, что у наших экзегетов просто нет никакой научной культуры».

ПОСТОЯННОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ ТЕОЛОГОВ

Этот отступление совершалось медленно и незаметно. Мне кажется, что оно началось много веков назад — с тех пор, как Фома Аквинский положил в основу богословия постулаты гениального языческого философа Аристотеля. Здесь я не буду настаивать на столь далеких истоках (467), однако быстрое развитие этой тенденции можно проследить по работам теологов и экзегетов последних десятилетий.

Вспоминаю об одном очень показательном разговоре, который состоялся у меня с несколькими друзьями-священниками. Они уже несколько лет знали, что я не пережил той интеллектуальной эволюции, через которую прошли они сами. Мы не торопились поднимать эту тему, боясь ранить друг друга: ведь теперь различие в наших позициях было просто огромным. Однако потом они сказали, что когда-то в молодости и в первые годы учебы в семинарии они тоже верили (как я это делаю до сих пор) во все евангельские чудеса: в исцеления, хождение по водам, а также в то, что почти все слова, которые в Евангелии говорит Иисус, говорил именно он. Будучи хорошими священниками, они не довольствовались пережевыванием того, что когда-то усвоили и постоянно следили за новыми работами в области теологии и экзегезы. И вот тогда, постепенно знакомясь со всем тем, чему теперь — в том же самом университете, где когда-то учились и они — учат новые богословы, они прошли через тяжелый период в их жизни и пережили настоящий кризис веры. Теперь они достигли нового равновесия. Они считают, что им удалось сохранить самое главное, но только в новом понимании, где нет места ничему чудесно-

му. «И теперь, — сказали они, — ты хочешь, чтобы мы пошли вспять, чтобы вернуться к тому, что оставили? Нет! Это очень нелегко: ведь то, через что мы прошли, стоило нам очень дорого. Такие вещи дважды в жизни не делаются. И к тому же ты совершенно одинок. Никто не последует за тобой».

Говоря о таких теологах, отец Даниэль Анж называет их «богословами подозрения» (по аналогии с «философами подозрения»), и надо сказать, что их сегодня очень много (468). Однако немало и тех, кто преодолевает всякое «подозрение», приходя к простому и чистому отрицанию. Вспоминаю, как в октябре 2003 года я участвовал в «круглом столе» в Жуан ле Пен, где были еще четыре собеседника, и среди них — священник и ректор Высшего богословского института (Ницца/София-Антиполис). Припомнив, сколько ученых работает в этом институте, придется признать, что должность у священника была довольно серьезной. И вот я услышал, как он с горделивой уверенностью заявил, что христианство вошло в историю нашего мира для того, «чтобы вырвать нас из-под власти священного» и что так называемого «сверхъестественного» больше не существует. Я ручаюсь, что сказано было именно так, слово в слово, и даже если эти слова вернуть в более широкий контекст всей беседы, они все равно будут означать именно это. Вспоминаю также, как, услышав столь чудовищное заявление, профессор Басараб Николеску в изумлении посмотрел на говорившего. А ведь этот профессор, физик и специалист в области элементарных частиц, не является священником — он просто принадлежит к православной религии!

ЧУДЕСА КАК ОСТАТОК ПРЕОДОЛЕННОГО БЛАГОЧЕСТИЯ

Этой причине, быть может, чрезмерно умозрительной, но тем не менее важной, часто сопутствует другая, более эмоциональная. У людей складывается впечатление, обычно неосознаваемое, что вера в чудеса, которые были в жизни Христа и святых, сопровождается каким-то назойливо морализирующим, душным, нередко слишком сентиментальным и совершенно невыносимым благочестием, которое зачастую вызывает резкое, почти физическое отвращение.

Я вполне понимаю такую реакцию, потому что сам испытываю нечто подобное, читая сообщения о каких-то более или менее правдоподобных явлениях Девы Марии и Христа или перелистывая бесконечные слащавые жития святых. Но я считаю, что если мы лучше

понимаем сам механизм таких рассказов, мы адекватнее воспринимаем и психологию читателя. Такие рассказы всегда связаны с определенной эпохой, с каким-то регионом, с конкретной личностью, причем часто это не только вопрос стиля, но и самой темы. Это, однако, не означает, будто в таких сообщениях вообще нет ничего от Бога: на самом деле все гораздо сложнее, хотя я прекрасно понимаю, что морализирующая слащавость многих наших «житий» немало способствовала тому, чтобы серьезно подорвать благоговейное отношение к Божьим деяниям.

Кстати, сегодня именно это и заставляет многих верующих, как мирян, так и священников, а нередко и ученых-теологов, не признавать непорочное зачатие Христа в лоне девы Марии. Причем озадачивает не столько сам чудесный момент такого зачатия, сколько то, что Церковь использует его для проповеди celibата, для восхваления святой девственности. Восточная Церковь никогда такого не делала: в ней тысячи женатых священников, и при этом она не испытывает каких-то затруднений в вопросе о непорочном зачатии Иисуса. Конечно, Христос как Бог мог бы вочеловечиться и через рождение от святого Иосифа, но Евангелия вполне однозначно говорят о другом. Отец Рене Лорентен хорошо заметил, что замешательство евангелистов по этому поводу очень показательны. Их смущает истина: ведь, говоря о рождении Христа, они хотели бы подчеркнуть исполнение уже имеющихся пророчеств в смысле его рождения по родословной Давида, а тут Иосиф как раз и подходит. Но они остаются верными истине, т. е. непорочному зачатию, потому что это — истина.

Итак, возвращаясь к сказанному, надо признать, что сегодня люди, не желающие находиться в атмосфере напряженности, которая часто компенсируется нездоровой сентиментальностью, систематически отвергают все чудесное, просто не вдаваясь в его рассмотрение. Они просто не хотят изучать свидетельства и работы по этой теме. Уже упоминавшийся нами Грохтман в своей диссертации отмечает, что ни один из теологов-рационалистов никогда не ссылается на процессы беатификации или канонизации, в которых, однако, очень серьезно проверяется подлинность необходимых чудес. Каждый раз на эти процессы приглашают различных специалистов, которых выбирают за их знания, а не верования: они очень серьезно изучают имеющиеся материалы, и их мнение очень весомо.

Ярким примером отрицания чудес является монсиньор Шуленбург, который раньше служил в соборе Пресвятой Девы Марии Гваделупской в Мехико. Он обратился к Святому Престолу с прошением не канонизировать Хуана Диего — индейца, которому в 1531 году

явилась Дева Мария. Прелат настаивал, что такого человека вообще не было, не обращая никакого внимания на многочисленные научно-исторические исследования, сделанные за несколько десятилетий. Дело в том, что теологию монсеньор Шуленбург постигал, как говорится, «в лучших домах»: он учился на теологическом факультете Инсбрукского университета и потому хорошо знает, что никаких чудес и видений не бывает. Впрочем, католические средства массовой информации почти ничего не говорят о чудесном аспекте таких видений, и это вполне соответствует точке зрения нашего епископа: в них подробно говорится о поездке в Мексику Святого Отца, о грандиозной канонизации Хуана Диего, но практически ничего — о явлениях Девы Марии этому индейцу, ни об удивительных результатах научных исследований ее изображения, запечатлевшегося на его плаще (469).

НИ ШАГУ НАЗАД!

Но почему мы, теологи, столь сведущие в различных психоаналитических, социологических, структуралистских, семиологических и прочих теориях, — почему мы как будто не видим всех этих исследований? Здесь мы приходим к третьей причине: она, конечно, не самая глубокая, но и не совсем благовидная, а роль играет очень важную. Дело в том, что все наши специалисты в области Писаний, все теологи уже целые десятилетия, опираясь на своих предшественников, пишут диссертацию за диссертацией, и все покоится на том, что ничего чудесного не существует, потому что оно просто невозможно. И что же теперь? Признать факты, которые ставят под сомнение обоснованность всего этого благородного сооружения? Об этом не может быть и речи! Ведь что получается? Вся жизнь — и не одна — посвященная таким интеллектуальным раздумьям, да к тому же и карьера — одним словом, все зиждется на постулате о невозможности чудес, а значит, вся их вселенная грозит превратиться в руины.

Такое неприятие слишком явно заявляет о себе всякий раз, когда случается какое-нибудь новое археологическое открытие, обнаруживается новый документ или появляется новая теория, заставляющая признать, что евангельские тексты гораздо древнее, чем принято считать, и являются почти современниками событий, о которых рассказывают. Я не говорю об аргументах, которые сразу же выдвигаются, чтобы это опровергнуть: в конце концов, исследователи постоянно

спорят между собой, и это нормально. Показательным является сам тон такой реакции, та злость и ярость, с которой сразу же стремятся дискредитировать очередного возмутителя спокойствия и заставить его умолкнуть. И настоящая причина здесь не в разуме и логике, а в эмоции и страсти.

ВПЛОТЬ ДО САМОИЗОЛЯЦИИ

Впрочем, это касается не только людей Церкви: так же плохо могут реагировать и ученые. Вспоминаю, как несколько лет назад на заседании ЮНЕСКО один известный ученый яростно кричал, что работам Джона Эклса (Нобелевская премия) нет места в его кабинете. Известно, что Джон Эклс в своих исследованиях пришел к выводу о существовании духа, не зависящего от тела и всего того, что мы называем материей. Здесь меня интересуют не научные соображения, на основании которых этот ученый не признал выводы своего коллеги: эти соображения могут быть вполне весомыми, и я не берусь об этом судить. Но вот то явное раздражение, с которым он на это реагировал, ясно показывает, что помимо научных доводов здесь налицо очень сильные эмоции.

Я вполне допускаю, что и сам Джон Эклс был эмоционален в своих исследованиях: в конце концов, исследователь — не компьютер. И слава Богу! Просто очень важно, чтобы он сам это осознавал, а если не он, то, по крайней мере, другие за него. Настоящий человек науки может очень легко стать жертвой своей собственной психологической блокировки, и с этим ничего не поделаешь. Прислушаемся к тому же Реми Шовену, когда он говорит: «Хватит любой ценой доказывать существование парапсихологических явлений тем людям, которые, слушая одни лишь свои чувства, даже не хотят познакомиться с имеющимся материалом!» (470). Он всегда рассказывает об одном французском ученом, который никак не хотел всерьез отнестись к фактам НЛО. Наконец, его спросили: «Но если однажды, открывая окно, вы вдруг увидите перед собой летающую тарелку, что вы станете делать? — Повернусь к ней спиной», — ответил этот ученый муж.

Чтобы просто существовать в этом мире, любой человек, ученый или нет, должен иметь его цельную, связную картину. Она начинает складываться в детские годы, и человек постепенно приспосабливается к тому, что его окружает. Если вдруг требуется все поставить под сомнение (даже для того, чтобы открыться лучшему, более прекра-

сному миру), человеку кажется, что на него посягают, и он впадает в панику. Он скорее предпочтет жить в тех границах, к которым уже привык, чем ворваться в мир, где все для него ново и, следовательно, тревожно. Здесь под угрозу поставлена не только вся его карьера, но и сама возможность жизни, и эта реакция инстинктивной защиты для ученых характерна так же, как и для всех других.

Известно, как драматично древнегреческие философы или ученые (в ту пору это было одним и тем же) восприняли открытие несоизмеримых величин. Как известно, могут существовать две величины, в которых при их измерении выбранная общая мера не укладывается в каждую из них целое число раз, какую бы меру мы ни выбрали. Можно ее увеличивать, можно, наоборот, сколько угодно уменьшать: все равно никогда не удастся найти ту общую величину, которая входило бы целое число раз в обе эти величины, т. е. соизмерить их. Например, несоизмеримы диагональ квадрата и его сторона или окружность круга и его диаметр. Для греческих философов это открытие столь явно свидетельствовало об отсутствии гармонии в мире, что все остальное, как им казалось, уже не имело смысла. Боясь, что другие люди просто впадут в отчаяние от этого ужасного открытия, они договорились не рассказывать о нем.

Итак, мы видели, до какого ослепления эта страсть или, может быть, защитная реакция порой доводит некоторых ученых (равно как и теологов): они даже готовы совершить нечто недостойное человека науки. Есть и такие, у кого враждебное отношение к чудесам идет еще дальше — и все потому, что за чудом и знамением они угадывают присутствие Того, кто творит эти чудеса, но в глубине своего сердца они уже решительно отвергают Его. Чудо не противоречит законам творения, но в силу своего исключительного характера оно раскрывает точечное, направленное действие Бога, раскрывает его вмешательство в нашу историю в соответствии с нашей позицией и отношением к его замыслу. Многие не могут или не хотят это выносить. Пусть Бог стоит у истоков нашего мира, пусть он устанавливает законы — это еще куда ни шло, но пусть однажды, как по щелчку, сделав это в самом начале, потом он уже не вмешивается в ход истории. Если же он постоянно продолжает разговаривать с человеком, если мы непрестанно живем под его оком и все время чувствуем, как он ждет нашего ответа и действует только в том случае, если мы сами этого хотим, тогда возникает такая зависимость, которую многие не могут, да и не хотят выносить. Тогда начинается бунт, доходящий до ненависти, до всяческих посягательств и преступлений — и мы это уже видели. За стремлением уничтожить Туринскую плащаницу, свидетельствующую о вмешательстве

Бога, скрывается желание уничтожить его самого, и точно так же за негромкими сражениями, где в ход идут интеллектуальные доводы, за психологической самоизоляцией скрывается всеобъемлющая, жестокая, космическая и метафизическая война Добра и Зла, Бога и Сатаны, и в сердце этой борьбы — чудеса.

Да, чудеса могут озадачить!

ЛОЖНЫЕ ЧУДЕСА ВМЕСТО ИСТИННЫХ

Порой эта борьба становится более тонкой и извращенной, чем открытое столкновение. Да, у «интеллектуалов» — как ученых, так и богословов — нередко наблюдается самая настоящая аллергия на чудеса, но все равно в глубине души человек ждет чего-то чудесного. Он хочет знать или, по крайней мере, хочет надеяться, что есть какой-то лучший мир — мир, в котором действуют другие физические и нравственные законы, мир, где царствует красота и любовь. Порой даже кажется: чем сильнее наука разрушает иллюзии в этом мире, тем сильнее человек влечется к чудесному. В конце концов, в мире, где все самым безжалостным образом подчинено безличной технике, воскресает, ширится и крепнет бесконечная потребность в чем-то совершенно ином, и вот тут людей, жаждущих чуда, очень легко обольстить, играя на флейте лжечудес.

Уже вырисовываются очертания того контрнаступления, которое предпринимают силы зла, и по мере того, как принятие чудесных, паранормальных явлений крепнет, вырабатывается и обратный маневр против Бога, нацеленный на восстановление понесенных потерь. «Чудеса существуют? Прекрасно!» — говорят нам наши противники. Вот, например, Саи Баба творит их буквально каждый день, да и до него это делали многие «чудотворцы». Они были всегда, эти великие «посвященные», а Христос — просто один из них: один из множества и не более того.

«Да, — с той же уверенностью заявляет другие, — взаимодействие между нашим миром и другими мирами действительно существует. Представители внеземных цивилизаций уже давно посещают нашу планету (471). Именно они стоят у истоков многих наших религиозных верований, и, вероятно, вся наша мифология является отражением этого. Именно они — подлинная причина многих “явлений”, как ангельских, так и относящихся к Деве Марии. Они манипулируют религиозными феноменами, чтобы поставить нас себе на службу».

Согласно другой версии, они делают это для того, чтобы мы постепенно развивались, видя то примитивное состояние, в котором мы сейчас находимся.

Подлинные «чудеса», понимаемые в религиозном смысле — как знаки присутствия Бога и его любви — вселяют немалую тревогу, и потому раздаются голоса о том, что чудеса — это, конечно, очень хорошо, но только не надо никакого обращения, не надо никаких радикальных перемен в жизни ради служения абсолютной и безусловной Любви. Такие люди хотят «мирских» чудес, не наполненных религиозным смыслом. Они любят повторять, что «мы — уже Бог», и «причина зла лишь в том, что мы недостаточно в этом убедились». Наверное, самый лучший способ покончить с Богом — заменить его. Так станем же на его место, и тогда он не сможет вернуться.

Перед нами расхожие взгляды сторонников «Нового века», бездарно повторяющих индийскую мистику, называемую «мистикой имманентности». При таком понимании человек, в конце концов, остается один на один с самим собой, и ему уже не дано радостно осознать, что его творец и спаситель любит его (472).

И в этом случае снова временную победу одерживает сатана, «князь мира сего», как говорит св. Иоанн.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Завершая разговор о различных чудесных явлениях — природных, демонических или Божьих — я надеюсь, что читатель сможет лучше понять, какова же та истинная История мира, в которой разворачивается история его собственной жизни. Если же он христианин и к тому же католик, я надеюсь, что он лучше поймет и тот кризис, который переживает его Церковь.

Этот кризис очень глубок: наверное, самый глубокий после арианства. Распри и расколы, вызванные различными взглядами на культ Пресвятой Девы Марии, на таинство Евхаристии и роль папства; более тонкие проблемы (например, вопрос об исхождении Святого Духа) или вопросы вторичные (например, об использовании пресного хлеба для Евхаристии) — все это разделило Церковь. Сегодня под вопрос поставлено само существо веры, причем все чаще это делается скрытым образом: слова остаются теми же, но смысл меняется.

И все это исходит не от отдельных людей или сообществ, не из каких-то регионов, как было в прошлом. Нет! Этой тенденции следуют практически все теологи официальной Церкви, постепенно удаляющиеся от традиционного мистического учения, и порой кажется, что сатана, «князь мира сего», уже восторжествовал.

Есть, правда, небольшие группы, пытающиеся сохранить традиционную веру, но чаще всего это консерваторы, для которых идеалом остается средневековье. Это те, кого несколько презрительно называют «интегритами». Они верят в божественную природу Христа, в его непорочное зачатие и воскресение, после которого гробница, в которой он лежал, осталась пустой, верят в чудеса и т. д. И во всем этом я их только поддерживаю. Но они же не идут дальше св. Августина, для которого все некрещеные будут прокляты, не идут дальше св. Фомы Аквинского, который считал, что Божье всемогущество несовместимо со свободой человека и т. д. И тут я не могу с ними согласиться.

Есть также священники, вышедшие из Церкви или исключенные из нее — часто потому, что они женились и создали семью. Я считаю, что римской Церкви лучше было бы вернуться к практике Церкви первохристианской, которой следуют все православные Церкви и в которой воля Христа засвидетельствована вернее. В конце концов, есть дела, которые красноречивее слов. Поставив св. Петра, который был женат и имел семью, главою своей Церкви, т. е., по сути, сделал

его первым папой, Христос совершенно ясно показал, что священство и брак не противоречат друг другу. Протестанты не признали значимости священного безбрачия, тогда как католики, наоборот, гипертрофировали его значение, прочно связав его со священством. В православной Церкви — тысячи монахов и монахинь, но столько же женатых священников. Их концепция супружеской любви может быть вполне мистичной, не будучи при этом совершенно спиритуализированной. Они знают, о чем говорят.

Однако упомянутые группы, которые находятся уже вне Церкви, конечно же, не определяют ее будущее. Они протестуют против ее сегодняшнего устройства и, без сомнения, во многом правы, но они немногочисленны, не слишком сплоченны и никогда не построят настоящей Церкви. Они только протестуют против того, что существует, но не созидают. Кроме того, у них нет никакой теологии, и обычно они солидаризируются с самыми деструктивными тенденциями официального богословия. От христианства у них — лишь туманные благодушно-человеколюбивые разговоры.

Сегодня есть много признаков того, что над Церковью нависла угроза далеко не шуточного столкновения (которое, собственно, уже началось) между «интегритами» и «редукционистами» или «ультралибералами».

Еще существует верная «старая гвардия» священников, которым уже за восемьдесят. Нередко это те, кто принимает участие в работе различных комиссий, экуменических диалогах и т. д., но за ними уже не идут и они практически уже никого не представляют, кроме себя самих. Это громадный фасад великолепного дворца, но внутри все в развалинах, и при малейшем толчке этот фасад рухнет.

Однако если в краткосрочной перспективе ситуация порой кажется мне безнадежной, то я несколько не беспокоюсь о будущем — по той простой причине, что Бог не оставляет нас и даже умножает те средства, которые содействуют исполнению его замысла. Среди толкователей Нового Завета маятник двинулся в противоположную сторону: появляется все больше тех, которые считают, что Евангелия были написаны «по горячим следам», и потому признают, что слова, приписываемые Христу, скорее всего были сказаны им самим, а повествования о чудесах напрямую восходят к их очевидцам — апостолам и ученикам. К тому же современная картина мира уже никак не соответствует тому, о чем наука говорила в XIX веке, и даже наши богословы, в конце концов, начинают это понимать. Постоянно множится число паранормальных явлений (от пограничных предсмертных переживаний (EFM) и до инструментальной транскомуника-

ции (ТСІ). Но особенно я верю в просветленность наших монастырей, в духовный опыт многих молодых людей, которым обычно не удается найти себя в Церкви, но которые не перестают искать. Я верю в свидетельство наших святых, в жизнеспособность православных Церквей, которые, благодаря своей независимости от Рима, сумели гораздо лучше сохранить богословско-мистическую традицию первых веков христианства и даже развить ее в течение нескольких десятилетий, несмотря на ужасные исторические условия.

Но прежде всего я верю в бесконечную Божью любовь, которая оставила нам несколько «бомб замедленного действия» — таких, как плащ Хуана Диего в Мексике или все те полотна, на которых запечатлелись следы Христовых Страстей. Веками они хранили свои знамения, хотя и остававшиеся неясными, и только в наше время, благодаря современным технологиям, их, наконец, удалось прочесть. Бог знал это — как и то, что мы сможем раскрыть смысл этих чудес как раз тогда, когда больше всего будем в них нуждаться.

Еще я верю в бесчисленные явления Девы Марии в различных странах — как раз тогда, когда верующим приходилось особенно тяжело: в Германии во времена нацизма, в Варшаве в 1959 году, в Ливане в годы гражданской войны и в других странах...

Божьи знамения бесчисленны и постоянны — нам остается лишь распознавать их!

«Если бы ты знала дар Божий!» — сказал Христос самарянке (Ин. 4, 10).

Содержание

Протоиерей Владимир Василик. Борьба продолжается"	5
Предуведомление	9
Введение	11
I. ЕСТЕСТВЕННЫЕ «ЧУДЕСА»	17
«Дом с лицами» в Бельмесе	19
Исторический фон событий	20
Начало	22
Формирование «лиц»	25
«Аппорт»	28
Паранормальные фотографии	29
Магнитофонные записи	30
Агрессия незримого	32
Первые наблюдения	33
В поисках разгадки	36
«Облегченная коммуникация» и «психофания»	39
«Облегченная коммуникация»	40
«Психофания»	41
Что происходит на самом деле?	43
Удаленная «психофания»	45
Психофания не знает языкового барьера	48
Сознание с первых минут жизни	51
Общение с умершими	54
Естественное явление	55
Медиумизм	57
«Автоматическое» или «богодухновенное» письмо	58
«Инструментальная транскомуникация»	60
Позиция церкви	62

II. «ЧУДЕСА» ДЬЯВОЛА	65
Силы зла	67
Ложные стигматы	69
Ложная мистика	72
Ложные явления	77
Подлинная одержимость	85
Германия, середина XIX века	88
Италия начала XX века	92
Франция, XX век	97
Слуги сатаны	100
Карл Маркс	101
Адольф Гитлер	105
Сатанинские секты	110
III. БОЖЬИ ЧУДЕСА	115
Что такое Божье чудо?	118
Тупик: Божье чудо как доказательство	118
Чудо как знак	122
Божьи чудеса и Божье могущество	124
Чудесные исцеления	126
Официально признанные исцеления	126
Гипотеза спонтанной регенерации	127
Гипотеза локального временного ускорения	129
Гипотеза спонтанной ремиссии	132
Гипотеза Божественного вмешательства	134
Удивительный мистик: Натутца Эволо	145
Детство	146
Видение умерших	147
Феномен географии	151
Время испытаний	158

Натуцца, медиум на включении.....	161
Вести из ада и чистилища.....	165
Как Натуцца видит ангелов-хранителей.....	167
Билокация Натуццы.....	168
Страсти Натуццы.....	172
Дьявольское нападение и чудесное исцеление.....	180
Радость Натуццы.....	181
Следы Христовых страстей.....	182
Туринская плащаница.....	182
Незначительная тайна?.....	182
История.....	186
Первый этап: Эдесса.....	189
Второй этап: Константинополь.....	197
Третий этап: Лире, Франция.....	203
Четвертый этап: Турин.....	213
Другие плащаницы.....	215
Ложь углеродной датировки.....	217
Состояние научных исследований.....	226
Попытки объяснения.....	243
Предварительный вывод.....	253
Сударий из Овьедо.....	256
Хитон из Аржантёя.....	264
Чепец из Каора.....	271
Ланчанское чудо.....	283
Битва продолжается.....	288
Крушение веры.....	289
Теологи больше не хотят чудес.....	292
Безосновность чистой веры.....	294
Тонкости экуменического перевода Библии.....	296
Глубинные причины рационализма.....	300
Заключение.....	310

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «АЛЕТЕЙЯ» МОЖНО ПРИОБРЕСТИ

в Санкт-Петербурге:

.....
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»
Санкт-Петербург, Литейный пр., 57 (с 10:00 до 22:00)
8 (812) 273 50 53 www.podpisnie.ru
.....

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «ВСЕ СВОБОДНЫ»
Санкт-Петербург, ул. Некрасова, 23 (с 12:00 до 22:00)
8 (911) 977 40 47 www.vse-svobodny.com
.....

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «КНИЖНАЯ ЛАВКА ПИСАТЕЛЕЙ»
Санкт-Петербург, Невский пр., 66 (с 10:00 до 22:00)
8 (812) 640 44 06 www.lavkapisateley.spb.ru
.....

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «СЛОВО»
Санкт-Петербург, ул. Малая Конюшенная, 9 (с 11:00 до 20:00)
8 (812) 571 20 75, 8 (812) 312 52 00 www.slovo.net.ru
.....

**ДУХОВНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЕПАРХИИ «НЕВСКИЙ, 177»**
Санкт-Петербург, Невский пр., 177 (с 10:00 до 20:00)
8 (812) 643 77 43 www.vk.com/dpcspbe
.....

в Москве:

.....
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «МОСКВА»
Москва, ул. Тверская, д. 8, стр. 1 (с 09:00 до 24:00)
8 (495) 629 64 83, 8 (495) 797 87 17 www.moscowbooks.ru
.....

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «ФАЛАНСТЕР»
Москва, Малый Гнездиновский пер., 12/27 (с 11:00 до 20:00)
8 (495) 749 57 21, 8 (495) 629 88 21 www.falanster.su
.....

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «ЦИОЛКОВСКИЙ»
Москва, Пятницкий пер., 8 (с 11:00 до 22:00)
8 (495) 951 19 02 www.primuzee.ru
.....

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «БУКВЫШКА»
Москва, ул. Мясницкая, 20 (пн. –пт. с 10:00 до 20:00, сб. с 10:00 до 19:00)
8 (495) 621 49 66, 8 (495) 628 29 60 www.bookshop.hse.ru

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «БИБЛИО-ГЛОБУС»
Москва, Мясницкая ул., д. 6/3, стр. 1 (пн.–пт. с 9:00 до 22:00, сб.–вс. с 10:00 до 21:00)
www.biblio-globus.ru

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «У КЕНТАВРА»
Москва, ул. Чайнова, 15 (пн.–пт. с 10:00 до 19:30, сб. с 10:00 до 17:00)
8 (495) 250-65-46 www.rsuh.ru/kentavr

в Минске, Киеве, Варшаве, Риге:

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «ЭПОСЕРВИС»
Минск, ул. Казинца, 123, оф. 4
+375 17 338 95 23 www.tregross.com

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «КНИЖНЫЙ БУМ»
Киев, Вербовая ул., 8 (вт.–вс. с 11:00 до 17:30)
+38 067 273-50-10 www.academbook.com.ua

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН при «Centrum Nauczania Języka Rosyjskiego w Warszawie»
Ptasia 4, 00-138 Warszawa
+48 22 826 17 36 www.jezykrosyjski.com.pl

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «Intelektuāla grāmata»
Kr. Barona iela 45/47, Rīga (пн.–пт. с 10:30 до 19:00, сб. с 11:00 до 18:00)
+371 67315727 www.merion.lv

Электронные книги:

ДИРЕКТ-МЕДИА www.directmedia.ru
ЛИТРЕС www.litres.ru

Интернет-магазины:

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «МОСКВА» www.moscowbooks.ru
OZON www.ozon.ru
NATASHA KOZMENKO BOOKSELLERS www.nkbooksellers.com
ESTERUM www.esterum.com
БУКВОЕД www.bookvoed.ru
ЧИТАЙ ГОРОД www.chitai-gorod.ru
МУ-SHOP.RU www.my-shop.ru
КНИЖНЫЙ БУМ www.academbook.com.ua

отец Брюн Франсуа

БОГ И САТАНА

Борьба продолжается

Главный редактор издательства

Игорь Александрович Савкин

Дизайн обложки *И.Н. Граве*

Оригинал-макет *И.Р. Поздняков*

Корректор *Д.А. Потапова*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.

Издательство «Алетейя»

Заказ книг: тел. +7 (921) 951-98-99,

e-mail: fempro@yandex.ru, Савкина Татьяна Михайловна
192029, г. Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны, д. 86 А, оф. 536, 532

Редакция: тел. (812) 577-48-72, e-mail: aletheia92@mail.ru,
191015, г. Санкт-Петербург, ул. 9-ая Советская, д. 4, офис 304

www.aletheia.spb.ru

*Книги издательства «Алетейя» можно приобрести
в Москве:*

«Библио-Глобус», ул. Мясницкая, 6. www.biblio-globus.ru

Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83

«Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2. Тел. (495) 915-27-97

«Фаланстер», М. Гнезниковский пер., 12/27. Тел. (495) 749-57-21, 629-88-21

«Циолковский», ул. Б. Молчановка, 18. Тел. (495) 691-51-16

Книжная лавка «У Кентавра». Миусская площадь, д. 6, корп. 6

Тел. (495) 250-65-46, +7-901-729-43-40, kentavr@kpole.ru

в Киеве:

«Книжный бум». Тел. +38 067 273-50-10, gron1111@mail.ru

в Минске:

«Трэгросс-Бук», ул. Казинца, д. 123, оф. 4.

Тел. +37 517 338 95 23, www.tregross.com

в Варшаве:

«Centrum Nauczania Języka Rosyjskiego»,

ul. Ptasia 4. Тел. +48 (22) 826-17-36, szkola@jezykrosyjski.com.pl

в Риге:

«Intelektuāla grāmata»

Rīga, Kr. Varona iela 45/47. Тел. +371 67315727, info@merion.lv

Интернет-магазин: www.ozon.ru

Формат 60x88¹/₁₆. Усл. печ. л. 19,43. Печать офсетная.

Заказ №